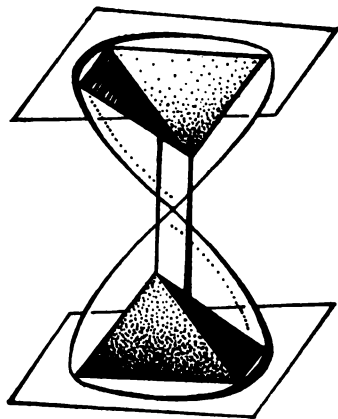

Ф_{илософское}
О_{бразование}

В.И.МЕЛЬНИК

**ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ
КАК МЕРА РАЗВИТИЯ
ИНДИВИДА И ОБЩЕСТВА**

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР
ПРОБЛЕМ НЕПРЕРЫВНОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ПРИ УРАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИМ. А.М. ГОРЬКОГО

Серия
«Философское образование»

Редакционный совет серии:

В.В.Ким (председатель),
В.И.Колосницын, В.И.Копалов,
И.Я.Лойфман, К.Н.Любутин, В.И.Плотников,
В.Д.Толмачев (редактор-координатор), Н.Н.Целищев,
Л.П.Чурина (ученый секретарь)

РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
МЕЖВУЗОВСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ НЕПРЕРЫВНОГО
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ УРАЛЬСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. А.М.ГОРЬКОГО

Серия
«Философское образование»
Выпуск 11

В.И.МЕЛЬНИК

**ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ
КАК МЕРА РАЗВИТИЯ
ИНДИВИДА И ОБЩЕСТВА**

Екатеринбург
1999

УДК 130.2:008
ББК 87.6:71.05
М48

Печатается по решению Межвузовского
центра проблем непрерывного гуманитарного образования

Мельник В.И.

М48 Цивилизованность как мера развития индивида и общества / Рос. филос. о-во; Межвуз. центр проблем непрерыв. гуманитар. образования при Урал. гос. ун-те им. А.М.Горького. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. — 168 с. — (Сер. «Философское образование» / Ред. совет: В.В.Ким (предс.) и др.; Вып. 11).

ISBN 5—7851—0233—1

Издание посвящено характеристике цивилизованности как меры развития индивидов, общества, цивилизации, потенциала их гуманистической благотворности, противодействия нецивилизованности. С антропологических и социокультурных позиций раскрываются критерии измерения и оценки цивилизованности индивидов, общества, их основных сфер жизнедеятельности. Конкретизируются признаки цивилизованности постиндустриального общества, выясняются проблемы и резервы развития цивилизованности современной России.

Для преподавателей, аспирантов, студентов и учащихся всех форм образования.

Научный редактор:

Ю. Г. Е р ш о в, доктор философских наук, профессор

Рецензенты:

кафедра культурологии Уральского государственного технического университета (УГТУ-УПИ);

В. Г. Н е с т е р о в, доктор философских наук, профессор

© В.И.Мельник, 1999 .
© И.В.Коношенко, рисунок, 1999
© Банк культурной информации,
оформление, серия, 1999

ISBN 5—7851—0233—1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одиннадцатый выпуск серии «Философское образование» посвящен характеристике цивилизованности как меры развития индивидов, общества, цивилизации.

Во введении акцентируется внимание читателя на трудностях выбора людьми ориентиров своей жизнедеятельности, развития общества. Подчеркивается, что динамика современной эпохи настоятельно требует новых ориентиров общественного развития, таких, которые бы возвеличили роль человека в обществе, помогали бы развитию его способностей. В качестве одного из таких актуальнейших современных ориентиров рассматривается критерий цивилизованности людей, обществ, стран и народов.

В первой главе «Цивилизация и цивилизованность» исследуются вопросы разных трактовок цивилизации, ее понимания автором как модели особого устройства общества, специфической социальной формы организации общественных условий развития жизнедеятельности людей, каждого человека как индивида, личности. Цивилизация представляется как единство многообразия стадий, циклов, форм ее исторической реализации, таких атрибутивных ориентиров и мер этой реализации, как цивилизованность и нецивилизованность.

Во второй главе «Мерные значения цивилизованности» выясняется коренная противоположность названных атрибутов цивилизации через раскрытие их разного характера как форм деятельности людей, направленной на приобретение жизненных благ. Цивилизованность рассматривается как форма гуманистически благотворной деятельности для жизни и развития людей, а нецивилизованность как форма насилия над жизнью и личностью человека, их разрушения с целью обеспечения эгоистического благополучия. Особое внимание обращается на характеристику цивилизованности как меры гуманистической благотворности людей — главной единицы конкретизации, измерения и оценки их сущностных сил, созидательных, творческих способностей. С этих позиций выясняются критерии цивилизованности человека, уровня развития разных людей, а также общества, его сфер жизни, этнонационального самоопределения.

В третьей главе «Признаки современной цивилизованности» раскрываются основные признаки современной цивилизованности индивидов и общества в свете самых передовых научно-технических, социально-экономических, организационно-управленческих и идейно-политических достижений и вместе с тем новых реалий «цивилизованного варварства» постиндустриального общества, анализируются закономерности приобщения к этим достижениям представителей разных стран и регионов мира.

В четвертой главе «Проблемы развития цивилизованности современной России» выясняются исторические корни евразийского типа цивилизованности России, особенности этой цивилизованности в условиях современного реформирования нашего общества, возникновения и углубления в нем кризиса всех сфер его жизнедеятельности: производственно-экономической, государственно-политической, социально-бытовой и духовно-культурной. Исследуются причины этого кризиса и даются рекомендации для возрождения и развития цивилизованности каждой из названных сфер, их модернизации и концентрации на решении единой задачи — восстановления и развития творческого потенциала гуманистической благотворности, единения личных и общественных интересов каждого россиянина.

В целом данная работа дает исторический теоретический материал, аналитическую и воспитательную методологию решения проблем повышения цивилизованности людей, каждого индивида, общества, методологию, ценностные ориентации которой так актуальны сегодня во всем мире и, в частности, в нашей стране.

Текст работы снабжен библиографическими ссылками на исследования цитируемых авторов, списком литературы.

К работе прилагается подборка цитат, афоризмов, высказываний мыслителей древности и современности о сущности человека, социокультурных условиях его существования в цивилизованном обществе. Предлагается также словарь основных терминов, раскрывающих содержание цивилизационного процесса, факторов многообразной деятельности людей, носящей цивилизованный и нецивилизованный характер. Раскрывается связь стадий цивилизационного развития с соответствующими стилевыми способами отображения реальной действительности и деятельности людей.

ВВЕДЕНИЕ

Завершающийся XX век был самым суровым в развитии человечества, полным мировых войн и революций, социально-экономических и политических потрясений, обострения глобальных экологических проблем, переоценки культурных ценностей, ослабления духовно-нравственных устоев жизнедеятельности людей. В то же время он принес человечеству грандиозные научно-технические открытия, технологические достижения и демократические завоевания прав и свобод личности, вылившиеся в эпохальные сдвиги в формах устройства общества, индивидуального и общественного сознания людей, в теоретических и методологических основах и принципах анализа.

Выход развитых стран Запада на новые рубежи постиндустриального общества, а также распад социалистической системы, бывшего СССР, поставили под сомнение идеологические ориентиры оценки уровня и характера развития общества, индивидов, всех сфер их жизни и развития на основе таких формационных понятий, как капитализм или социализм. Слом тоталитарной системы «государственного социализма» обострил все проблемы жизнедеятельности нашего общества. Эти проблемы, усугубленные современной реформацией, актуализировали острейшие вопросы: Куда идти? Какое новое общество строить? Какие ценности сохранить, а какие отбросить? Чем, какими целями, формами преобразовательной деятельности, социокультурными установками ориентироваться в реформации основ устройства жизнедеятельности наших людей?

Проблема критериев оценки значимости и характера тех или иных индивидуальных и общественных действий людей, измерения условий их жизнедеятельности сегодня стала особенно актуальной. Протагор провозгласил: «Человек есть мера всех вещей!». Но какова мера самого человека, основ его жизни и развития в современных динамичных и сложных условиях ускорения социальных сдвигов и постоянных перемен?

Современные проблемы человечества, нашего общества говорят о том, что для людей самым трудным является выбор ориентиров и критериев их жизни, общественных изменений. Однако в условиях глобальных ант-

ропологических, социальных, экономических, политических и экологических проблем люди так или иначе обращаются к такому императиву разрешения этих проблем, как цивилизованность. Уже всем стало ясно, что при современном уровне накопления и разрушительности вооружений многих стран невозможно решать общественные и международные проблемы силовыми методами, не ввергая при этом человечество в кризисные или катастрофические ситуации. Только цивилизованность может способствовать сохранению мира на Земле, самого человечества и его цивилизации. Только цивилизованность может и должна побеждать нецивилизованность, ибо по сущности своей она есть способ и мера гуманистической благотворности людей и условий их общественной жизнедеятельности.

Малоизученная категория цивилизованности таит в себе огромные возможности измерения и ориентирования социального познания и практического действия людей. Цивилизованность необходимо рассматривать как важнейшую антропологическую и социокультурную меру действий, поступков и мыслей людей. Характеристика цивилизованности как деятельной формы и меры гуманистически благотворного вклада индивидов, общества, страны, нации, региональной и мировой цивилизации в индивидуальное и общественное саморазвитие людей, всего человечества отличает ее авторскую трактовку в данной работе.

Понятие цивилизованности интегрирует в себе признаки и особенности цивилизации, выражает ее гуманистически созидательный способ формирования и развития, накопления общественного богатства. Мерность цивилизованности помогает конкретизировать исторические особенности и шаги цивилизаций, определять их достижения и показывать оборотную сторону из жизни и развития — нецивилизированные деяния человека. Особенно актуален показ специфической «борьбы» цивилизованности и нецивилизованности индивидов, общества в условиях развития современной постиндустриальной цивилизации, а также при осмыслении и решении проблем реформации и демократизации нашей страны. Такое решение основной темы данного исследования дает объективную картину достижений и недостатков постиндустриализма, помогает высвечивать то, что еще сохраняется гуманистического и благотворного в жизнедеятельности наших людей. Специфическая российская цивилизованность нашей страны подсказывает, как надо проводить самобытную опережающую, а не догоняющую модернизацию всех сфер жизнедеятельности нашего общества.

Раскрытие сущности цивилизованности как меры гуманистической благотворности человеческой деятельности и как антипода нецивилиз-

ванности, античеловеческих проявлений позволяет выяснять не только ценностные ориентации, разделять позитивные и негативные формы поведения, мыслей и действий индивидов, но и целенаправленно, в духе цивилизованности воспитывать их, а также решать задачи социокультурного переустройства и совершенствования нашего общества, прогнозирования современной и будущей цивилизации человечества.

ГЛАВА I

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ

ПОНЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Пожалуй, ни одно из понятий не обладает такой многозначностью и многоаспектностью, как *цивилизация*. Оно употребляется и как синоним прогресса, уровня развития духовной и материальной культуры вообще или того или иного народа в частности; и для обозначения характера и направленности развития мировой человеческой истории; и для определения ступеней, стадий, циклов общественно-исторического развития, последовавших за дикостью и варварством; и как особый способ, посредством которого народы и страны разрешают свои экономические, социально-политические и духовные проблемы; и наконец, как способ существования человеческого разума во Вселенной.

Многое зависит от того, какой признак цивилизации в качестве коренного, главного кладется в основание этого понятия. Поле для конструкций здесь необозримо — от разграничения языковых особенностей, систем письменности и алфавита, национальных традиций и ценностей культуры тех или иных этносов до различения в употреблении ими пищи и алкоголя («зона вина», «зона водки», «зона сухого закона»). Часто именно подмена главных признаков второстепенными позволяет политикам, публицистам утверждать о некоем «выпадении» современной России из мировой цивилизации, утрате ею меры цивилизованности.

В научный обиход понятие цивилизации было введено французским Просвещением XVIII века в качестве термина, обозначающего прогресс общества на началах разума и справедливости, освобождения человека от пут сословной зависимости, секуляризацию общественных отношений, то есть переход от религиозно-церковных общественных отношений к гражданским, светским формам регуляции всей системы общественных отношений, просвещения и образования. Речь шла о возрастании цивилизованности как способа гуманизации общественных отношений на основе прогресса нации, образования, промышленности, торговли, реме-

сел, понимания более высокой значимости духовных, нравственных ценностей в развитии индивида и общества. Представление о цивилизации утверждалось в противоположность варварству, дикости, невежеству, деспотизму, насилию над человеческой личностью, оно связывалось с Реформацией и Возрождением, с абстрактными идеалами свободы, равенства и справедливости (Дидро, Гольбах, Гельвеций, Мирабо, Тюрго).

В то же время отдельные философы-просветители (Ж.-Ж.Руссо) уже тогда, в XVIII веке обратили внимание на несоответствие между прогрессом науки и техники и падением нравов, ростом «цивилизационного» одичания, варварства. Многим из них казалось даже, что «золотой век» человечества уже не впереди, а позади; что прогресс цивилизации не означает прироста человеческого счастья и благополучия, хотя и возмещает отчасти им же наносимые удары. Соответственно и к так называемым «великим эпохам» цивилизации нередко относили лишь прошлые — Вольтер, например, времена правления Александра Македонского, римского императора Августа, клана Медичи во Флоренции да Людовика XIV во Франции.

Культурологические подходы к пониманию цивилизации были подхвачены и развиты многими европейскими философами и историками XIX века. Постепенно стала утверждаться идущая от немецкого философа И.Гердера идея связи цивилизации, взятой во всемирном масштабе, не только с особенностями культуры той или иной эпохи, но и национальными, историческими традициями различных стран и регионов. Формировалось понятие «локальных цивилизаций». По Гердеру, творческий дух народа и времени были исходной мерой, основным условием локализации той или иной культуры. Через этот критерий Гердер связывал воедино процесс локализации и стадийного развития мировой цивилизации¹.

Идею локализации центров цивилизации развивали также О.Шпенглер, Н.Я.Данилевский, А.Тойнби, П.Сорокин и др. Рассматривая культуру, ее исторические типы в качестве источника и обозначения цивилизации, они признавали и локальное, и стадийное деление цивилизации. Например, Н.Я.Данилевский осмысливал ход истории как смену вытесняющих друг друга культурно-исторических типов общества, каждый из которых максимально реализует себя, свою индивидуальность в период цивилизационного расцвета, а затем, исчерпав свои возможности, уступает место новому².

По мнению О.Шпенглера, общественная история не имеет единого для всего человечества вектора поступательного развития. Каждую цивилизацию следует рассматривать двояко и противоречиво: с одной стороны, связывая ее с «высотой культуры», а с другой — противопоставляя ее этой же культуре как некоему целостному организму. Шпенглер разделил

цивилизации на два разряда, один из которых связан с культурой, существовавшей около I тыс. лет, а второй — с высокой культурой, существовавшей около 3,5 тыс. лет. В ходе своего развития цивилизации «высокой культуры» проходят четыре этапа: скрытый (первобытно-духовный); раскрытия (с вычленением формы культуры); самореализации (когда рождаются народы, языки, искусство, государство и наука); окостенения — ухода из культуры «живой» идеи и сведения этой культуры к сумме технических приемов и навыков. Последний этап, например, в греко-римской («аполлоновской») культуре, по Шпенглеру, произошел в эпоху эллинизма, а в западноевропейской («фаустовской») начался в XIX веке³.

Значительный вклад в теорию цивилизации внес крупнейший английский историк А. Тойнби. Испытывая определенное влияние культурологических подходов О. Шпенглера, он развивал идею прогрессивного становления человечества на основе развития «высших религий» и церкви, переноса анализа этого развития с отдельных «локальных цивилизаций» на «своего рода ойкуменическую, всеохватывающую цивилизацию»⁴.

Всего в истории человечества Тойнби насчитывал до трех десятков «локальных цивилизаций», из которых в середине XX века, по его мнению, осталось не более семи. Наиболее «жизнеспособными» среди них он считал: 1) западно-христианскую (включая Америку и Австралию); 2) православно-христианскую (включающую страны юго-восточной Европы и Россию, где распространено православие); 3) исламскую (от Северной Африки до Среднего и Ближнего Востока, от Атлантики до внешней стороны Великой Китайской стены); 4) индуистскую (на тропическом субконтиненте Индии); 5) дальневосточную с японской ветвью (включающую районы субтропического и умеренного пояса между засушливой зоной и Тихим океаном). Остальные две цивилизации Тойнби считал уже «окаменевшими остатками ныне вымерших цивилизаций», связанных с различными направлениями (сектами) иудаизма и буддизма⁵.

Культурологическое понимание цивилизации с включением в нее как духовной, так и материальной культуры объединяет авторов французского исторического журнала «Анналы», освещающего и разрабатывающего эту тему с 1929 г. Популярность школы «Анналов» связана прежде всего с тем, что ее представителям впервые удалось осуществить широко-масштабный подход к анализу цивилизации и дать ее трактовку как социокультурной целостности произвольного масштаба, воплощенной в образе жизни и типе ментальности народов, которые в свою очередь не жестко («пассибилистски») связаны с естественно-географической, демографической и социально-политической средой, хозяйственно-экономическими и политическими способами выживания в условиях этой среды.

Наиболее плодотворным представителем школы «Анналов» стал Ф.Бродель, поставивший целью схватить характер цивилизации в структуре «целостного исторического факта» — любого предмета, события, отношения, в которых отражаются ценности и мировоззрения данной цивилизации. «Реестр» этих проявлений в формах традиционной культуры дает, по мнению исследователя, полное представление о «материальной цивилизации» — медленно эволюционирующей системе ментальных структур и культурных традиций, существующих в тесном взаимодействии с бытом человека, формами его приспособления к окружающей среде. По Ф.Броделю, культура и цивилизация — «эти два слова, что бы там ни говорили, в большинстве случаев могут употребляться как взаимозаменяемые»⁶.

Традиция определения цивилизации через понятие культуры была и остается одной из ведущих и в современном обществоведении. Крупный американский политолог и исследователь цивилизации С.Хантингтон прямо представляет ее как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. «Цивилизация» определяется наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной самоидентификации людей⁷.

Популярность культурологических подходов к трактовке понятия цивилизации выдвигает вопросы: почему именно культуре придавалось и придается первостепенное значение в этой трактовке? Если понятия культуры и цивилизации тождественны, то не является ли одно из них лишним? Ответы на эти вопросы связаны с выяснением, во-первых, значения культуры для становления цивилизации, а во-вторых, диалектики их тождества и различия, специфической роли каждой из них для общественной жизни людей.

Предваряя рассмотрение взаимоотношений данных понятий, примем в качестве исходной формулировку цивилизации, предложенную М.П.Мчедловым, с позиций которого это понятие — «при любом его употреблении — неизменно выдвигает на первый план в качестве основополагающего природу и уровень социального прогресса, уровень материальной и духовной культуры, достигнутый в данной общности, и в соответствии с этим фиксирует результаты социально-культурной деятельности, соотнося их с общечеловеческими ценностями, с их местом в едином и поступательном движении всемирной истории»⁸.

На наш взгляд, понятия культуры и цивилизации тождественны, когда речь идет о цивилизации как явлении и продукте культуры, и не тождественны при рассмотрении культуры как сферы жизни цивилизации.

Не углубляясь в анализ теоретических трактовок культуры, можно под-

черкнуть, что термин «культура» с латинского переводится как «возделывание, обработка». Начиная с древности культура служила способом осознания человеком себя и мира в смыслозначимых и целесообразных формах. Процессы создания и развития языка, орудийной преобразовательной деятельности стали основными источниками и продуктами становления и развития духовной и материальной культуры человечества.

Культура несла с собой выработку, накопление и закрепление знаний людей о явлениях природы и собственной жизнедеятельности в ритуальных и обрядных формах этой жизнедеятельности. Возникновение архетипов первобытной культуры связано именно с этими формами, их закреплением в искусственных и абстрактных знаках и образцах прежде всего письменности, орнаменталистики, с присущими ей стилями — геометрических, «звериных», религиозных символов, знаков власти, форм хозяйства, собственности и т.д. Главное требование, которое предъявлялось и предъявляется к такого рода знакам и образцам культуры, — выполнять социально-коммуникативную и регулятивную функцию. «Культура в одно и то же время оказывается единственным средством социализации — приобщения человека к социуму, к общественному целому — и индивидуализации — обретения личностью своего неповторимого «я»⁹. Культура есть способ общения и освоения общественных ценностей, а также отбора и развития в ее рамках собственных ценностных ориентаций каждого человека, который мыслит и действует всегда оценочно.

Ценностный подход человека к явлениям природы, процессу ее преобразования предполагает выяснение и получение полезных, значимых для его потребностей, здоровья, жизни и развития предметов, общественных благ. Ценностные обозначения и ориентации характерны как для предметного, так и духовно-нравственного мира человека, его взаимоотношений с другими людьми. Культура выступает способом осмысления, создания и отбора ценностей человечества, во всем многообразии их духовного и материального содержания и значения для жизнедеятельности и развития каждого индивида. Культура есть многообразие ценностей и в то же время «форма одновременного бытия и общения людей различных эпох»¹⁰ посредством исторически формирующегося и передающегося «культурного ядра» ценностей, фундирующих большинство остальных образцов и нормативных образований данной культуры и всей цивилизации. Ценностный аспект культуры свидетельствует о ее индивидуально-личностном, антропогенном источнике формирования и проявления как способа самореализации и развития индивидов, с одной стороны, в формах сознания, с другой — материальной предметности, с третьей — общественных норм, регуляторов общежития людей.

Культура выполняет функции духовно-ценностного, образцового и образно-эстетического начала всего человеческого творчества, а также взаимосвязи и взаиморазвития людей, регулирования их поведения, передачи социального и духовного опыта и т.д. Культура старше цивилизации, выступает ее источником. Для возникновения цивилизации потребовался необходимый уровень духовного развития человека. Но культура стала источником цивилизации на стадии, когда человеком, людьми начинают создаваться искусственные материальные, социальные условия их воспроизводства и развития. Цивилизация становится способом общественной жизни, сопряженной с культурой, поскольку объективирует и развивает ее достижения и ценности. Культура имеет свои традиции развития, однако дополняется основами цивилизации, придающими культуре продуктивный характер творческого рефлексирования и инициирования новых идей и ценностных представлений.

Вместе с тем культура выступает как особая сфера функционирования цивилизации, включенная в нее, но не тождественная полностью ей. Культура имеет своих творцов и потребителей, самостоятельные формы саморазвития, образования собственных структур, отраслей и кодов, «технологических» традиций совершенствования «культурного ядра».

Духовность людей предполагает творчество, фантазию, которые обуславливают создание новых идей и ценностей, не имеющих аналогов в данной конкретной цивилизации. Культура есть своеобразный «светоч», внутренний творческий потенциал цивилизации, обеспечивающий непрерывность и качественные сдвиги в ее развитии. Но культура и «нуждается» в цивилизации, которая во многом определяет ее специфику, а главное — общественно-историческое содержание.

Цивилизацию нельзя, следовательно, отделить от культуры во всем богатстве ее субстанционного и функционального бытия. В то же время общественная жизнь, история цивилизации не ограничиваются только ценностями культуры. Субъектами истории являются люди как живые индивиды, осуществляющие свою жизнедеятельность в условиях общественного производства, общественных отношений. Многомерность человеческой жизнедеятельности выражается в факторах социальных условий и способах организации этой жизнедеятельности, что предполагает более широкий, чем культурологический, взгляд на трактовку цивилизации.

Комплексная характеристика цивилизации невозможна без социологического подхода к ее пониманию, элементы которого некоторые исследователи обнаруживают уже в «Очерках истории гражданского общества» (1767) английского историка А.Фергюсона. Понятие цивилизации он свя-

зывает с развитием промышленности и торговли, накоплением богатства, появлением у людей досуга, позволявшего заниматься науками и искусством, религией, правом и моралью. Фергюсон отмечал отрицательные черты цивилизации, обусловленные деградацией господствующих классов в условиях эксплуатации человека человеком. Он, пожалуй, впервые поставил вопрос о невозможности перенесения культурного опыта, достижений цивилизаций на не подготовленную для этого почву, создав тем самым предпосылки для рождения идеи о множественности локальных цивилизаций и о различиях между ними.

Начиная с XVIII века в условиях развития капитализма, техники обострилась потребность в понятии цивилизации. Если для большинства французских просветителей понятие цивилизации представляло собой форму общества, противостоящего варварским и невежественным нравам феодализма, то, например, для О.Шпенглера данное понятие стало «ответом на вызов» возникновения и развития технических промышленных основ общественной жизни людей. Техника, индустрия, экономика, по мнению О.Шпенглера, в конечном счете ведут к гибели органически развивающихся, естественных в своих основах культур, которые умирая, перерождаются в цивилизации. Это обозначает переход от творчества к бесплодию, от становления к окостенению, от героических деяний к механической «работе»¹¹. Подобной же точки зрения придерживался Н.А.Бердяев, отмечавший, что «культура полна была символами, в ней было отображение неба в земных формах, даны были знаки иного мира в этом мире. Техника же чужда символической, она реалистична, она ничего не отображает, она создает новую действительность... отрывает человека и от природы, и от миров иных»¹². Некоторые наши отечественные исследователи также полностью разделяют культуру и материальные условия жизни, противопоставляют ее цивилизации. Например, З.М.Какабадзе пишет, что «достижениями цивилизации являются коса и плуг, поезд и самолет, ванная и ватерклозет и т.д. Достижения же культуры по преимуществу выражаются в нравственном сознании и соответствующей деятельности, в философско-гуманитарном мышлении и художественном творчестве»¹³. Другие наши исследователи считают, что материальные основы жизни общества, которые могут быть обозначены понятием цивилизации, нейтральны по отношению к понятию культуры¹⁴.

Как видно из проведенного анализа разных позиций, вопрос о соотношении культуры и цивилизации в генетическом, структурно-функциональном и жизненно-практическом плане остается сложным и трудным для решения. Но в решении его есть принципиальная позиция; не вызывающая сомнения, — это то, что все в человеческом мире начинается с чело-

века и общества и заканчивается ими же. Человек, общество есть самоценные, самодостаточные и неразрывно взаимосвязанные источники культуры и цивилизации. Как человека общество нельзя разделить на некие духовные и материальные части, так и культуру невозможно отделить от цивилизации, материальных основ жизнедеятельности людей. Культура как духовный источник и способ жизни людей тождественна цивилизации, составляет сферу и средства ее функционирования. В то же время в этом своем качестве культура не тождественна всей сложной и многообразной системе условий образования и развития цивилизации как общественно-исторического явления.

На наш взгляд, материально-предметная среда обитания людей, составляющая основу цивилизации, не противостоит культуре как духовному способу освоения и преобразования условий природы и общества. Материальное и духовное производство не тождественны друг другу, но в рамках целостного общественного воспроизводства и развития общества они не противостоят, а взаимодействуют друг с другом и взаиморазвивают друг друга. Отождествление цивилизации с материальной предметностью ведет к необоснованному сужению понятия цивилизации как общественно-исторического образования.

Со времени возникновения и развития разделения труда, материально-го производства начинается, по мнению исследователей, действительное становление цивилизации. Совершенствование технико-технологических основ общественного производства способствует развитию всех форм жизнедеятельности людей, создает предпосылки для социального прогресса. Во взаимодействии с культурой материальное производство выступает основой объединения и сотрудничества людей в создании ими общественных или *социальных* (в широком смысле) условий своей жизнедеятельности. Понятие социальности, непосредственно связанное с общественным характером создания и развития условий жизнедеятельности людей, определяет сущностные основы и содержание цивилизации, а также социологический подход к ее трактовке.

Данные основы возникновения и развития цивилизации осмысливаются учеными начиная с XVIII века и по настоящее время. Г.Спенсер, Л.Морган, К.Маркс, Ф.Энгельс, Э.Дюркгейм, М.Вебер, Д.Белл, А.Тоффлер и др. рассматривают цивилизацию как способ и систему создания и совершенствования условий материального производства, хозяйственных отношений людей. Цивилизация возникает на стадии перехода человека от собирающей экономики к производящей, т.е. к скотоводству, земледелию, ремесленничеству, формам разделения труда и его организации. «Цивилизация, — отмечал Ф.Энгельс, — является той ступенью обще-

ственного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе»¹⁵. Организация производства условий так называемой «второй природы» выступает началом общественной цивилизационной формы жизнедеятельности людей. В рамках этой формы зарождаются отношения производства и присвоения частнособственнического характера, классового деления общества, государственно-правовой регламентации жизнедеятельности людей, условия формирования культурных традиций, иерархических (вертикальных) и партнерских (горизонтальных) связей.

Материальное и экономическое развитие общества, более полное удовлетворение материальных, духовных и социальных потребностей людей становится первейшей целью и движущей силой совершенствования цивилизации. Но функционирование и развитие цивилизации несет с собой как положительные, позитивные результаты повышения благосостояния индивидов, так и отрицательные, негативные. Многие в этом процессе позитивности и негативности цивилизации связано с социальной структурой и организацией жизнедеятельности людей, исторически складывающейся социальностью общества. Речь идет о социальности как обозначении общественного начала в жизни и отношениях людей. Не вдаваясь в анализ различий понимания разными авторами социального, исторического времени его возникновения, выразим мнение, что именно оно, социальное, и есть обобщенная основа появления цивилизации. «...Ученые практически всех отраслей знания, — по словам А.Ф.Еремеева, — сходятся на том, что на начальных стадиях верхнего палеолита возникает социальное, общественное, коллективное, племенное, родовое и т.п. — конкретные названия тут множественны, а содержание явления определяется более или менее тождественно как способ, образ жизни нового вида в мире животных... Именно видовое бытие, вне которого Гомо сапиенс как таковой вообще не существует, требует социальности»¹⁶.

Социальное не рождается природой, а создается человеком как образ жизни, формируемый характером взаимоотношений людей, условиями их жизнедеятельности, реализуемых разными социальными общностями, структурными делениями общества. Исторически человек становится человеком через освоение сил природы и прежде всего через связи, отношения с другими людьми, в которых выполняет роль носителя определенной функции в качестве члена либо первобытной общины, либо классовой или профессиональной общности.

Понятие «социальное» включает все то, что создается людьми, — вещи,

предметы, явления, мысли, организационные формы — в их общественных отношениях и в рамках этих отношений распределяется и присваивается в соответствии с ролью и местом в этом процессе созидания каждого индивида. «Следовательно, социальное — в том, что человек осуществляет общественные действия, играет общественную роль в зависимости от места в системе производственных отношений»¹⁷. Создаваемые условия жизни людей выступают опредмеченными формами общественных отношений людей, социальности. Все материальные и духовные условия, служащие удовлетворению определенных человеческих потребностей, конкретизируют уровень социального развития индивидов, общества в целом.

Социальность каждого данного индивида, его условий жизни и образа мыслей в значительной мере определяется степенью развития общественных отношений, непосредственно обусловливаемой уровнем развития производительных сил, орудий, средств, продуктов производства, а также характером форм присвоения и распределения собственности и власти. Вся совокупность названных условий общественного воспроизводства и развития жизнедеятельности людей составляет социальное богатство общества, индивидов, цивилизации человечества. В этом плане цивилизация есть обозначение всего непрерывного социально-исторического процесса развития общества и отдельных его стадий.

Социальный или общественный характер взаимосвязей, объединений (семьи и др.) и взаимоотношений людей исторически становится основным и всеобъемлющим, детерминирующим все условия воспроизводства и жизни людей, общества. «Чем меньше развит труд, — отмечал Ф.Энгельс, — чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы... Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место заступает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени»¹⁸.

Классовые основы деления людей составляют источники и способы воспроизводства и развития социального содержания и потенциала цивилизации. Общественное производство есть результат развития разделения труда и проявления отношений частной собственности, ведущих к порождению социально-экономических и политических форм классового неравенства.

Классы, различные общественные объединения людей создают свои организационные структуры и формы реализации своих интересов и целей. Общество же для своего сохранения, выживания и развития тоже создает свои собственные всеобщие институциональные формы упорядочения, организации (появление городов, государств, правовой системы и т.д.) жизнедеятельности классов, слоев, групп, отдельных индивидов. Эти формы служат обществу в целом, объединяются в систему организации всего общества, которая обозначается по-разному: либо как «собственно социальная»¹⁹, или «гиперсоциальная»²⁰ и т.д.

Данную систему образуют производственно-трудовые, экономические, культурно-этические, юридические, политические и духовные формы социальной организации индивидуальной и общественной жизнедеятельности людей. Все эти формы создаются и совершенствуются двумя путями: во-первых, под воздействием потребностей общежития индивидов, а во-вторых, на основе требований государственной системы управления обществом. Создаваемая система данных институтов предназначена для упорядочения общежития, совместной жизни людей, ее нормализации и рационализации, повышения благосостояния и саморазвития каждого человека. Иными словами, вся институционально-организационная система направлена на развитие потенциала цивилизованной социальности общества, накопление его общественного богатства, которое, по Марксу, есть не что иное, как выявление творческих дарований человека, всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу²¹.

Таким образом, рассмотренные источники и структурные составляющие цивилизации — это культура, способ производства материальной жизни, социальный характер и организация общественных отношений людей — образуют ее наиболее существенные основы, способы реализации, развития и проявления главных характерных качеств. В целом же социальности как способу и формам взаимосвязей, отношений созидания и организации условий воспроизводства и развития жизнедеятельности индивидов принадлежит ключевое значение в процессе порождения и развития цивилизации. Социальность, выражаемая в определенном исторически конкретном характере общественных отношений, материаль-

ных и мыслительных формах их объективации, составляет содержательное и организационное «ядро» человеческой цивилизации, определяет уровни и стадии ее развития. Отсюда специфическая «собственно социальная организационность» цивилизации, ее человеческий, внеклассовый характер, который делает ее идеально-нормативной моделью общества, определяет функции — обеспечения «общезначимого, стабильного нормативного взаимодействия... каждой данной общности, каждого данного социума»²².

В современной литературе насчитывается до 200 определений понятия цивилизации. Как уже отмечалось, в основу этих определений кладутся разные главные признаки цивилизации. Существует понимание ее как общественного образования, которое «имплицитно утверждает превосходство, преимущества, подчеркивает вклад той или иной социально-культурной общности в общечеловеческие ценности»²³. Под цивилизацией подразумевают выражение нормативности общественной жизни, рационально-нормативную структуру жизни общества, меру его рационализации; цивилизация — «это обусловленный природными основами жизни, с одной стороны, и объективно-историческими предпосылками — с другой, уровень развития человеческой субъективности, проявляющейся в образе жизни индивидов, в способе их общения с природой и себе подобными»²⁴; в этом понятии отражаются ценностные ориентиры эпохи, которые выявляются «в воспроизводстве социальных отношений, культуры, всех значимых параметров общества»²⁵.

Определения цивилизации и как собственно социальной организации жизнедеятельности людей, и как различных форм ее выявлений — рациональности, образа жизни, общения, ценностных ориентаций и т.д. — правомерны и не противостоят, а взаимодополняют друг друга. Говорить о цивилизации вне учета особенностей, структур и детерминаций различных сторон жизни общества — значит упускать из виду содержательную основу этого образования — его географические и природно-климатические условия, территориальные и демографические факторы; характер и уровень производительных сил, орудий труда и производства; его «практическую культуру», закрепляющуюся в способностях и навыках людей. В то же время для обобщенного понимания цивилизации важно иметь в виду не только условия жизнедеятельности людей, но и то, как, кем и для чего она создается. Практическая и теоретическая необходимость данной категории возникла и продолжает актуализироваться потому, что человечеству требуется определять и реализовывать форму организации своей общественной жизнедеятельности. Понятие цивилизации обозначает не только условия общественной жизни людей, составляю-

щие ее содержание. В не меньшей, если не в большей мере цивилизация есть социальная форма организации и реализации условий жизни людей, их взаимоотношений, действий по поводу производства, присвоения и развития этих условий, повышения их качества и количества. Цивилизация как социальная форма организации общества «снимает» в себе все сферные формы организации производственно-экономической, политической, правовой, культурной, моральной и духовной жизни людей. Она выступает социальной формой организации жизни человека как человека, целостного существа, безотносительно к его классовой, групповой, религиозной, профессиональной и т.д. принадлежности. В качестве формы организации общества как целостного организма цивилизация носит надклассовый характер, направлена на реализацию и улучшение условий жизнедеятельности всего общества, каждого человека.

ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Цивилизации живут и умирают. Они имеют свою судьбу, свою историю. Динамика цивилизованного развития определяется, по А. Тойнби, «ответом на вызов» географических, природно-климатических и общественных условий. Цивилизационный процесс един и противоречив, многообразен в своем конкретно-историческом бытии и развитии. Это позволяет связывать понятие цивилизации с диалектикой не только прогрессивных явлений и процессов, но и регрессивных, видеть в этом понятии наиболее значимую категорию методологии периодизации общественной истории на определенные цивилизационные стадии и циклы; классификации локальных цивилизаций; обозначения существенных различий между странами и народами.

Развитие мировой цивилизации имеет асинхронный характер, так как в мире одновременно сосуществуют общества, находящиеся на различных стадиях развития цивилизации или повторяющие те или иные циклы этого развития. История живописует нам ярчайшие картины неповторимых особенностей великих древнейших цивилизаций в Египте, Китае, Индии, Греции и др. Но как и локальные цивилизации современности, они представляют собой лишь особый тип мироцелостной цивилизации, задаваемый регионально-географической, национально-культурной и историко-временной типологией. В целом же локальные цивилизации сохраняют в себе ключевые характерные основы цивилизации как явления общемирового порядка. Этими основами выступают общечеловеческие условия материального и духовного производства и воспроизводства людьми их собственной жизни — от первых очагов цивилизации в мире дикости и варварства, через региональные цивилизации, каждая из кото-

рых в своем роде представляла собою целостный мир (арабский, индийский, европейский и т.д.), к мировой цивилизации.

Общества, достигшие высокого уровня цивилизации, вольно или невольно, оказывают воздействие на другие, менее развитые, в плане ускорения их развития и возвышения качества цивилизованности. В свою очередь, локальные цивилизации, ускоряясь в своем развитии, вносят весомый вклад в общемировое цивилизационное развитие человечества, дополняя его многообразными достижениями, которые вызывают внутренние сдвиги и изменения как в мировой, так и локальных цивилизациях.

Источниками изменения цивилизации могут быть не только воздействия со стороны, но и внутренние флуктуации стихийной культуры, материальной и социальной самостоятельности отдельных индивидов, различных групп людей. Общественно-исторический процесс жизнедеятельности людей един по своей логике наследственности, организованности, восходящем развитии, но в то же время многообразен. Его многообразие обуславливается многообразием людей, групп, социальных сил общества, с одной стороны, и историческими изменениями их ожиданий, чувствований, творческих потенций, которые при благоприятных условиях дают мощный *взрыв* продуктивных идей и ценностей — с другой.

Как правило, толчок этому взрыву задают существующая цивилизация, а также противоречия между ее культурными, материальными и социальными основами, непосредственно связанными с требованиями разных социальных сил, цивилизованными и нецивилизованными средствами их реализации. Социальные формы неравенства, тяга отдельных индивидов или их групп к новому, пограничные взаимодействия разных народов и их культур выдвигают требования как вызовы уже существующим достижениям цивилизации, ведут к обновлению этих достижений. Цивилизация развивается через прерыв непрерывности, стадийно или циклически. Цивилизационные стадии или циклы соотносятся с мировой цивилизацией как особенное с общим, реализуя в себе общечеловеческие и конкретно-исторические ценности, присущие определенному народу, проживающему в условиях определенного пространства и времени.

О стадийном развитии общества, цивилизации исследователи заговорили уже в XVIII веке, когда Тюрго, Кондорсе, Сен-Симон пытались вывести критерии и закономерности прогресса общественной истории. У Сен-Симона, философа Просвещения, идея прогресса связывается с такой движущей силой и мерой его, как наука. У О.Конта, ученика Сен-Симона, прогресс рассматривается в русле «закона трех стадий» интеллектуальной эволюции человечества. У К.Маркса идея прогресса конкретизируется в учении о сменяющих и диалектически «снимающих» одна

другую общественно-экономических формаций. Причем просветительский «принцип прогресса» расшифровывается в человеческом духе — как закон «отрицания отрицания», в соответствии с которым предыдущая формация «отрицается» последующей, чтобы затем самой подвергнуться аналогичной операции со стороны формации, приходящей ей на смену. Марксовские Отрицания оказываются друг к другу примерно в таком же отношении, что и контовские Стадии («состояния»).

В дальнейшем (например, у Г.Спенсера и у его последователей Э.Дюркгейма, М.Вебера, П.Сорокина, У.Ростоу и др.) стадии прогресса интерпретируются несколько иначе, однако незыблемым остается принцип прогресса и способ его стадияльной периодизации. В целом же различия в лагере всех сторонников Конта, Маркса, Спенсера или «прогрессистов» были связаны не с самим (незыблемым) убеждением относительно «поступательного» — от низшего к высшему — характера общечеловеческого развития, а с тем, каким образом отдельные социологи справлялись с неудобными вопросами общей теории прогресса, а также с тем, какие факторы и критерии общественно-исторического развития они выдвигали и обосновывали в качестве определяющих, судьбоносных в анализе коренных, эпохальных изменений условий человеческой цивилизации.

Особенно плодотворно теория стадияльного развития цивилизации начала разрабатываться в XX веке в работах Дж.Бернала, Д.Белла, Т.Кана, У.Ростоу, О.Тоффлера, Ж.Фурастье и других западноевропейских и американских философов, экономистов, социологов и футурологов. Большой убедительностью и основательностью пользуется, например, теория периодизации истории О.Тоффлера, представляющего всю мировую цивилизацию в виде как бы накатывающихся одна на другую и сменяющих друг друга «волн цивилизации»²⁶.

Согласно этому представлению, первая цивилизационная революция («волна») произошла 8—10 тысяч лет назад, когда основная часть человечества перешла, по его мнению, от охоты и рыболовства к земледелию; земледельческий человек перестал быть кочевником, а его оседлый и общинный образ жизни позволил создать аграрную (доиндустриальную) цивилизацию и соответственно культуру, которая оставалась господствующей в Европе до промышленного переворота XVII—XVIII вв. Этой цивилизации эволюционно соответствует аграрный и ремесленный тип цивилизованности с ее добуржуазным культовым сознанием, в структурах которого исподволь вызревали идеи свободного труда и предпринимательства.

Более двухсот лет назад начался первый революционный переход к индустриализму; массы населения покидали «первичный сектор» экономической жизни — сельское хозяйство и переходили во «вторичную сфе-

ру» — промышленность; возникли «индустриальная цивилизация», «индустриальное общество», промышленная (городская) культура.

«Третья волна» цивилизации, или «супериндустриальной революции», связана с современной научно-технической революцией; она вызвала массовые перемещения большинства занятого населения в «третичную сферу», имеющую дело главным образом с интеллектуальным информационным производством.

В работах У.Ростоу («Процесс экономического развития» и «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест») на основе выделения таких «целевых установок», или «склонностей» развития человека и общества, как ориентация на традиции, перемены, экономический рынок, технические изобретения, массовое потребление, поиски нового качества жизни, история человеческой цивилизации представлена последовательным прохождением пяти с т а д и й:

1) «традиционное общество», основанное на доньютоновской механике (науке и технике) и на преобладании сельского хозяйства и аграрной культуры;

2) «переходное общество» — стадия создания предварительных условий экономического рынка и свободного предпринимательства; возникают банки и предприятия обрабатывающей промышленности;

3) период «сдвига», когда быстро развиваются новые отрасли промышленности и происходят революционные изменения в сельском хозяйстве;

4) стадия «достижения зрелости», для которой характерно инвестирование 10—20% национального дохода вместо прежних 5 % и достижение постоянного повышения выпуска продукции над ростом населения;

5) стадия «высокого уровня массового потребления», когда ведущие секторы экономики переходят на производство высокого уровня предметов массового потребления и услуг.

Соответственно этим стадиям экономического роста изменяется характер основных ценностей: в аграрном обществе — это земля, в индустриальном — свободный труд, капитал, деньги, в «новом индустриальном», или «постиндустриальном обществе» (по терминологии Дж.Гелбрейта) — человек как высшая ценность.

Типология развития цивилизации, предложенная О.Тоффлером в «Третьей волне», и теория стадий экономического роста У.Ростоу по многим параметрам совпадает с типологией формационного развития цивилизации. Совпадение наблюдается в характеристике первой стадии — доиндустриального общества; вторая стадия, обозначенная Тоффлером как индустриальная, во многом совпадает с характеристиками капитализма у Маркса; третья, наиболее проблематичная стадия (по Марксу, коммуни-

тическая) обозначается нейтрально — как «постиндустриальная». Однако элементы данного совпадения носят скорее схематический, несколько поверхностный, чем глубинно-сущностный характер. Примечательна здесь не столько формальная общность некоторых «стадий» и «формаций», сколько разъединяющее их решение проблемы роли, интересов и ценностных ориентаций человека в системе общественного производства, равно как и средств их достижения.

В стадийном подходе методология исследования перемещается в сторону функционально-многофакторного анализа, охватывающего как объективно-заданную, так и субъективно-волевою составляющие общественной истории, включенность человека не только в систему господствующего типа общественного производства, разделения труда и обусловленный ими характер общественной связи (социальности) и политической надстройки, но и соответствующие характеристики самого человека как индивида, систему его интересов, ценностей жизни и культуры.

Широко известна классическая формула Маркса: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые обнаруживается система всеобщего обмена вещей, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень»²⁸.

Можно утверждать, что именно в этой формуле как раз выделены такие исторические формы (стадии) развития цивилизации, которые в свете современных представлений сопоставимы:

а) отношения личной зависимости — с первобытнообщинными, рабовладельческими и крепостническими отношениями;

б) отношения личной независимости, основанные на вещной зависимости — с товарно-денежными отношениями буржуазного общества, характеризующимся индустриальным типом развития производства, господством фабрично-заводской и потребительской культуры;

в) отношения свободной индивидуальности, основанной на свободном и всестороннем развитии индивидов, — с отношениями постиндустриального общества, цель которого — создание «человекоцентрического» и наукоемкого производства, сориентированного на создание «человеческого богатства» как всей совокупности сущностных сил, способностей людей.

Теория цивилизационных стадий выявляет новые возможности изучения и периодизации общественно-исторического процесса, не охватываемые в условиях формационного деления; открывает перспективу более целостного видения всего этого процесса. Все сферы общества при данном подходе учитываются как в равной мере способные определяющим образом (в зависимости от условий, места и времени) влиять на развитие человека как индивида и личности. С этой точки зрения «закономерности развития формационного слоя не находят прямого отражения в цивилизационном развитии, в котором каждый из факторов может оказаться временно ведущим... Формационное развитие как детерминированный процесс входит составной частью в более широкий поток цивилизационного развития, воздействуя на него, но не подчиняя своим законам и тенденциям»²⁹.

Методологический интерес представляет позиция Ю.В.Яковца, который, опираясь на идеи Н.Д.Кондратьева о динамике и статике циклического развития социально-экономических систем, выделил семь цивилизационных циклов (стадий, ступеней, типов) исторического ритма, или хронологических рамок, сменяющих друг друга (лучше бы сказать — подвидов) цивилизаций:

1. Неолитическая цивилизация (7—4 тысячелетие до н.э.).
2. Восточно-рабовладельческая цивилизация (бронзовый век: III тысячелетие до н.э. — 1 пол. I тысячелетия н.э.).
3. Античная цивилизация (железный век: VI в. до н.э. — I—VI вв. н.э.).
4. Раннефеодальная цивилизация (XIV—XVIII в. н.э.).
5. Прединдустриальная цивилизация (XIV—XVIII в. н.э.).
6. Индустриальная цивилизация (60—90-е гг. XVIII в. — 10—70 гг. XX в.).
7. Постиндустриальная цивилизация (80-е гг. XX в. — конец XXI — начало XXII в.).

Автор справедливо отмечает, что с высоты веков всю историю цивилизации можно представить в виде пирамиды, в основании которой (на «первом этаже» — неолит) и на вершине (постиндустриальная цивилизация) находится сам человек с присущим ему уровнем и качеством потребностей, способностей, знаний и опыта; второй этаж пирамиды образует технологический способ производства (средства труда, источники энергии, предметы труда, экология, технология, организация производства); третий — экономические отношения собственности, распределения и обмена, управления трудом и производством; четвертый — отношения между различными социальными группами, классами, нациями, политические,

правовые и другие общественные отношения; на пятом — вершине пирамиды — мы снова оказываемся в сложнейшем мире духовных ценностей — общественного и индивидуального сознания человека как определяющего элемента в структуре цивилизации. Не менее важно и то замечание, что между двумя сменяющими друг друга ступенями, видами цивилизации всегда лежит переходный период, или особый этап кризиса уходящей и рождения новой цивилизации³⁰.

Теории циклической динамики истории, науки, цивилизации получают все большее признание в общественном сознании. Циклический подход имеет под собой серьезные основания, удобен для периодизации общественно-исторического процесса, но мало учитывает его многообразие.

Рассматривая кратко сущность теорий циклической динамики, скажем, что основу составляет учение о циклах (периодах) развития социально-экономической жизни (Н.Д.Кондратьев), долгосрочных и сверхсрочных (вековых) социокультурных изменениях стратификации населения (П.А.Сорокин), научных теорий (Т.Кун), цивилизации (Ю.В.Яковец) и т.д., а также о движущих силах и структурных формах циклических переходов, таких как фаза кризиса, наследственное ядро, генотип, толчок, отбор идей, новая традиция и т.п.

По сравнению с циклами развития внешней природы циклы социально-экономической жизни общества более кратки, легко различимы, переменна их связана с общей динамикой изменений в человеке, в сумме технологий, в экономических и социально-политических отношениях, духовной жизни людей. Циклы взаимопереплетены, резонируют между собой и деформируют динамику социальной практики и науки, имеют своих лидеров и свой эпицентр. Смена циклов является важным условием и предпосылкой общественного прогресса, позволяя более эффективно и успешно воздействовать на развитие общества, предвидеть ближайшие и отдаленные последствия такого воздействия.

Значительное место в данном типе теорий отводится обоснованию и анализу разных форм статики, динамики, генетики. Статика призвана выражать структуру общества, взаимодействие образующих ее элементов и их состояний. Циклическая динамика должна отражать картину периодической смены циклов общественно-исторического или цивилизационного развития, их ритмов в форме кризисов, оживления, подъема, зрелости и упадка. Социогенетика помогает понять особенности переходов от цикла к циклу через анализ взаимодействия наследственности, изменчивости и отбора общественных структур и сфер жизни.

В разных теориях циклической динамики рассматриваются разные факторы и носители этой динамики. Например, в одной из первых таких тео-

рий представляется история народов (Вико), предметом циклического анализа выступают локальные цивилизации (И.Гердер, Н.Я.Данилевский и др.), изменения культуры (О.Шпенглер, П.А.Сорокин, А.Тойнби, Ф.Бродель и др.), механизмы общественной динамики (Г.В.Ф.Гегель, Л.Морган Г.Спенсер, Э.Дюркгейм, М.Вебер и др.), разного рода революции: политические (К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин, П.А.Сорокин и др.), научные (ДЖ.Бернал, Б.М.Кедров и др.), катастрофы, бифуркации (Н.Н.Моисеев и др.).

С позиций цивилизационного подхода перечисленные носители и реализаторы динамики, смены циклов являются, можно сказать, составными элементами целостного общественно-исторического процесса. Наиболее важными среди данных элементов выступают такие движущие силы циклической динамики этого процесса, как цивилизации, формации, общества, регионы, классы, этносы, нации, этнонациональные блоки и т.д. В контексте изучения циклов цивилизации в последнее время интерес возрастает к анализу этногенетических и генотипных изменений, их периодизации. В этом плане определенную актуальность приобретает циклическая теория этногенеза Л.Н.Гумилева³¹, рассматривающая фазы развития этносов (народов), которые оказываются примерно такими же как у человека, — рождение, детство, юность, зрелость, старость, смерть. Только век этноса длится, по Гумилеву, 1200—1500 лет.

Этносы — культурно-исторические общности людей, объединяемых едиными мироощущениями и устремлениями, представляют собой подлинных движителей и проводников истории, ее субстрат. Поэтому историю по большому счету следует считать историей этносов или этнических и межэтнических объединений, имеющих свои специфические цивилизационные особенности. Значимость этносов как субъектов истории, общественных изменений и сдвигов в условиях современности существенно повышается, уже они, а не классы определяют общий характер нашей эпохи.

Теории циклической динамики — важный вклад в изучение многообразия цивилизации, ее носителей и движущих сил. Не вызывая сомнения в своей значимости, они, однако, порождают некоторое недоверие к попыткам обозначить хронологические рамки витков исторической спирали, связанные со сложностями формализации социальных процессов, необходимой для историометрических расчетов. Не меньшую проблему представляет из себя учет взаимовлияния различных культурных, политических, экономических и природно-космических циклов. В принципе, по мнению исследователей, попытки абсолютно верного ритмологического прогнозирования в истории столь же утопичны, как создание «идеально-точного» календаря³².

ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ АТРИБУТ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цивилизация — сложное общественное и историческое образование, складывающееся в процессе реализации многообразных условий жизни людей, которые именно своими объективными и субъективными формами развития материального производства, социальных и политических основ устройства, духовных и творческих способностей создают и развивают цивилизацию. Но у людей, начиная с древности, да порой и сейчас, не было и нет целенаправленного, сознательного намерения создавать и развивать именно цивилизацию. Она во многом возникает и развивается объективно, как способ и форма организации производства условий для более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей каждого человека, людей. Ключевым источником, ориентиром индивидов в развитии цивилизации являются их потребности и способности, направленные на улучшение условий их жизнедеятельности. Но этот источник и ориентир в контексте человеческих проявлений может носить либо биоэгоистический, либо сознательно социальный характер. Отсюда и цивилизацию как способ реализации и форму организации, ориентирования действий, отношений, целей людей и вещных, материальных основ их жизни нельзя представлять только как общество постоянного социального и антропологического прогресса. Мы не совсем согласны с мнением, что «любая конкретная форма цивилизации обычно выражает позитивные ценности и явления для определенного пространства и времени... Социальные явления, которые с самого начала являются непрогрессивными, с понятием «цивилизации» чаще всего не связывают, так как это понятие призвано выделять исторический момент восходящего развития, акцентировать внимание на вкладе данной цивилизации в единую мировую»³³. Как же быть с теми тенденциями, которые, по мнению исследователей, обозначают неоднородность и разнонаправленность изменений в обществе: от тех, что тянули «назад», в звериное царство, до тех, что торопили прогресс к следующим ступеням цивилизации. Последняя имела два вектора направленности: *вовне* — на создание новых элементов цивилизации и *вовнутрь* — на превращение их в элементы культуры³⁴.

Создание и развитие цивилизации шло и идет сложными противоречивыми путями, сопряженными с многообразными стремлениями и действиями индивидов, разных социальных общностей. Встает вопрос: каковы же ориентиры и критерии измерения этих многообразных стремлений, непосредственно связанные с характером действий, поступков и целей людей, помогающие им бессознательно или сознательно реализовывать

блага цивилизации? Решение этого вопроса призвано помочь определить ориентиры и меры (единицы измерения) движущих сил цивилизации, и главное, на их основе — разделять в условиях жизни и действиях людей то, что способствует реализации цивилизации, и то, что мешает ее развитию.

Теоретическое определение этих ориентиров и мер развития потенциала цивилизации требует исходить, во-первых, из особенностей самой данной цивилизации, тенденций и разновидностей ее реализации; во-вторых, из деятельно-преобразовательной сущности человека, людей как главных и единственных субъектов и продуктов цивилизации. Данные ориентиры и меры условий развития цивилизации онтологически связаны с ее спецификой и особенностями как неповторимой моделью социокультурного способа жизнедеятельности людей, выражения сущности этой жизнедеятельности. Они должны поэтому рассматриваться как неотъемлемые и глубинные свойства, атрибуты цивилизации и ее жизнедеятельности. Короче говоря, эти ориентиры и меры должны рассматриваться как неотъемлемые и глубинные свойства, атрибуты цивилизации, обозначающей, как мы выяснили, условия воспроизводства и развития жизнедеятельности людей, социальную форму организации общественных отношений, в рамках которых реализуются эти условия.

Понятие «атрибут» выражает неотъемлемое свойство или существенный, коренной признак любого явления. Применительно к сущности цивилизации ее атрибутами призваны выступать такие однокоренные, но разные по функциям и значениям факторы, как цивилизованность и нецивилизованность. Какое значение они имеют для цивилизации как ее атрибуты? Прежде всего отметим, что значение каждого из названных атрибутов так или иначе связано с сущностными основами цивилизации, реализацией ее содержания — условий жизни людей — и формами организации отношений и действий этих людей по поводу производства, распределения и присвоения данных условий. В явлениях цивилизованности и нецивилизованности как бы «сходятся» объективно складывающиеся условия и достижения цивилизации и многообразные особенности отношений, действий и мыслей самих людей, творцов цивилизации. Имея объективную основу порождения в условиях и уровне развития цивилизации, цивилизованность и нецивилизованность вместе с тем возникают в отношениях и действиях людей, имеют субъектно-субъективный характер, связанный с целями жизнедеятельности индивидов.

Цивилизованность и нецивилизованность выступают как объективно-субъективные деятельно-отношенческие способы реализации и организации цивилизации. Телесная жизнь индивидов, условия ее воспроизвод-

ства и развития составляют объективное содержание названных способов, а деятельность, отношения людей по поводу реализации жизни и условий ее воспроизводства и развития — субъектно-субъективную форму их проявления. Для краткости субъектно-субъективное будем рассматривать просто как субъективное.

Объективно-субъективные основы природы цивилизованности и нецивилизованности определяют их разные функции и сущности. Жизнь людей и условия ее реализации оказываются главным предметом названных характеристик отношений и действий этих людей. Известно, что здоровая, нормальная жизнь — главная ценность для каждого человека. Именно она есть исходный источник любых действий людей — позитивных и негативных, конструктивных и деструктивных. Ради здоровой, нормальной жизни людей, условий ее воспроизводства и развития совершаются подвиги и преступления, ведутся завоевательные и освободительные войны, возникают восстания и революции, изменяются общественные системы, делаются великие научно-технические открытия и т.д. Человеческая телесно-психическая жизнь, материальные и духовно-культурные условия ее реализации двигают историю, цивилизацию.

Концентрируясь на здоровой жизни и условиях ее реализации, цивилизованность и нецивилизованность по-разному выполняют свои функции реализации этой жизни, условий ее воспроизводства и развития. Эти функции направлены на приобретение условий жизни и развития людей, и разный *характер* этого приобретения или отношений и действий людей обуславливает и различие данных функций. Цивилизованность и нецивилизованность различаются по своему главному признаку — характеру отношений и действий людей, направленных на приобретение условий своей жизнедеятельности. Отношения и действия людей трудового, созидательного, конструктивного характера приобретения условий жизни людей выражают функции и сущность цивилизованности. Отношения и действия насильственного, варварского присвоения уже созданных условий или разрушения их носят нецивилизованный характер. Цивилизованность побуждает людей к созиданию и улучшению условий своей жизни, способствует развитию и обогащению цивилизации. Нецивилизованность же вновь и вновь напоминает людям об их первобытном состоянии, о дикости и варварстве, стихийных, неуправляемых проявлениях человеческих сил.

Как явление антропологическое, социальное и историческое цивилизованность пробивает себе дорогу, утверждается и развивается через преодоление варварских проявлений людей, «заросли» нецивилизованности, несущие в себе черты животной, биологической, подчас агрессивной сто-

роны сущности человека: невежество, насилие, двуличие, хамство, воровство, предательство, вероломство и т.д. Цивилизованность выступает формой окультуриваемой человекомерности в противовес животной необузданности и нерегулируемости действий людей.

«Варварство», негуманные проявления тоже творятся человеком, и в этом смысле они «человекомерны», но нецивилизованны, выражают не солидарность, содружество, согласованность, а коллизии человеческих волей, целей, интересов, противопоставление личности и общества. «Варварство» — не просто оборотная сторона цивилизованности, а ее абсолютно иное измерение в тех формах, в которых индивид и общество разрешают свои противоречия. Если цивилизованность обозначает мирный, ненасильственный характер отношений и действий гуманистической солидарности людей, то нецивилизованность выражает агрессивный характер разрушительных отношений и действий, насильственного принуждения к повиновению «других» индивидов как врагов, создателей средств жизни и благополучия для своих «победителей». Нецивилизованные отношения и действия подобны отношениям в животном мире, особенно между хищниками и травоядными животными.

На понимание цивилизованности как формы отношений мирного решения жизненных проблем и противоречий указывают очень и очень малочисленные исследования данного явления. Известный английский философ и историк нашего века Р.Дж.Коллингвуд дает ей такую характеристику: «Быть цивилизованным значит жить, насколько возможно, диалектически, т.е. в постоянном стремлении превратить всякий случай несогласия в согласие. Известная степень принуждения неизбежна в человеческой жизни, но быть цивилизованным — значит сокращать применение силы, и чем больше мы цивилизованы, тем значительнее это сокращение»³⁵. Гуманистически созидательное назначение цивилизованности выделяет Н.В.Мотрошилова, пожалуй, единственный отечественный автор, рассматривающий эту категорию в научном плане. По ее мнению, «цивилизованность... чем дальше, тем больше предполагает необходимость самыми мирными из возможных в каждый данный момент способов общаться, взаимодействовать с другими индивидами и народами, разрешать возникшие и упреждать возможные конфликты»³⁶.

Как видно из слов названных авторов, гуманистический характер цивилизованности предполагает прежде всего ее этическое назначение как способа решения противоречий и конфликтов между людьми. Однако, на наш взгляд, такое представление о природе и сущности цивилизованности является недостаточным. По мнению известного американского философа Н.Элиаса, цивилизованность — это постоянное освоение навы-

ков, способов, форм дистанцирования от непосредственной ситуации. Она проявляется как в формах деятельности, так и в формах общения. По нему, цивилизованность есть также «универсальное свойство человеческой истории, черта, присущая всем народам и эпохам — от начальных этапов использования орудий труда, оружия и огня до аграрной и индустриальной революции»³⁷.

Гуманистический смысл цивилизованности не ограничивается только ориентированием ее на мирный, ненасильственный характер взаимоотношений людей. Ведь всеобщая значимость цивилизованности поистине необъятна, выражается в том, что она есть атрибут любых субъектов и объектов цивилизационной действительности, истории, непосредственно связана со всеми сферами общественной жизнедеятельности людей. Материальное производство, экономика, культура, политика, разные формы поведения человека, решения жизненных проблем — все это «пространство» функционирования цивилизованности, реализации ее функций.

Если исходить из цивилизационной природы цивилизованности, то ее следует рассматривать как всеобщий способ конструктивно-созидательного решения проблем цивилизации, общества, всех сфер его жизнедеятельности. С другой стороны, поскольку ее главное назначение — созидательный характер отношений и действий людей по поводу реализации условий жизни каждого человека, улучшения и совершенствования этих условий, то ее необходимо квалифицировать как гуманистически созидательный способ жизнедеятельности и развития индивидов, получения жизненных благ в процессе взаимодействия их с природой и между собой.

Гуманистическая созидательность как основа цивилизованности складывается не только и не столько по воле людей, сколько в силу сложности самой человеческой жизни, которая носит как многообразный, так и противоречивый характер. Человеческая жизнь есть первейшее благо для человека и вместе с тем средоточие множества проблем и забот. Однако главное в жизни человека сама эта жизнь как благо, а проблемы, их разрешение есть средства получения условий реализации жизни. В конечном счете все те средства и условия, которые способствуют реализации и развитию человеческой жизни, можно считать тоже благами, или средствами, условиями, несущими жизнотворную благотворность человеку и его жизненным силам.

Жизнотворность и благотворность — понятия единого гуманистического воспроизводства и развития общественной жизнедеятельности людей. Этот процесс исторически прогрессивен, поскольку созидательная, а точнее *гуманистическая благотворность* условий жизни и развития человечества постоянно возрастает. Она есть главная тенденция цивилиза-

ции, несмотря на пробы, ошибки, зигзаги, даже гибель отдельных (локальных) цивилизационных образований. Гуманистическая благотворность как основа жизни и прогресса человека и общества, условий общественной жизнедеятельности людей может и должна рассматриваться практически и теоретически в качестве исходной «клеточки» цивилизованности и цивилизации. В гуманистической благотворности создаваемых и совершенствуемых жизненных благ раскрывается главный смысл как жизни, так и многообразных духовных и материальных отношений и действий людей. В своих отношениях и действиях люди всегда исходили и исходят из своих жизненных потребностей и средств их реализации, но эти средства им не даются в готовом виде, они должны их произвести и постоянно совершенствовать, соотнося этот процесс с развитием своих потребностей. Смысл истории, человеческой цивилизации обнаруживается именно в том, что люди как разумные существа волей или неволей действуют по закону гуманистической благотворности, который помогает им не только выживать, но и постоянно развиваться.

Человек есть телесное существо, и чтобы жить, выживать он должен взаимодействовать с природой и другими людьми для совместного получения из природы общественных благ. А поскольку воспроизводство и увеличение количества людей на земле идет быстрее, чем процесс воспроизводства природных ресурсов, то человек вынужден заняться созданием, сотворением «самодеятельных» благ для своей жизни и своего развития. Он создает цивилизацию как систему производства и развития искусственных благ материальной и духовной культуры, средств улучшения жизни и повышения благосостояния людей.

Понятие блага впервые стало предметом рассмотрения древнегреческих философов. Блага жизни они трактовали прежде всего в этическом плане как формы внутреннего переживания людей. Киренаики и эпикурейцы, например, связывали понятие блага с наслаждениями физического и психического порядка, киники и стоики напротив, — с воздержаниями от страстей, с добродетелями, господством разума и меры над низшими животными страстями. Один из величайших античных философов Аристотель дал более существенную и широкую типологию и характеристику благ, разделив их на три рода: телесные (здоровье, сила и т.п.), внешние (богатство, честь, слава и т.п.) и душевные (острота ума, нравственность, добродетель и т.п.).

Античная философия связывала благо в основном с отношением человека, субъекта к своим внутренним чувствованиям и ориентирам поведения, считала их саморегуляторами нравственной и духовной деятельности, взаимоотношений людей. Эти саморегуляторы рассматривались как

смысловые образы и этические нормы проявлений Добра и Зла в отношениях между людьми, в реализации их индивидуального поведения. Об этом свидетельствует замечание философа Митродора, ученика Эпикура, считавшего, что то, что находится внутри нас, более влияет на наше счастье, чем то, что вытекает из вещей внешнего мира³⁸.

Субъективно-психологическое толкование блага продолжается в средневековой философии, в которой в качестве высшего блага и творца его выступает Бог. В Новоевропейской философии (Гоббс, Спиноза) понятие блага уже связывается со стремлением к тому, что нужно человеку. Под стремлением здесь подразумевается психологическое переживание людей, обусловленное, однако, не только и не столько внутренним психическим или этническим состоянием человека, сколько внешними условиями, обстоятельствами жизнедеятельности людей. Эта связь блага с внешними условиями жизнедеятельности людей усиливается в философии французских материалистов. Последние связывали с понятием блага не только материальные основы жизнедеятельности людей, но и неравные формы их распределения между богатыми и бедными, порождающие несправедливость, жестокость и страдания или зло нецивилизованности. Те, отмечал Гельвеций, кто обладает материальными благами, богатством, стоит выше нужды, то есть богатые, склонны к удовольствиям, большинство же людей бедных, не имеющих благ, обречены на голод и страдание³⁹.

Краткий экскурс в историко-философские представления о благе показывает, что эти представления менялись начиная от субъективно-этической его трактовки и кончая объективно-материальными его характеристиками. Нельзя отрицать, что понятие блага во многом зависит от понимания его человеком, от его чувственных или духовных переживаний. Но благо, как и его трактовка в форме ценности, возникшая в XIX веке и заменившая его, определяется также объективным, независимым от сознания людей, предметным или духовным содержанием, которое идет от состава и строения предмета, явления, процесса, предназначенных для удовлетворения человеческих потребностей. Пока эта проблема объективной основы в характеристике блага не освещена в достаточной мере в научной литературе. Однако ясно, что ни эта объективная основа и не субъективные формы понимания и реализации блага не выражают каждая сама по себе его сущности. Благо есть их совокупность, переплавленная в явление, необходимое и полезное человеку.

Этимологически понятие блага обозначает достаток, благополучие, способ удовлетворения человеческих потребностей. Благо можно определить как то, что нужно человеку, полезно ему, несет жизнь и развитие. Критерии необходимости, полезности, удовольствия и жизнестроения

есть исходные критерии блага. Трудно назвать благом то, что не нужно, не несет пользы для жизни человека или общества. Понятие пользы здесь связывается с положительными последствиями для жизни людей, их объединений. Однако понятие пользы может трактоваться и как выгода. Благо также связано с явлением выгоды, но не за счет других, иначе его трудно соотносить с цивилизованностью человека. Если выгода имеет узкоиндивидуалистическое значение, предполагает эгоистические интересы отдельных индивидов, а также условия, средства ее реализации в пользу одних за счет труда, ограничений, неудач, невыгоды других, то она характеризует в большей мере нецивилизованность.

Понятие блага включает в себя условия благотворной полезности явлений как для всех людей, так и для отдельных индивидов. Еще древнекитайский трактат Чжуанцзы свидетельствовал: «То, что обретают объекты для жизни, называется «де» (качество, благодать)»⁴⁰. Благом выступают условия, несущие выгоду для эгоиста или пользу для всех. Благо нейтрально к потребителю, его социокультурным характеристикам. С другой стороны, когда оно предназначается для выгоды одного во вред другому, оно переходит в иную сущность — зло. Поэтому благо выступает действительным благом в связи с тем, что несет в себе человечески и общественно необходимую пользу, используется в гуманистических целях воспроизводства и развития всех людей, а не отдельных привилегированных индивидов. Благо должно быть благодатным и благотворным в равной мере для всех людей. Оно исключает злонамеренность, злотоворность, зловредность. Не только польза, но и общепризнанность благотворности того или иного явления выступают главными сущностными чертами блага, раскрывают его назначение.

Благами выступают не все и не всякие явления, включенные в жизнедеятельность людей. Не являются благами предметы, явления, процессы, вредные или разрушительные для здоровья и жизни людей. Можно ли называть благами такие явления, как роскошь, богатство, приобретаемые за счет труда, нищеты, недостатка, ограниченности условий жизни и развития других людей. Явления, несущие вред жизни людей или обозначающие несправедливость, трудно назвать благом, ибо они не демонстрируют пользы для нормальной здоровой человеческой жизнедеятельности. Благо — это не просто то, что нужно и полезно вообще для людей, общества, а то, что нужно и полезно для нормальной и здоровой человеческой жизни.

Умеренная нормативность благ, соответствующая воспроизводству и развитию здоровой жизни людей есть еще одна сущностная черта блага. Слишком много или слишком мало в количественном и качественном от-

ношении того или иного условия для нормальной жизни людей делает это условие не благом, а злом. Слишком много богатства — зло для его хозяев и других людей, которым оно недоступно. Слишком много кислорода — тоже зло для любого человека. Мера нормальной здоровой пользы — для каждого и всех есть важнейшая особенность блага в его применении к условиям реализации жизнедеятельности людей. Тем более эта особенность блага применима к характеристике понятия цивилизованности как способа этой реализации.

Цивилизованность непосредственно предполагает идеал и меру блага. Цивилизованное нормативно умеренное благо адресовано любому индивиду. Благо в его рассмотренных сущностных чертах нормативной пользы, общепризнанности и умеренной ценности для жизни и развития человека как индивида, носителя гуманности и культуры, коренным образом отличающегося от животного, есть имманентное свойство, идеал и мера цивилизованности. По тому, как и какие создаются блага в обществе или отдельными индивидами, можно судить о степени их цивилизованности, о возможностях их развития или, напротив, о тенденциях разложения, застоя.

Благо есть цель, а благотворность — способ реализации этой цели. Благо каждого человека сопряжено с благом других людей, общества в целом, составляет основу их цивилизованности. Последняя выступает как идеально-обобщенный показатель созидательной благотворности. Эти особенности цивилизованности делают ее ключевым ориентиром и условием оценки отношений и действий людей, направленных на создание и отбор наиболее полезного, благотворного для их здоровья, жизни и развития.

Все создаваемые людьми условия цивилизации есть обозначение ее достижений, но не все достижения выступают цивилизованными благами. Цивилизованные блага есть, прежде всего, гуманистические человеческие средства и формы воспроизводства и развития жизнедеятельности людей. Эти блага могут быть общественного и индивидуального характера и назначения. Цивилизованность присуща как тем, так и другим. Например, жизнь, разум, безопасность есть блага индивидов и общества в целом. Такие внутренние структуры, как потребности, интересы, способности, цели, хотя и являются носителями блага, общими для всех людей, однако у разных индивидов реализуются по-разному: либо позитивно, либо негативно для их субъектов и других людей. С позиций цивилизованности данные структуры человеческой жизнедеятельности могут носить именно цивилизованный характер только выполняя свои гуманистические и побудительно-развивающие функции. Блага становятся ци-

вилизованными средствами реализации и развития жизни и деятельности индивидов тогда, когда они выступают, с одной стороны, способами жизнестроения, а с другой — способами развития каждого человека, общества, всей цивилизации человечества.

Гуманистическая благотворность жизнестроения и развития, прогресса выражает суть цивилизованности. Как только в человеческой лексике появились понятия цивилизации и цивилизованности, выражающие идеалы культуры, просвещения и гуманизма, индивиды, народы сознательно или бессознательно стали измерять по ним свою жизнедеятельность и устройство ее на основе требований данных идеалов.

Идеал есть высшая цель устремлений людей, которые стремятся к нему, в частности, к идеалу цивилизованности, потому что он несет в себе, кроме притягательной мечты, еще и надежды на повышение своего благосостояния, более прогрессивное устройство общества, развитие человеческой сущности, способностей индивидов. Цивилизованность изначально есть идеал общественных благ и вместе с тем сущностных сил и истинно человеческих качеств. Сущностные силы, человеческое в человеке, общественные блага составляют основу основ антропологического, социального и исторического прогресса цивилизации и цивилизованности.

Под понятием «человеческие сущностные силы» подразумеваются созидательно-творческие умственные и физические способности человека. К этим силам относятся и социальные факторы, объединяющие людей для совместного созидательного сотрудничества и творчества. Человеческие сущностные силы — это способы жизнеобеспечения и развития людей посредством деятельно-практического преобразования ими условий своей жизнедеятельности, самих себя. Развитие и реализация этих сил, человеческого начала в человеке предполагает совершенствование таких благотворных способностей его, как разум, мышление, деятельные умения, гуманистически-нравственные чувства чести, долга, справедливости и другие.

Ключевой и сущностной формой реализации и развития человеческих способностей является процесс деятельности по преобразованию предмета природы и социальных условий жизни людей. Осваивая уже существующие предметные, социальные и духовные виды благ, люди в то же время ставят себе все новые и новые цели этой деятельности. Процесс обновления, прогресса есть одно из отличительных благ человека, способ человеческого проявления и развития. Человек отличается от животного тем, что не столько приспосабливается к условиям природы и общества, сколько приспосабливает, преобразует и обновляет их с позиций требований своих потребностей. Способности целесообразной преобра-

звательной (творческой) деятельности, коррелируемой потребностями, интересами и целями человека, есть исходное и самое ценное, полезное в человеческом деятельно-энергетическом механизме жизни людей. Их развитие обуславливает повышение степени цивилизованности индивидов, общества, накопление и совершенствование материальных и духовных благ цивилизации.

Человеческие сущностные силы многогранны. В их развитии существенную роль играет также процесс возникновения и совершенствования институционально-регулятивных установлений общественной жизнедеятельности людей. Институты есть нормативные социальные установления организации общежития людей. Они призваны нормализовать совместную жизнь индивидов, создавать условия для их более плодотворного сотрудничества. Государственное устройство общества есть один из первейших институтов. Его гуманистическая благотворность предполагается в связи с построением и совершенствованием многообразных организационных структур жизнедеятельности общества, а также с реализацией определенной системообразующей идеи устройства самого государственного механизма. Эта идея устройства государства выступает основной идеологией, объясняющей это устройство, связывающей его с определенными формами собственности на средства производства и создаваемые блага, необходимостью закрепления и защиты этих форм собственности в юридической системе прав и законов.

История человечества — это история возникновения и функционирования разных форм собственности и власти, способствующих реализации условий жизни одних групп людей, классов за счет других. Классовое неравенство способов самореализации индивидов не является всеобщим благом для людей, всего общества. Тем не менее, данное неравенство «работало и работает» на развитие, прогресс цивилизации. Несмотря на жесточайшие формы классовой борьбы, восстания, бунты, войны, революции, человечество шло и идет по пути цивилизационного и цивилизованного развития, которое и является всеобщим благом людей. Правда, трудно оправдать с точки зрения гуманистической благотворности пути реализации этого блага. Но нужно иметь в виду, что любые «вызовы» требуют «ответов», то есть решения общественных проблем, а в решении их больше заложено стремления к созиданию, чем к разрушению.

Это же просматривается и в индивидуальной жизнедеятельности людей, где неравенство дает о себе знать преувеличением своей ценности. Человек может жить и развиваться сам для себя, но истинной ценности своей индивидуальности он не сможет определить и узнать без мнения о ней другого человека. Поэтому индивидуальность человека не может раз-

виваться и проявляться в своей истинной самооценности без социальности, без взаимодействия и диалектического единения с этой социальностью, которая есть коллективное или общественное взаимодействие и взаиморазвитие индивидов. Только через взаимодействие личности и коллектива, общества идет взаиморазвитие индивидуального и социального в индивидах и обществе.

Цивилизованность человека состоит в том, что он призван развивать свои способности, прежде всего, сам, в определенной мере самостоятельно и в то же время в постоянном общении, обмене деятельностью, способностями и условиями жизни с другими людьми. Цивилизованный человек — это сочетание индивидуального и социального во имя реализации своих личных и вместе с тем общественных интересов. Отсюда настоятельная необходимость со стороны индивидов содействовать более полному сочетанию индивидуального и социального. Общество как совокупность общественного богатства, материальных и культурных благ призвано служить не каким-то абстрактным собственным целям, а реализации потребностей каждого своего члена. Умножение общественного богатства общества, условий развития отдельных индивидов возможно через реализацию и развитие форм их коллективного сотрудничества. Цивилизованность людей в том и проявляется, что она побуждает их трудиться во имя обогащения и развития не только себя, а и общества, которое есть основа и способ развития цивилизованности каждого индивида. Осознание этого положения определяет одно из важнейших значений цивилизованности как ориентира и критерия жизнедеятельности людей.

Цивилизованность становится отличительным признаком и показателем развития индивида, когда она осознается им и сознательно реализуется в его деятельности. Цивилизованность есть объективная тенденция и характеристика общественно-исторического цивилизационного процесса, атрибутивное качество цивилизации. В этом контексте обусловленности достижениями и уровнем развития цивилизации названное явление цивилизованности выступает также объективной формой человеческих действий и отношений по реализации гуманистической благотворности. Но люди могут не только осознавать особенности своей цивилизованности, но сознательно содействовать ее развитию как ключевому ориентиру и критерию своей индивидуальной и общественной жизни. Цивилизованность как объективно имманентный признак людей проявляется наиболее явственно и показательно при ее осознании и реализации в субъективных формах понимания и знания, социальных идей и программ деятельности и развития.

Осознающий и понимающий свою цивилизованность человек ориен-

тируется в своей жизнедеятельности не только и не столько эгоистическими целями и насильственными методами их реализации, сколько уважением к другим людям, к таким общественным формам общежития и саморазвития всех индивидов, как труд, нормы нравственности и культуры, законы, политика государства и т.д. Цивилизованный человек призван именно через свою цивилизованность как сознательную гуманистическую и благотворную ориентацию заботиться о повышении цивилизованности других людей, общества в целом. Миссия цивилизованных людей состоит в том, чтобы развивать цивилизованность не только своего общества, народа, но и тех обществ, народов и стран, которые еще находятся на недостаточно высоком уровне развития своей цивилизации, культуры и социальности.

ГЛАВА II

МЕРНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ КАК МЕРА ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ БЛАГОТВОРНОСТИ ЛЮДЕЙ

Атрибутивная роль цивилизованности сочетается с ее важнейшими мерными значениями. Цивилизованность представляет собой ключевой мерный инструмент сравнения уровня развития людей, общественных условий их жизнедеятельности. Оценка явлений с позиций меры их цивилизованности в самом общем виде отвечает на вопрос: присуща или не присуща цивилизованность тому или иному субъекту, явлению. Речь идет о наличии или отсутствии цивилизованности. Но отсутствие цивилизованности предполагает наличие ее оборотной стороны — нецивилизованности.

Цивилизованность обозначает меру развития по водоразделу *цивилизованность* — *нецивилизованность* индивидов, стран, народов, обществ и т.д. Учет коренных различий между цивилизованностью и нецивилизованностью отношений и действий людей служит методологическим инструментом определения меры цивилизованности общественных явлений. В контексте противостояния нецивилизованности цивилизованность выступает обобщенной идеальной единицей измерения состояния общественных явлений, оценки их с позиций противоположности уровням дикости, варварства, антицивилизованности, «цивилизованного варварства» и т.д.

Измерение состояний явлений по шкале *цивилизованность* — *нецивилизованность* эффективно в тех случаях, когда имеется явное нарушение человеческих закономерностей разумной общественной жизни людей, что демонстрируют такие явления, как убийства, войны, бунты и т.д. Более подробно о цивилизованности как мере нецивилизованности речь пойдет ниже. Здесь же хотелось обратить особое внимание на мерное значение цивилизованности как единицы отсчета уровня развития своих собственных состояний.

Цивилизованность, как уже отмечалось, выступает социокультурным атрибутом цивилизации и ее многообразных движущих сил, условий функционирования и развития. Она утверждает себя, свое развитие в постоянном взаимодействии и противоборстве с нецивилизованностью. Это говорит о наличии разных состояний цивилизованности людей и условий их жизни. Важнейшее методологическое значение цивилизованности состоит в том, что она может и должна рассматриваться как мера оценки уровня развития самой себя. С другой стороны, цивилизованность выступает мерой прогнозирования направления и состояния развития людей, общественных условий их жизнедеятельности.

Как же может измеряться цивилизованность, в чем состоит ее мера? Ведь для того, чтобы рассматривать цивилизованность как меру развития индивидов, общества, необходимо выяснить, в чем состоит ее *мера* или *мерность*, как с помощью цивилизованности можно определить разный уровень развития общественных явлений.

Повторим, что меру цивилизованности можно определять по оппозиции *цивилизованность* — *нецивилизованность*. Но трудности возникают при определении ее собственной «внутренней» мерности, меры оценки собственных внутренних состояний, которые есть разные уровни и типы ее развития. Обобщенное представление о цивилизованности как абстрактной категории не дает возможности более конкретно выразить и измерить состояния ее развития в качестве характеристики общественных явлений. Но на помощь может прийти рассмотренная в данной работе трактовка цивилизованности как способа отношений и действий гуманистической благотворности людей. Известно, что развитие есть прежде всего деятельно производительный потенциал людей, которые действуют в основном практически полезно, благотворно для своей жизни, поэтому с этих позиций и следует оценивать разные состояния цивилизованности.

Определению и в то же время конкретизации меры цивилизованности призваны помочь понятие «мера» и рассмотренная трактовка цивилизованности. Понятие «мера» в философском смысле обозначает границы явлений. Эти границы связаны с количественными и качественными определенностями явлений. Мера предполагает равновесие количественных и качественных определенностей разных явлений. Например, понятие «дом» имеет всегда количественные (большой, средний, маленький) и качественные (теплый, холодный, старый, новый) определенности. Наиболее адекватной мерой дома выступает чаще всего его большое (вместительное) и теплое пространство. Количество и качество дома как пространства для нормальной и комфортной жизни людей должны находиться в определенном равновесии, ибо он теряет свое назначение, если будет

слишком большой, с лишней нежилой площадью или слишком холодный (теплый, жаркий) по температурному режиму.

Нарушение меры — это нарушение допустимых границ количественных и качественных определенностей того или иного явления, адекватного самому себе только при равновесии этих границ. Нарушение меры равновесия количественных и качественных границ ведет к изменению явления, переходу его либо в другое состояние, либо в другое явление. Гегель отмечал, что незначительные количественные изменения по меркам «меньше–больше», протекающие или производимые в границах специфической для каждого явления меры, не могут изменять коренным образом качество этого явления. Но переход через критические границы меры ведет к прерыву непрерывности и к скачку в изменении существующего качества явления, к появлению новой меры нового явления¹. Гегель называл меру «узловой линией отношений» количества и качества свойств явлений и самих явлений между собой; так, «всякое *рождение* и всякая *смерть* вместо того, чтобы быть продолжающейся постепенностью есть, наоборот, перерыв такой постепенности и скачок из количественного изменения в качественное»².

Определение меры в природных явлениях возможно экспериментальным путем, посредством математического измерения физических границ. Измерение общественных явлений социального и духовного порядка сделать гораздо сложнее, но также возможно.

Выяснение меры цивилизованности есть прежде всего анализ ее количественных и качественных границ, равновесия между ними. Количественными границами цивилизованности выступают параметры ее уровня развития типа «выше–ниже», «больше–меньше» и т.д., то есть те параметры, в которых в той или иной степени сохраняется ее существенная особенность — гуманистическая благотворность отношений и действий людей, условий их жизни. Параметры меньше или больше цивилизованности обозначают разное количество ее неизменной качественной сущности — гуманистической благотворности. Нарушение же последней, то есть гуманистического характера благотворности, предполагает сразу же переход от цивилизованных отношений и действий к нецивилизованным. Мерой цивилизованности служит качественно-количественная определенность ее гуманистической благотворности. Цивилизованность выступает мерой развития индивидов и общества постольку, поскольку в них формируется и реализуется ими творческий потенциал гуманистической благотворности.

Представление о мере цивилизованности как мере гуманистической благотворности индивидов, общества позволяет конкретизировать мер-

ные особенности и возможности цивилизованности, переводить понимание ее как нормы, границ, ориентира социокультурного развития людей с обобщенно-абстрактного на конкретно-жизненный уровень. Это очень важно для разработки методологии социального познания и преобразования современной динамической действительности. Можно сказать больше, что есть все основания предполагать — причины научной неразработанности категории цивилизованности, ее мерного и познавательного методологического значения заключены именно в большой трудности перевода ее абстрактного смысла и значения на уровень конкретного смысла и значения для реальной повседневной жизни людей. Ограничение же ее мерного значения только морально-этической нормативностью оценки поведения людей, их поступков, которая в основном преобладает в публицистике, да и науке, обедняет многообразные возможности цивилизованности в изучении и измерении всей обширной гаммы общественно-исторических условий жизнедеятельности индивидов, общества.

Мерное значение цивилизованности, выражаемое в мере гуманистической благотворности, имеет универсальное и всеобщее значение, применимо для оценки уровня развития любого общественного явления. В этой своей мерности цивилизованность может компенсировать недостаточные мерные возможности других параметров или критериев оценки многообразной жизнедеятельности людей. Каких?

Очень популярным и существенным мерилом жизни, развития и поведения людей выступает, к примеру, мера успеха. Успех выражает превосходство способностей индивидов, стремящихся к победе, лучшее знание путей и средств достижения успеха. Но мера успеха может быть применима именно в условиях победы, превосходства одних индивидов, их групп над другими. То есть мера успеха дает оценку отношениям и действиям индивидов, их групп, несущим в себе эгоистический и несправедливый характер. Кроме того, понятие успеха может применяться к оценке любых форм деятельности: позитивных и негативных, конструктивных и деструктивных, что существенно затрудняет возможности определения уровня развития людей. Следовательно, руководствоваться мерой успеха в оценке индивидуальных и общественных действий и настроений людей — значит столкнуться в первую очередь с эгоистическим характером этих действий и настроений. В самой действительности ориентация на волевые и духовные предначертания личного успеха всегда ведет к столкновению с волями и желаниями других людей, а это часто мешает реализации своих интересов за счет интересов других или вызывает напряженную обстановку справедливого возмездия со стороны этих других.

Мерой оценки уровня развития индивидов и общества может выступать также духовное или материальное богатство отдельного индивида, группы людей, общества в целом. Безусловно, что духовное богатство, уровень знаний, образования, культуры является очень важным мерилom оценки уровня развития любого субъекта, но здесь имеет существенное значение и состояние материальных условий жизни и развития людей, общества. Если материальные условия находятся в плачевном состоянии, то духовное развитие может стать предпосылкой некой асимметричной жизни индивидов, уподобляемой альтруизму, ведущей подчас к девиантному поведению. Напротив, если духовное развитие людей, общества выступает способом накопления материального богатства, капитала, приобретения условий роскошной неумеренной жизни и т.д., то эта ситуация приобретает потребительский характер, который знаменуется преобладанием материального над духовным, что так же, как и в первом случае, не дает объективной картины уровня развития индивидов, общества. Только, видимо, гармоническое равновесие духовного и материального богатства может служить объективной мерой развития людей, общества. Но способности у людей разные, и потребности у них формируются разные, поэтому понятие гармонического равновесия духовного и материального имеет вероятностный характер, трудноприменимо в качестве меры оценки уровня развития любых индивидов, условий их жизни.

Можно сказать, наиболее близко к раскрытию истинной меры отношений, действий, мыслей и ценностных ориентаций людей подошел русско-американский социолог П.А.Сорокин, который провозгласил в качестве одной из главных таких мер категорию любви. По мнению П.А.Сорокина, это понятие обозначает величайшие ценности или энергии. «... Любовь, — писал он, — понимается как унифицирующая, интегрирующая и гармонизирующая космическая сила, которая противодействует дезинтегрирующим силам хаоса, объединяет то, что разделяется враждой, строит то, что разрушается раздором; создает и поддерживает великий порядок во всем универсуме»³.

Исследуя основные функции альтруистической любви в обществе, П.А.Сорокин раскрывает целую гамму черт ее творческого позитивно-продуктивного потенциала. Он предлагает формы ее количественного измерения, в качестве которых рассматриваются интенсивность, экстенсивность, длительность, чистота, адекватность субъективных альтруистических целей с их объективными результатами⁴. Выделяя общезначимость любви как источника и меры общественного развития, П.А.Сорокин отмечает, что «если мы хотим повысить эффективность производства любви человечеством, то все главные культурные системы должны

быть, очевидно, перестроены, чтобы излучать только позитивный свет любви и приостанавливать производство негативных излучений ненависти»⁵.

Оценивая альтруистскую любовь как меру действий и мыслей людей, уровня их развития, можно согласиться с ее важнейшим значением для жизни и развития каждого индивида, общества. Однако следует учитывать и то, что она есть прежде всего этическая категория и при оценке конкретно-исторических действий и мыслей людей может не вполне адекватно и объективно отражать уровень развития этих людей и обстоятельств их жизни. Она несет в себе в определенной мере оттенок утопизма, о чем говорит сам П.А.Сорокин, предлагая ее в качестве меры как перспективы перестройки главных культурных систем человечества.

Думается, что рассмотренные трудности определения уровня развития отношений, действий и мыслей людей, условий их жизни с позиций успеха, духовного и материального богатства, альтруистической любви, а также других многообразных субъективных и объективных, духовных и материальных, индивидуальных и общественных факторов, вполне корректно преодолеваются путем применения такой меры оценки, как мера гуманистической благотворности или цивилизованности людей, условий их общественной жизни.

Цивилизованность, как выяснено, есть цивилизационный атрибут, интегрирующий в себе объективные и субъективные основы развития цивилизации, ее материальные и духовно-культурные достижения, организационно-ориентирующий характер. В силу этого мера гуманистической благотворности есть именно интегративная и гармоническая мера определения, оценки уровня развития всех форм жизни людей: субъективных и объективных, духовных и материальных, индивидуальных и социальных (коллективных), причем мера оценки этих форм как в их взаимосвязи и взаимозависимости, так и отдельных, специфических явлений. Данная мера цивилизованности универсальна и общезначима, ибо выяснение степени гуманистической благотворности дает объективную картину состояния и уровня развития, еще раз повторяем, любого индивида, общества, любых условий жизнедеятельности людей.

Интегративность, гармоничность, универсальность и общезначимость меры гуманистической благотворности — это результат сопряженного единения источников и характеристик как цивилизационного, так и человеческо-человечного начал. Благотворность, идущая от цивилизации, приобретает цивилизованный характер только в рамках ее гуманистического назначения. Благо, благотворность, как уже говорилось, равнозначно «служит» и праведнику, и насильнику. Гуманистический характер благотворности есть основополагающая или качественная мера цивилизованности.

Гуманистичность предполагает не просто человечность или человеколюбие, ее основы необходимо видеть в жизненных и творческих силах человека. Человек постольку является человеком, когда он живет, и особенно, если его жизнь представляет собой способ реализации его творческих позитивно-ориентированных способностей.

Гуманистическая благотворность как мера цивилизованности определяется и гуманистичностью, и благотворностью жизни людей, условий ее реализации. Здоровая жизнь человека и его жизненные творческие силы есть исходная предпосылка и конечный результат меры гуманистической благотворности. Если гуманистичность здесь абсолютная величина или качество цивилизованности, то благотворность — переменная, во многом определяемая условиями реализации жизни и развития людей. Мера гуманистичности есть исходная мера внутренней благотворности жизни и способностей людей, но эта же мера гуманистичности есть главный ориентир и общественных условий жизнедеятельности людей. Так что любые благотворные средства выражают свою истинную благотворность только в рамках их гуманистического назначения и характера.

Средства и блага реализации человеческой жизни многообразны в количественном и качественном отношении. Уровень их развития во многом определяет и меру их гуманистической благотворности. Вместе с тем эти средства могут менять свое назначение и гуманистический характер, если будут использоваться не во имя блага человека, его жизни, а во вред. Утрата меры гуманистичности знаменует утрату благотворности любых средств реализации и развития человеческой жизни и переход их в разряд античеловеческих, антигуманных средств разрушения этой жизни. Можно привести массу случаев такого перехода. Достаточно, например, перейти через меру легкомыслия и можно совершить преступление; нарушение права может перейти в несправедливость; несоблюдение добродетели — в порок. То же наблюдается, конечно, и в политике, экономике, во всех сферах жизнедеятельности человека: политическая гибкость часто граничит с беспринципностью; авторитарность власти с произволом; равенство с уравниловкой; экономический рост не застрахован от явлений стагнации или кризисов перепроизводства.

Цивилизованность в принципе исключает реализацию целей, например, справедливости и гуманизма насильственными путями и средствами. Если цивилизованные цели реализуются нецивилизованными средствами насилия, террора, разрушения человеческого начала в людях, то возникает конфронтационная ситуация в «душе» и жизни самих носителей этих действий, между ними и другими людьми, их объединениями, обществом в целом. Возникает коллизия индивидуального и социально-

го. Цивилизованность целей и средств их реализации призвана «снимать» эту коллизию, но не посредством одностороннего «сведения социального к индивидуальному» как предполагают некоторые исследователи⁶, а через диалектику сочетания индивидуального и социального.

Развитие и совершенствование социокультурных условий жизни и развития людей способствует повышению уровня их цивилизованности. Мера цивилизованности индивидов зависит от развития условий применения и раскрытия их творческих сил и способностей, которые в диалектике сочетания индивидуального и социального выступают исходным первоначалом меры цивилизованности индивидов. Способности определяют меру вклада людей в саморазвитие и обогащение общества. Уровень этого вклада именно гуманистически благотворного характера есть существенное дополнение и уточнение к характеристике меры цивилизованности. Сама *цивилизованность* в этом плане рассматривается как *мера (способ, границы) вклада гуманистической благотворности индивидов, общества в свое саморазвитие и обогащение общества, цивилизации.*

Мера вклада гуманистической благотворности людей зависит как от их способностей, так и форм деятельности, в которых реализуются эти способности. Известно и другое, что при любых способностях, больших или малых, люди реализуют свой гуманистически благотворный вклад в любых и всех формах индивидуальной и общественной деятельности. Измерение уровня цивилизованности мерой гуманистически благотворного вклада распространяется на любого субъекта, формы его отношений и деятельности, условия жизни и развития. Разный уровень цивилизованности индивидов, обществ, стран, народов, локальных цивилизаций выражается главным образом в разности их вклада гуманистической благотворности в свое собственное саморазвитие и развитие общества, цивилизации. Например, цивилизованный человек отличается от нецивилизованного или недостаточно цивилизованного прежде всего уровнем своей социокультурной и творческой зрелости, разной мерой вклада гуманистической благотворности в саморазвитие и обогащение общества.

Необходимо различать специфику этого вклада как меры цивилизованности разных субъектов. Положим, вклад общества в целом отличается от вкладов индивидов, которые реализуют эти вклады в его рамках. Специфика параметров меры цивилизованности общества, его вклада связана, во-первых, с уровнем и потенциалом развития производительных сил; во-вторых, со степенью сплоченности, сотрудничества людей; в-третьих, с наличием ясных тактических и стратегических целей развития данного общества, пониманием их его членами как ориентиров собственного саморазвития. Цивилизованное общество — это его производительные мощ-

ности и способности обеспечения своих членов материальными и духовными благами, моральные стимулы активизации их творчества на благо себя и общества, социальные гарантии выживаемости, защиты и развития индивидов. В чем проявляются эти мощности, силы, гарантии? Прежде всего в таких сферах его функционирования и развития, как система производственно-технических условий жизнедеятельности людей; экономические формы общественной жизни; государственно-правовые основы управления обществом; культура, духовная жизнь общества.

Мера цивилизованности общества носит конкретно-исторический характер, определяется масштабами и типологией стадийных сдвигов, эпохальных изменений общества. Историческая масштабность меры цивилизованности заключается в том, что она выступает в качестве критерия определения (и фиксации) наиболее крупных производственно-технических, социальных сдвигов, которые образуют особые стадии или «волны» поступательного развития общества. Критерии цивилизованности мировой цивилизации предполагают прогресс, восхождение человечества на все более высокие ступени развития, сопровождающиеся универсальными изменениями во всей совокупности элементов (экономика, социальная сфера, политика, идеология и культура), образующих структуру цивилизации. Мерой цивилизованности отдельно взятых стран или народов является степень зрелости или соответствия наиболее существенных черт их характера и условий жизни ряду специфических и традиционных для них ценностей, а также уровень вклада в саморазвитие и в общее богатство мировой цивилизации.

Таким образом, цивилизованность есть мера развития любого ее субъекта и носителя. Конкретизация этой меры заключается в основе, «клеточке» цивилизованности — гуманистической благотворности людей. Вклад гуманистической благотворности определяет количественные и качественные параметры цивилизованности. Гуманистичность есть мера качества, а благотворность — количества цивилизованности. Мера гуманистической благотворности конкретизирует значение цивилизованности как инструмента оценки и измерения общественных явлений.

ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ КАК МЕРА НЕЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Изменения цивилизованности как меры развития и проявления людей, благотворности условий их жизнедеятельности подвижны, могут повышать ее степень зрелости, а могут и переходить через грань, за которой начинает реализовываться иная мера действий и отношений людей — нецивилизованность. «Когда изменяется мера вещи, — отмечал Гегель, — изменяется сама вещь, и нечто, переходя свою меру, увеличиваясь или

уменьшаясь сверх меры, исчезает»⁷. Переход, например, через меру, грань гуманистической благотворности деятельности индивидов к насильственным формам реализации их эгоистических личных или групповых целей требует измерения этих форм критерием нецивилизованности. Цивилизованности всегда противостоит ее противоположность — нецивилизованность. Различение данных «парных» категорий возможно только при их сравнении как обозначении определенных мер действий и отношений людей. Именно нарушение меры цивилизованности помогает понять природу, суть и меру нецивилизованности, и, напротив, показатели нецивилизованности способствуют обнаружению особенностей ее противоположности — цивилизованности.

Цивилизованность и нецивилизованность можно представить как две взаимодействующие стороны и меры противоположностей существования и развития индивидуальной и общественной жизнедеятельности людей, всей мировой цивилизации, отдельных региональных цивилизаций. Особенно это заметно в связи с недостаточной развитостью социокультурных условий жизнедеятельности людей, когда в странах в целом цивилизованных вполне можно встретить современных варваров. Об этом свидетельствует история человечества, а также любые события современной действительности, когда формы и меры цивилизованности непосредственно сочетаются с нецивилизованными действиями людей. «Как в уме и делах отдельного индивида, — отмечает Н.В.Мотрошилова, — склонности варвара — «недочеловека» могут побеждать задатки, формы жизни цивилизованного индивида, так и в истории целых стран и народов — даже при наличии каких-то высоких цивилизованных, культурных достижений — возможны массовые рецидивы варварства, возможна отсталость, стоящая на грани одичания, запустения, деградации, обесчеловечивания и бездуховности жизни»⁸.

С возникновением языка, письменности, мира идей, надстроенного над миром природы, человек не только освобождался от последней, но и множил свои заблуждения. Всегда и всюду цивилизованность и нецивилизованность шли и идут по истории рука об руку как два противоположных способа и показателя жизнедеятельности и поведения людей, с одной стороны, культурного и прогрессивного, а с другой — бескультурного, насильственного, регрессивного.

В историческом плане цивилизованность возникает как атрибут и показатель уровня развития цивилизации. Она выступает в этой своей роли именно в борьбе и постоянных противоречиях с нецивилизованностью людей, проявлений цивилизации. Нецивилизованность возникает и реализуется как форма неразвитости и вынужденного насилия первобытных

людей. В ранний период генезиса человека граница между его нецивилизованностью и цивилизованностью почти отсутствовала, ибо он был неразвитой частью природы и вынужден был адекватно реагировать на стихийные силы природы, посредством насилия воспроизводить свои жизненные основы. Со временем цивилизованность людей повышается за счет создания собственно социальных и культурных условий их жизнедеятельности. Животная цивилизованность вытесняется и вместе с тем начинает реализовываться в своих особых формах: сначала в форме естественно-природного способа насилия с целью самовывживания человека; затем как антицивилизованность или намеренное насилие с целью присвоения природных и социальных благ; наконец, как «цивилизованное варварство» или целенаправленное разрушение всего человеческого мира и, прежде всего, самого человека, его личности и здоровья.

Нецивилизованность отражает предчеловеческую естественность и «животность» форм насилия, антицивилизованность — преобладание животного, эгоистического над человеческим и человечностью, «цивилизованное варварство» — изощренную человеческую разрушительность и насильственность, предполагающие реализацию эгоистических выгод. Пока все эти формы почти не исследованы в научной литературе, хотя их проблемность и актуальность все более и более обостряется. Особенно пристального внимания и изучения требует такая форма, как «цивилизованное варварство», когда человек рассматривается как средство для достижения целей другого человека. Можно согласиться с Б.Г.Юдиным, что эта проблема представляется «задачей поистине вселенского масштаба, для решения которой предварительно необходимо едва не сплошное переосмысление психологических (да и не только психологических) понятий, концептуальных схем и пр., радикальная и систематическая переоценка всего сделанного психологией»⁹.

Формы и меры нецивилизованности, конечно, не стыкуются напрямую с противоположными им формами и мерами цивилизованности. Последняя ранжируется в основном на низкий, средний и высший уровень своего проявления. Однако формы и меры нецивилизованности тем не менее имеют определенную взаимосвязь с формами и мерами цивилизованности. Низкий уровень цивилизованности и культуры людей, общества порождает обозначенные формы нецивилизованности и антицивилизованности. Более того, даже если цивилизованность зиждется на высочайших достижениях цивилизации, то она может порождать свое «другое» «цивилизованное варварство». Данная связь между формами цивилизованности и нецивилизованности есть нарушение меры первой и переход ее в полную противоположность — границы меры второй.

Противоположность между цивилизованностью и нецивилизованностью выражается в различии их коренных качеств. Как уже выяснено, сущностным коренным качеством цивилизованности предполагается человекоцентрическая гуманистическая благотворность. Противоположностью данного качества может быть только античеловеческая разрушительность.

Понятие «античеловеческой разрушительности» выражает действие, полностью негативное по отношению к человеку и его жизнедеятельности. Нецивилизованность есть прежде всего действие и мера насилия, разрушения человеческих основ жизнедеятельности людей во имя получения эгоистических выгод и благ.

Учитывая, что понятие цивилизации не может быть представлено вне способов улучшения условий жизнедеятельности людей, его трудно связывать с явлениями нецивилизованности. Нецивилизованность как бы «выносится» за рамки цивилизации как системы благ для людей, каждого индивида, всего общества. Нецивилизованность предполагает обозначение всего того, что находится или проявляется за рамками или вне рамок цивилизации. Но тут же возникает парадоксальный вопрос: а что может быть за рамками цивилизации, которая есть полный и всесторонний охват и способ реализации абсолютно всей индивидуальной и общественной жизнедеятельности людей, их позитивных и негативных проявлений и форм жизни. Получается, что нецивилизованность есть обозначение того, что находится за рамками цивилизации, и вместе с тем того, что создается людьми в ее рамках. Это действительно парадоксальная позиция, но она проясняется, если для ее рассмотрения привлечь категорию цивилизованности.

Возникновение понятия цивилизованности было связано с абстрактно обобщенным представлением об обществе просвещения, культуры и прогресса. Оно стало выражать и ныне выражает приоритетную идею гуманизма и прогресса, то есть в большей мере служит для обозначения идеала общества, чем его конкретной общественной структуры. Отсюда та очевидность связи этого понятия с понятием цивилизованности, которое призвано конкретизировать меру практического воплощения этого идеала в действительность, границы хорошего и плохого в жизнедеятельности людей. Нецивилизованность, хотя и обозначает явления отрицательного порядка, оцениваться теоретически и практически может только через соотношение с понятием цивилизованности.

Признание же фактов нецивилизованности в рамках цивилизации ставит проблему переосмысления и уточнения самого понятия цивилизации, а следовательно, места и роли в ней различных форм нецивилизованно-

сти. Как уже отмечалось, цивилизация возникает тогда, когда человек, человеческие объединения начинают сознательно преобразовывать природу для своих нужд и потребностей. Цивилизация есть творение людей и для людей, поэтому ничто человеческое ей не чуждо. Но люди всегда стремились и стремятся к лучшему — это закон выживания и жизнедеятельности всех живых существ и тем более людей. Стремление к лучшему выражается наглядно в понятиях цивилизации и цивилизованности.

Жизнедеятельность людей бывает, однако, богаче и многообразнее их стремлений к лучшему. Дело в том, что даже при стремлении к лучшему всех людей, каждого человека эти стремления реализуются разными людьми по-разному, в зависимости: во-первых, от способностей и характера самих людей; во-вторых, от разного уровня их культуры; в-третьих, от средств, доступных им для осуществления их стремлений к лучшему. Различия названных факторов поведения людей, их стремлений к лучшему обуславливают их столкновения между собой, в которых используются как цивилизованные, так и нецивилизированные средства.

Цивилизационные есть средства человеческие, гуманные, не имеющие насильственного характера, ориентированные на использование производительных сил и способностей собственного труда во благо себя и других людей. Нецивилизированные стремления к лучшему характеризуются нечеловеческими и негуманными средствами в достижении своих, главным образом, эгоистических целей. Нецивизованность, повторим, — это агрессивное начало в человеке, тождественное насилию, жестоким, «диким» формам достижения крайне эгоистических низменных целей личного превосходства. Ни о какой собственной трудовой благотворности здесь речи быть не может.

Носителями нецивизованности являются люди, тоже стремящиеся к благу, но применяющие варварские средства его реализации. Противоречие между целью и средством ее достижения — главная особенность нецивилизированных действий и отношений людей. Как писал в свое время французский философ А.Бергсон, «*Homo sapiens*» — единственное существо, наделенное разумом, — это также единственное существо, которое может ставить свою жизнь в зависимость от глубоко неразумных явлений¹⁰.

Цивилизованность характеризует единение целей и средств их реализации. Она выражает стремление к лучшему, благу в соединении с благотворными разумными путями его осуществления людьми посредством своего труда. Труд есть основа основ жизни и развития человека и человечества. Он есть не только основное главное средство создания всех благ, но и исходное благо жизни. Посредством труда человек реализует свою

жизнедеятельность, создает предметы потребления, развивает индивидуальные способности. Собственная трудовая деятельность каждого индивида по реализации благ, процесса благотворности в сочетании с подобной деятельностью других людей, их сотрудничеством предполагает истинно человеческие цели и средства их достижения.

Насилие как средство достижения эгоистических целей тоже связано с определенной формой трудовых усилий. Но оно предполагает не столько трудовое взаимодействие людей с природой и между собой ради создания всеобщих благ, сколько взаимоотношения между людьми ради достижения эгоистических благ. В основе нецивилизованности лежит насилие как средство подчинения одними людьми других и использование результатов труда других в своих эгоистических целях. Насилие в данном случае выступает как способ нетрудового получения благ, присвоения «чужих» условий жизнедеятельности других людей. Ясно, что такой способ получения и присвоения благ нельзя назвать гуманным и благотворным. Даже если насилие (агрессия, война) осуществляется в благородных целях самозащиты или выживания, оно остается признаком нецивилизованности.

Насилие как вынужденное средство достижения блага, было присуще человеку на ранних стадиях их становления. Человек в своем первобытном состоянии был частью дикой природы, и его способы добывания пищи носили варварский насильственный характер по отношению к своим жертвам: будь то дикие животные или люди чужих племен. Опасности для жизни человека в это время шли от всех явлений живой и неживой природы и, тем более, от представителей чужих племен. Поэтому все, что угрожало жизни человека, выступало для него специфическим «врагом», которого он мог победить только силой, индивидуальной или объединенной — племенной. Это было насилие, способ, завоевания «врага» посредством силы, принуждения к подчинению под страхом лишения жизни, но насилие вынужденное и оправдываемое уровнем развития самого человека, необходимостью его самовыживания, связанного с преодолением господства над ним сил природы.

Разум человека только-только приобретал черты первичных форм понимания связи человеческих качеств с явлениями и силами природы, что ярко отразилось в мифологических олицетворениях этих явлений и сил. Этот разум не нес еще действительной человеческой гуманизации — понимания ценности человеческого как самоценного блага, а также жизни любого существа как первейшего блага природы. Превалирующим в этой «схватке» человека с природой был именно гамлетовский вопрос: быть или не быть? жить или не жить? Поэтому и первые ростки разума тоже

были подчинены не столько сохранению природы, сколько ее насильственному потреблению. Эта нецивилизованность первобытного человека не являлась, однако, препятствием к возникновению и развитию цивилизации и цивилизованности, а напротив, стала их *предтечей*, она помогла выживать человеку в трудных условиях: выступала способом добывания минимальных условий жизни, с одной стороны, и «учила» приспосабливаться к изменяемым условиям природы и постепенно преобразовывать их — с другой.

Нецивилизованность как отношения насилия и господства во имя своих эгоистических целей, насильственного присвоения природных и социальных благ уже в условиях становящейся цивилизации, возникновения действительного самостоятельного труда, многообразных форм его разделения, городского уклада жизни, достижения культуры, письменности и т.д. переходит в свою новую меру — антицивилизованность. Последняя предполагает невежество, духовное варварство, усиление потенциала нецивилизованности во имя получения преимущества либо отдельных индивидов, либо их объединений, например, классов. Рост антицивилизованности связан с увеличением общественного предметного и материального богатства, а главное, с повышением возможностей процесса *отчуждения* человеческих сущностных сил в многообразных формах этого богатства, таких как товары, деньги, прибыли, проценты, капиталы.

В условиях цивилизации, когда человек уже приобретает свой сущностный облик разумного существа, его нецивилизованность в большей мере выступает не как вынужденная мера, а как продукт роста индивидуализации его целей и стремлений. Этот процесс связан с разложением родоплеменным и общинным связям людей и возникновением новых, более свободных социально-экономических отношений индивидов, обособляющихся на основе появления частной собственности на средства производства и производимые блага. Появление данного характера взаимоотношений индивидов, опредмечиваемых в формах частной собственности, рыночного обмена товаров и денег, способствовало в первую очередь активизации творчества людей, проявлению их индивидуальных способностей, а вместе с этим и обострению конкурентной борьбы за свои материальные выгоды. Частная собственность несет прогресс обществу, но и разрушение непосредственной связи людей с природой и ее продуктами. Она стала способом отчуждения человеческих сил и продуктов труда от их непосредственных производителей, обострив, таким образом, низменные чувства жадности и безнравственности, стремления к насилию, эксплуатации чужого труда во имя увеличения этой частной собственности. Безусловно, что когда речь идет об использовании так называемых сило-

вых методов борьбы не с целью выживания, самозащиты, а для обогащения, подавления конкурента — врага, то такие действия можно и нужно квалифицировать не просто как нецивилизованные, а как антицивилизованные.

Антицивилизованность направлена против человека, его жизни, всей цивилизации. Цивилизация есть благо всех и для всех, каждого человека. Когда один какой-либо человек стремится «процветать» и жить лучше за счет труда и ограничений жизни другого человека, то он так или иначе тормозит цивилизационное развитие общества, общий подъем культуры народа, страны. Усиленная тяга к наживе обостряет инстинкты агрессии, необузданного невежества, деспотизма и т.д. Возникает культ денег, богатства, товаров, наслаждений, которые, в свою очередь, начинают господствовать над человеком. Причем меньшинство общества присваивает все это в избытке путем изымания его у остального большинства.

Деспотизм господства товарно-денежных форм над человеческими проявлениями доводит людей до потери человеческого достоинства. Именно этот деспотизм абсолютизирует нездоровые чувства алчности и эгоизма, которые низводят людей до животных, становятся источниками многообразных форм антагонизма и насилия. Эти формы носят не только античеловеческий или нечеловеческий, животное-инстинктивный характер. Они порождают так называемое «цивилизованное варварство», когда в качестве средств принуждения, насилия и власти используются достижения прогресса и цивилизации: будь то научно-технические изобретения, новейшие интеллектуальные технологии, манипуляции человеком, его сознанием.

Понятие «цивилизованного варварства» можно и следует рассматривать в узком и широком смысле. В узком смысле оно обозначает, можно сказать, сознательно изохронные формы физического и психического насилия над человеком и его жизнью. В широком смысле «цивилизованное варварство» представляет собой отчуждение человеческих сил в вещные, технические, материальные и научные формы, служение человека этим формам как основным средствам своей жизнедеятельности. Можно сказать и по-другому, что названное понятие выражает процесс господства и насилия неживого над живым, низшего над высшим. Человек становится рабом и придатком этих форм. Человеческое начало, таким образом, подчиняется предметному, зависит от него и ограничивается им. Известный английский философ и историк А.Тойнби, размышляя о судьбе западной цивилизации в работе «Как выжить в будущем?», писал: «Переориентация человеческого поклонения от природы к собственной мощи представляется мне величайшим духовным регрессом». Далее ученый

подчеркивал: «Успехи человека в области достижения господства над природой были куплены дорогой ценой. Человек сменил одно рабство на другое. Освободившись из-под власти природы, подчинился власти технологии...»¹¹. Новая, искусственно созданная человеком, обществом среда обитания оказалась еще более неблагоприятной, тираничной, психологически неустойчивой, чем была старая, и именно эта замена является причиной современной неустроенности, конфликтов, насилия, воцарившихся на Земле.

Человек сам в угоду собственному эгоизму, материальной выгоде или удовольствию совершает насилие над чужой или своей жизнью, разрушает ее. Если первобытный человек заимствовал у животных, природы приемы их выживания, лечения, используя продукты этой природы, то человек «цивилизованный» превращает искусственно создаваемые из этой же природы продукты в средства получения физических и психических удовольствий, несущих в себе отклонения от норм жизни и психики, каковыми являются алкоголизм, наркомания, различные «наслаждения» преступного характера. Эти формы поведения в науке принято называть девиантными. Девиация в переводе с латыни — отклонение от дороги¹². В бывшем СССР отклоняющееся поведение изучалось преимущественно в рамках специальных дисциплин: криминологии, наркологии, суицидологии и т.д. В последнее время данная форма поведения стала предметом социологических исследований. Девиантное поведение имеет как разрушительный, так и созидательный характер. Нас в данном случае интересуют только некоторые особенности разрушительной девиации поведения людей, проявлений их «цивилизованного варварства».

В настоящее время многообразные отклонения в желаниях людей, их психике, деструктивных действиях некоторые исследователи вслед за З.Фрейдом, К.Г.Юнгом и др. объясняют некими животными инстинктами, например, страха смерти, половой неудовлетворенности, разными подсознательными побуждениями. Другие исследователи, начиная с XVIII в. с высказываний Ж.-Ж.Руссо, полагают, что причинами деструктивного поведения людей являются материально-технические достижения самой цивилизации, несущей с собой падение культуры и нравственности человека.

Безусловно, что «цивилизованное варварство» проистекает не только от извращенных или подсознательно обусловленных желаний человека, но и от социальной среды его обитания. Как уже отмечалось, на отрицательные последствия цивилизации указывали представители франкфуртской школы, а также немецкие антропологи А.Гелен, М.Ландман и др. В частности, А.Гелен обращал особое внимание на отрицательные послед-

ствия рационализации, стремление к всеобщему планированию и переустройству всей жизни на искусственно сконструированных основаниях (прогресс, изобретательство). Просветительские идеалы, по А.Гелену, вытеснили из повседневной действительности все наглядное, чувственное и привели, по сути, к иссушению и обеднению жизненного мира человека. Результатом оказалась «культурная цивилизация», прекращение творчества, исторического развития. Индивидуальность стала разрушаться, с одной стороны, разумом (переводом единичного на уровень всеобщего), с другой — политической властью, насильственно объединяющей разрозненные группы людей¹³.

О социальных факторах девиации поведения людей свидетельствуют данные Института Бехтерева, по которым только 15 % мотивационных конфликтов имеют сексуальную основу или причины психических расстройств, остальное же большинство их связано с общественными неурядицами жизнедеятельности людей¹⁴.

Основными источниками девиантной разрушительности являются внутренние побуждения стихийной нерегулируемости человека и внешние условия и институциональные формы жизни и организации общества. Люди не пешки в драме жизни и истории, имеют свои определенные нестандартные отношения к жизненным условиям, моральным нормам и культурным ценностям. А последние формируются в каждом обществе под многовековым влиянием культурных традиций, входят подчас в противоречие с основополагающими мотивами человеческой психики — скажем, с инстинктами самосохранения. В силу этого люди могут совершать поступки, характер которых, казалось бы, несовместим с логикой рационального поведения. Во всяком случае нам и в голову не пришло бы ожидать чего-либо от животного, действующего неизменно целесообразно в меру своих возможностей. Взять хотя бы разнообразные формы самоубийства человека: будь то самопожертвование японского самурая, бегство в небытие офицера, переступившего закон чести, или уход из жизни на почве угрызений совести, ради мести своему обидчику и т.д.

При выяснении внутренних и внешних источников девиантного поведения деструктивной направленности возникает проблема равнозначности названных источников данного поведения. Встает вопрос: можно ли отдать предпочтение одному из видов этих источников? Ответ вытекает из социальной сущности самого человека, которая предполагает, что агрессивный характер его поведения обуславливается не только, например, его невежеством, но и особенностями поведения взаимодействующей стороны. Следует согласиться с мнением, что агрессия и деструкция в большей мере вызываются несправедливым перераспределением источников

пополнения жизненных источников. «Агрессивный вид девиации как в прямой, так и смещенной форме нацелен на преодоление фрустрации путем неадекватного в сложившейся ситуации перераспределения социальных благ, достижение цели без учета интересов окружающих людей, несправедливое решение проблемы в пользу одной из взаимодействующих сторон за счет ухудшения адаптационных условий другой»¹⁵.

Социальные условия жизнедеятельности людей творятся самими людьми, но у разных людей они складываются по-разному, потому что имеют общественный характер и формируются независимо от желаний отдельных индивидов. Создание и распределение данных условий осуществляется главным образом двумя способами: цивилизованным — посредством гуманистической благотворности и нецивилизованным — путем насилия над природой и над людьми. В первом случае возможно согласование желаний людей в процессе создания и распределения социальных условий их жизни, во втором же это невозможно. В первом случае создаются и распределяются общественные средства жизни и труда, во втором — частнособственнические, порождающие классовое неравенство, отношения эксплуатации и несправедливости.

При частном присвоении условий производства и жизни не столько желания и способности производителей определяют создание и получение жизненных благ, сколько система разделения труда, конкурентная борьба и интересы частного собственника. Возникающее при этом неравенство людей обуславливает мотивационные побуждения деструктивности, противоречий между неравными социально-классовыми группами индивидов, а также их внутренние разлады, сомнения и отчаяния, поступки и действия «цивилизованного варварства». Эти формы девиации возникают прежде всего у людей, не имеющих «легальной возможности для самореализации в условиях сложившейся социальной иерархии, чья индивидуальность подавляется, фрустрирующая энергия блокируется. Они не считают общепринятые нормы порядка естественными и справедливыми, не могут сделать карьеру, изменить свой социальный статус через легитимные каналы социальной мобильности. Все это неизбежно приводит их к внутриличностному конфликту»¹⁶.

Как видно, нецивилизованность во всех формах имеет свои источники в цивилизованном общественно-историческом процессе. Она связана с определенными особенностями и условиями жизнедеятельности людей, есть способ и мера ее проявления, зависит от внутренних и внешних источников этой жизнедеятельности. Включенность нецивилизованности, антицивилизованности, «цивилизованного варварства» в цивилизационный процесс не говорит о том, что все эти формы являются постоянными и

самодостаточными по отношению к данному цивилизационному процессу. Они есть изменяющиеся способы и меры отрицательных, нечеловечных разрушительных действий, отношений и мыслей людей, которые в массе своей, как представители человеческого рода, живут и развиваются по законам стремлений к лучшему и в условиях своей жизнедеятельности, и в самих себе.

Нецивилизованность своей сутью и мерой отражает негативные и деструктивные явления, которые тормозят цивилизационный прогресс общества, страны, индивида. Вместе с тем выяснение ее природы и сущности, форм проявления помогает проецировать меры, которые призваны способствовать развитию и проявлению цивилизованности людей, общества. Нецивилизованность есть, таким образом, не только мера самой себя, но и цивилизованности, условий ее изменения, утверждения и развития.

РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК МЕРА ЕГО ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Люди различаются способностями и отношением к реализации и развитию своих способностей. Способности в общем плане можно определить как умения индивидов реализовать и развивать свои задатки и потенциалы, индивидуальные наклонности. Способности неотрывны от деятельности и есть ее импульсы и формы проявления. Они непосредственно связаны с многообразным спектром физических, психических и духовных свойств и признаков людей, выступают^{же} имманентной сущностью. Склонности, влечения индивидов развиваются в способности и через способности в связи с потребностями и интересами их в определенных видах деятельности, особенно профессиональной самореализации.

Потребности индивидов в определенном виде профессиональной самореализации, самостоятельности являются основой способностей. К «движущим силам» способностей относятся также интересы, оценочные отношения и импульсы творчества нового.

О том, что способности — это побудители и реализаторы человеческих влечений, связанные с потребностями творческой самореализации людей, говорят различия между способными и неспособными (ординарными) индивидами. Данные различия обуславливаются разными психологическими и творческими потребностями, волей, интересом, психологической направленностью на творчество, свою профессиональную деятельность. Неспособные представители человеческого рода не стремятся или не могут самоопределиваться, «найти себя» в соответствующем виде самостоятельности, а тем более творчестве.

Разграничивая людей по потенциалу способностей и вкладу их в развитие разных отраслей науки и производства, академик П.Л.Капица замечает, что «одни идут впереди и тратят все силы, чтобы двигать науку, культуру и человечество вперед, — это прогрессивные люди. Другие, их большинство, идут рядом с прогрессом, сбоку, они не мешают и не помогают; и наконец, есть люди, которые стоят позади и придерживают культуру — это консервативные люди, трусливые, без воображения»¹⁷. Учитывая различия данных категорий людей, можно, видимо, представить и неодинаковую степень их цивилизованности. Одних можно считать действительно высокоцивилизованными представителями прогресса. Других — недостаточно цивилизованными и, наконец, третьих — находящихся на грани цивилизованности и нецивилизованности. Последние, хотя и не совершают насилий над жизнью и личностью человека, но имеют отрицательные наклонности препятствовать развитию культуры и цивилизации во имя своих эгоистичных интересов, тщеславия, зависти и т.д.

Способности людей могут иметь не только гуманистическую, но и антигуманистическую, разрушительную направленность. Способных людей с так называемыми дурными наклонностями трудно, однако, назвать цивилизованными, ибо они используют свои способности в первую очередь во благо себя, причем за счет ущемления интересов других людей, или общества в целом. С другой стороны, ординарных неталантливых индивидов, составляющих большинство общества, также не всегда следует квалифицировать как нецивилизованных. Они, хотя и не хватают звезд с неба, но живут честным повседневным трудом, соблюдают нормы нравственности и правопорядка. Кроме того, среди людей, не обязательно занятых умственным трудом, а скажем, трудом с элементами физического и исполнительского характера, также встречаются способные индивиды — личности, которых с полным правом можно отнести к высокоциви-

сакцирм индивидуальностям. Суть их цивилизованности состоит как в высокой нравственности, человечности, гражданственности, так и в желании увеличить свой рядовой трудовой вклад в развитие общества. Еще великий Платон отмечал в «Пире», что «творчество — понятие широкое. Все, что вызывает переход из небытия в бытие, — творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно называть творчеством, а всех создателей их творцами»¹⁸.

Среди представителей любых разновидностей труда встречаются талантливые люди конструктивно-инновационного типа. Наряду с ними, известный психолог И.Витаньи выделяет представителей продуктивно-репродуктивного и генеративного типов способностей и деятельности людей¹⁹. Конструктивно-инновационное творчество присуще «немногим

личностям, хотя количество людей, обладающей потенциальной способностью создавать радикально новое, гораздо больше, нежели количество людей, получающих возможность развить и реализовать ее под воздействием общественных условий. На этом уровне творчества совершаются фундаментальные научные открытия, появляются технические решения типа изобретений, создаются классические произведения искусства, выдвигаются религиозные доктрины и т.д. Продуктивно-репродуктивная деятельность характерна для каждого человека, выражается в воспроизводстве элементов и правил, их многообразных объективаций, которые не меняются (или меняются незначительно), так что проявление нового может быть здесь только случайным. Генеративная деятельность также присуща каждому человеку, но в различной степени. Она выражается в создании новых вариантов на основе данных элементов и правил. Можно назвать это творчеством в пределах традиции»²⁰.

Безусловно, что общество, его ценности играют существенную роль в формировании индивидуальности разных людей. Но усвоение общественных ценностей разными индивидами происходит по-разному. Оно осуществляется в зависимости от индивидуализации их отбора каждым отдельным человеком. При этом отборе и усвоении ценностей у людей начинает говорить тот творческий «генетический код», который заложен в них природой. Имеются в виду прежде всего биопсихические и психогенные основы различия людей; первые охватывают нервную систему, систему желез, анатомические особенности, процессы обмена веществ, созревания и развития организма; ко вторым относятся характер, память; чувства, воля, воображение, наблюдательность, интеллект, которые в совокупности определяют не только способности восприятия, осмысления и анализа, но и трудовой практической деятельности.

Типология разных биопсихических и биогенных критериев людей осмыслена учеными уже достаточно полно. Возьмем для примера типологию известного швейцарского исследователя К.Юнга, которая предполагает деление людей на так называемых экстравертов и интровертов. Первый из обозначенных типов (экстраверты) выражает прежде всего направленность (экстернальность) человека на его адаптацию с внешним миром, на приспособление к уже существующему порядку вещей и отношений (включающее конформистскую установку); второй тип (интроверты) связан с углубленным самоанализом внутреннего мира (интернальностью) самого индивида и выработкой на этой основе отличных от экстернальности ценностных ориентиров и целей своей жизнедеятельности. Экстерналы осуществляют по преимуществу репродуктивный характер деятельности по отношению к внешнему и внутреннему миру, интерналы — твор-

ческий, конструктивный. В ходе экспериментов люди первого типа, по словам Юнга, «казалось, были лишены всякого воображения, полностью, исключительно опирались на свое чувственное восприятие. В их мире не существовало случайностей и возможностей, и в «сегодня» не было настоящего «завтра». Будущее было просто повторением прошлого»²¹. Экстраверт принимает взгляд большинства, интроверт отвергает его просто по тому, что он общепринятый²². В то же время «экстраверсия и интроверсия всего лишь две из особенностей поведения человека»; вовсе не обязательно, что интроверт всегда бывает умным, а экстраверт глупым; но важно, что эти типы «часто бывают достаточно очевидными и легко распознаются»²³. Один из продолжателей павловского учения о «сильном» и «слабом» типах нервной системы Б.М. Теплов отмечал, что слабую нервную систему как маловыносливую, но высокочувствительную, нельзя считать во всех случаях «худшей», а сильную нервную систему как выносливую, но мало чувствительную, «лучшей»; «для одних видов деятельности предпочтительнее одна из них, для других — другая»²⁴.

Но что дает это для анализа цивилизации и цивилизованности с позиций условий и факторов развития человека и общества? Не зависит ли тип цивилизации различных народов и этносов (антропологический, системноцентрический, конвергентный или дивергентный) от преобладающего в нем генотипа человеческой личности? Возьмем, к примеру, такую норму цивилизованности, как рост ответственности каждого человека за ошибки или провалы в своей работе. Согласно так называемой «фрустрационной теории», в обычных житейских ситуациях люди по-разному реагируют на жизненные трудности и неудачи: одни постоянно обвиняют самих себя (интрапунитивная реакция); другие приписывают ответственность внешним причинам (экстрапунитивная реакция); третьи придерживаются компромиссной позиции, не обвиняя ни себя, ни других (импунитивная реакция)²⁵. Отсюда и локус («местоположение») контроля ответственности: ответственность на себя — интернальный контроль; ответственность на других (виноваты обстоятельства, среда, судьба, случай) — экстернальный контроль.

Психологи пришли к выводу, что сквозь пестроту гипотез и экспериментальных факторов просматривается важная особенность: интерналы, в отличие от экстерналов, более последовательны в своем поведении, их поведение более постоянно, а изменение поведения (и ожиданий) происходит в типичном направлении с их склонностями²⁶; они более хозяева своего времени, течение социального времени представляется им более быстрым, чем экстерналам; выяснено, что чем больше субъект верит в свои способности управлять собственной жизнью, тем больше вероят-

ность, что он предпримет шаги, чтобы упорядочить и регулировать события во времени²⁷. Однако еще более значимый, как нам кажется, вывод следует видеть в том, что в целом ответственные люди, по-видимому, более адаптированы в современном мире, а «моменты интернальности и экстернальности присутствуют в каждой личности» — лишь с перевесом тех или других²⁸. Но так и в цивилизациях: с одной стороны, антропологи противопоставляют западную культуру восточной как «культуру вины» — «культуре стыда»²⁹, с другой — «чистых» региональных цивилизаций нет и не может быть; они взаимовозникают, взаимообогащают друг друга.

Различие особенностей индивидов определяется органическим взаимодействием их биопсихической природы и социально-групповых условий формирования и проявления. Индивидуальности разных людей есть проявление их натуры, но сама натура человека коррелируется (улучшается или ухудшается) многими социальными и культурными факторами, в первую очередь изменениями условий воспроизводства и развития жизнедеятельности людей; системы семейного, общественного, государственного, религиозного образования и воспитания, различных видов общения и практики, социально-групповой принадлежности индивидов. Все время обновляющаяся и прогрессирующая социокультурная среда жизнедеятельности людей своими достижениями создает все новые и новые возможности не только для омассовления, но и для индивидуализации этих людей. Это связано с повышением качества и количества богатства общества и самой личности, выбором средств и возможностей своего образования и самообразования, творческой самореализации. Социокультурное обогащение общества, повышение его цивилизованности несет в себе в конечном счете для всех представителей этого общества положительное значение: расширение и выравнивание возможностей выбора средств для своего саморазвития. Но этот выбор средств и особенно их реализация как условий жизнедеятельности и саморазвития у разных индивидов имеет разный результат. Так и должно быть. Это только еще раз доказывает мысль, что главной тенденцией свободного развития людей является необходимость *позитивной индивидуализации облика*, условий проявления и жизнедеятельности каждого индивида, которая и есть главная мера его цивилизованности. «Ясно в данном случае одно, — отмечает Г.Г. Дилигенский, — что современные сдвиги в отношениях между индивидом и социумом идут в направлении большей эластичности, многосторонности, меньшей жесткости и заданности социальных связей человека и создают, следовательно, больший простор проявлению индивидуальности. В этих сдвигах выражается качественно новый этап роста автономии индивида, исторического процесса *индивидуализации* человека...

способности вносить уникальный творческий вклад в жизнь общества, своего развития»³⁰.

Дела людей реализуют их способности, которые определяют и направляют трудовой и творческий потенциал каждого человека. Среди данных способностей следует выделить способности усвоения социального и культурного богатства общества в целом; выбора наиболее адекватных видов трудовой профессиональной деятельности и возможностей самореализации; понимания своего призвания и смысла жизни, своей индивидуальности; волевой устремленности на реализацию своих индивидуальных и общественных целей; умения «завоевывать» людей во имя осуществления своих интересов и т.д. Все эти показатели социокультурного потенциала индивидов складываются в масштаб их индивидуальной и общественной значимости и производительности, способностей созидательной гуманистической благотворности, преумножения индивидуального и общественного богатства.

Немаловажное место в определении разной меры цивилизованности людей имеют также состав и качество их жизненных условий, степень их комфортности. Речь может идти о весьма определенных возможностях благотворности данных условий, если к ним применять установленные учеными, медиками, биологами стандарты потребления, например, пищи, ее калорийности, или так называемую среднестатистическую «корзину потребления» на душу населения. Немаловажной мерой цивилизованности является сочетание стремлений людей к устройству своей материальной жизни, быта со стремлениями к реализации духовных запросов культуры. Культурные формы быта, комфортность существенно влияют на настроение людей, характер семейных отношений и т.д. Материальные и духовные достижения цивилизации выражаются напрямую в состоянии социокультурного облика людей, уровне развития их цивилизованности. Поэтому создаваемые цивилизацией комфортные условия быта, представляемые обществом в той или иной степени людям, определяют уровень и различия их цивилизованности. Ясно, что проживание в пещере — нецивилизованно, а в квартире, уютно обставленной красивой мебелью и со всеми удобствами, — цивилизованно. Решение бытовых проблем во многом определяет резервы для индивидуального саморазвития людей.

Обновление и расширение общественного «ассортимента» социокультурных условий общества активно воздействует на формирование индивидуальностей разных людей через систему образования и воспитания. Не касаясь тонкостей и значений школьного образования для формирования личности индивида, однако подчеркнем, что уже в детском и юношеском возрасте у человека может проявляться (а может и не проявлять-

ся) самостоятельность в понимании и суждении, что выступает первым признаком будущей культуры и цивилизованности данного субъекта. Эта самостоятельность — необходимая предпосылка накопления человеком собственного ума, мыслительных способностей, эрудиции, социокультурного опыта, выбора и исполнения многообразных социальных ролей профессионального, семейного, группового и общественного плана. И.С.Кон, уделяющий много внимания разработке концепции социальной роли, определяет ее как то, что «ождается в данном обществе от всякого человека, занимающего определенное место в социальной системе»³¹. Социальные роли есть нормативные функции, виды деятельности и поведения людей, признанные обществом и несущие в себе ожидаемые результаты своей реализации. Степень сознательности и самостоятельности в выборе и исполнении этих ролей определяет различие меры индивидуальности и цивилизованности разных людей, их гуманистической благотворной созидательности.

Процесс индивидуализации человека предполагает не только максимально полное включение его в ту или иную выполняемую социальную роль, а и успешную ее реализацию. Индивидуально одаренный человек всегда стремится выйти за рамки этой роли, внести в ее исполнение свое индивидуально-личностное видение и тем самым полнее самореализовать себя. «Самореализующиеся индивиды характеризуются способностью к адекватному восприятию реальности, — отмечается в «Энциклопедии мировых проблем и человеческом потенциале», — спонтанности реагирования, отказу от сосредоточенности на себе; независимостью по отношению к культуре и природной среде, наличием социального чувства, заинтересованностью, доброжелательностью (но изобретательной) в социальных отношениях, терпимостью и уважительным отношением к другим, этической честностью, уверенностью в себе, доброжелательным юмором и креативностью. Реализуется потенциал человека в защите таких ценностей, как правдивость и порядочность, естественность поведения, доброта, искренность, красота, оптимизм, справедливость, организованность, дисциплинированность в постоянном самоусовершенствовании, в результативности, продуктивности деятельности»³².

Продуктивность главным образом профессиональной деятельности, конструктивное творчество, активная социализация и индивидуализация человека, его становление и проявление как неповторимой личности с присущими ей обозначенными формами чувств, представлений и взаимоотношений с другими людьми, обществом, его институтами есть неразрывные процессы и явления. Можно сказать, что личности тем больше, чем выше ее творческий потенциал. Трактовка понятий индивиду-

альности и личности раскрывает творческую суть этих категорий. В литературе под понятием личности имеются в виду главным образом положительные характеристики человека, но личностью может быть и злодей, и тиран, и преступник. Э.Фромм дает такое определение: «Под личностью я понимаю целостность врожденных и приобретенных психических свойств, характеризующих индивида и делающих его уникальным»³³. И.Кант оценивал личность как человека, способного быть «господином себе самому»³⁴. П.Тейярд де Шарден считал, что «вершина нас самих, венец нашей оригинальности — не наша индивидуальность, а наша личность, а эту последнюю мы можем найти... лишь объединяясь между собой»³⁵. В марксистской философии личность трактуется через диалектику категорий общего (человек), особенного (личность), и единичного (индивид).

Все приведенные определения личности, выражающие ее положительную отличительность и уникальность, самостоятельность, признание другими людьми, выявляют ее существенные черты и особенности. Следует признать, что личность проявляется прежде всего в своих делах, словах, формах поведения, но главное — во вкладе в общее богатство общества и своего собственного воспроизводства и развития. Формирование человека в личность связано с качественным изменением его вклада в развитие не только и не столько себя, сколько всего общества. Одно из высших человеческих требований, соответствующих норме цивилизованности, — это не только получать, а и творить, отдавать. *Созидательный вклад материального или духовного плана определяет значимость индивида как личности*, а следовательно, и меру ее индивидуализированного цивилизационного творчества.

Этот вклад может быть разного уровня и характера, но именно он становится планкой отсчета уровня развития личности, ее масштабной потенциальности, личностных требований, которые характерны всем людям, но преломляются только своим индивидуальным характером и проявлением. Не став личностью, человек остается в основном потребителем, сохраняя, конечно, при этом человеческие качества. Но это человек — «иждивенец» общества, созидания, творчества, вклада других людей, а не собственного самостоятельного жизнетворчества; поэтому трудно квалифицировать такого человека цивилизованным.

Личностью не рождаются, а становятся. Понятия личности и индивидуальности взаимосвязаны, но неидентичны, между ними есть сходство и существенное различие. Личность как индивидуальность обычно обозначается разными эпитетами, в том числе такими, как яркая, творческая. Если, однако, при оценке личности превалируют социальные и профес-

сионально-функциональные характеристики, то в индивидуальности на первый план выходит личностная неповторимость характера и поведения каждого индивида в отдельности; в индивидуальности больше ценится самобытность, в личности — относительная автономность³⁶. «Человек есть индивидуальность в силу наличия у него особенных, единичных, неповторимых свойств», — писал С.Л.Рубинштейн³⁷.

Путь, средства, формы, особенности становления индивида как неповторимой личности концентрируются в своем конечном продукте в индивидуальном потенциале этой личности, в ее неповторимых творческих способностях. Только благодаря неустанной деятельности индивидов, «девиантного множества» человеческого «строительного материала» растут богатство, а вместе с ним и негативные явления современной цивилизации. Богатство — это ее научно-технические открытия и изобретения, специализация, профессионализм работников, городская и промышленная культура, менеджмент и т.д.; негативные явления — безудержная погоня за прибылью, коррупция, преступность, жадность, насилие, экологический кризис и т.п. В этих условиях цивилизованность, говоря спортивным языком, можно представить как «чистильщика» на поле цивилизации, охраняющего и умножающего ее богатства, выметающего ее «мусор». К сожалению, цивилизация обгоняет цивилизованность и несет с собой процессы не только возвышения и раскрытия индивидуальной самобытности людей, но и принижения их личностной значимости, односторонней и несвободной самореализации.

Итак, каждый человек как индивид сознательно или бессознательно участвует в цивилизационном процессе. Однако мера этого участия бывает разная. Это различие определяется мерой способностей людей, их стремлений к индивидуализации, личностному росту и деятельному созидательному — творчеству. Чем ярче у человека проявляются наклонности к позитивному творчеству, несущему развитие как самому индивиду, так и обществу, тем ярче и значительней индивидуальность личности, выше мера ее цивилизованности. Не случайно даже в Священном писании говорится о воздаянии «каждому по делам его». Именно тогда, когда дело доходит до реальных поступков, обнаруживается, как трудно быть личностью, свободным, честным, принципиальным человеком. Творчество — это свобода индивидуального самобытного проявления, но свобода без ответственности перед другими людьми, обществом, самим собой есть произвол, несущий в себе не столько цивилизованность, сколько антицивилизованность.

МЕРА ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ ОБЩЕСТВА, ЕГО СФЕР ЖИЗНИ И РАЗВИТИЯ

Общество — это система условий объединения и жизнедеятельности людей. Оно есть надличностное образование, реализуемое в особых сферах своего функционирования и развития. Государство, система органов публичной власти определяют форму организации общества. От того, каков характер этой организации, режим власти, управления общественными отношениями людей, такова и мера свободы общества, его членов. Исторически сложились и стали достоянием нашего времени в основном две формы государственной организации общества — это демократическая и тоталитарно-авторитарная. Первая предполагает свободу выбора возможностей и средств самореализации каждого человека, условия утверждения свободы общества от произвола государства, усиления социальных функций государственной системы, повышения роли ее в служении общественному процветанию и стабильному развитию.

Тоталитарно-авторитарный режим управления выражает узурпацию власти государством, насаждение деспотических методов принуждения общества, граждан к реализации в первую очередь особых государственных интересов обеспечения общественными благами верхушки общества, властвующей элиты.

Исходя из названных форм организации, режимов управления обществом, исследователи ввели такие обозначения этих форм и режимов, как «открытое общество» и «закрытое». Демократическое, или «открытое», общество, по словам К.Поппера, зарождается в Западной Европе, в Древней Греции. «... Греки, — отмечает он, — начали величайшую революцию, которая, по-видимому, все еще находится в своей начальной стадии, а именно: в стадии перехода от закрытого общества к открытому»³⁸. Тип «закрытого» общества реализуется во многих государствах Востока.

Форма государственной организации общества выражает меру своей цивилизованности в том, что предполагает действие принципа больше или меньше свободы предоставляется гражданам для их самореализации и развития. Эта мера цивилизованности общества вполне уместна при анализе общественно-исторического прогресса человечества в целом, то есть независимо от того, о каких разновидностях способов общественной самореализации идет речь — приспособительских или активно преобразующих природу, «домашинных» или «машинных», малых или крупных социокультурных образованиях, имеющих сложную многоуровневую и многофакторную системную организацию.

Общество есть не только государственное объединение людей, проживающих на определенной территории и организуемых посредством опре-

деленного устройства власти. Оно есть также жизненно-практическое пространство, способ создания и развития системы условий жизни и развития людей. С этих позиций понимания общества мерой его цивилизованности выступает способ материального и духовного воспроизводства и развития общественных условий жизнедеятельности людей. Основными элементами этого способа являются производительные силы и производственно-экономические (общественные) отношения, определяющие потенциал развития жизненно-практических, социальных, экономических, правовых, политических и духовных условий жизнедеятельности общества в целом. Эта мера цивилизованности общества конкретизирует не только уровень его развития, но и эпохальные стадийные сдвиги в этом уровне, его количественные и качественные изменения. Стадийные изменения способов воспроизводства и развития общества исторически и теоретически обозначают переходы от традиционной (аграрной) формы цивилизованности к индустриальной и от нее к постиндустриальной.

Цивилизованность общества может рассматриваться также в аспекте его структурных образований, особенно анализа и измерения ее на уровне сфер функционирования и развития этого общества. Многообразные общественные сферы жизнедеятельности людей служат удовлетворению разных потребностей как самих этих людей, так и общества в целом. Особенности и различия этих сфер обуславливаются реализацией в их рамках определенных условий жизни людей, а также определенными средствами и формами их самореализации и развития. Мера цивилизованности общества во многом зависит от меры цивилизованности этих сфер.

Мера цивилизованности сфер жизни и развития общества имеет двойственный характер: с одной стороны, она призвана отражать идеальные требования нормативного предела благотворной созидательности той или иной сферы, а с другой — конкретный уровень продуктивности данной сферы, вклада ее в саморазвитие и развитие общества в данный период времени.

Каковы же эти сферы? Прежде всего, это: 1) жизненно-практическая или социально-бытовая, делящаяся на городской и сельский тип поселенческой жизни людей; 2) производственно-техническая; 3) экономическая; 4) политико-управленческая; 5) духовно-культурная.

Жизненно-практическая сфера общественного бытия людей интегрирует в себе элементы всех названных сфер общества. В ней сходятся индивидуальные и общественные формы жизненной практики людей, их социального воспроизводства и развития. Цивилизованность этой сферы наиболее показательно выражается в состоянии образа жизни и социальной инфраструктуры общества. Образ жизни — это исторически конк-

ретный способ реализации жизненных условий семейно-бытовой и общественной жизнедеятельности людей. Он объединяет материальные и духовные условия этой жизнедеятельности, выражает ценностное отношение людей к труду, к существующему социально-политическому строю, к правопорядку и нормам морали, нравственности, традициям национальной культуры и т.д. Уровень развития и особенно характер образа жизни определяют меру цивилизованности социально-бытовой сферы общества, количественные и качественные показатели благосостояния индивидов. Образ жизни не бывает одинаковым у всех представителей общества, но он может быть типичным по характеру для большинства данного общества. Типичность характера образа жизни определяется господствующей системой ценностей и ценностных установок данного общества, среди которых главное место занимают отношение к трудовой деятельности, культуре и интересам общества в целом. По этим параметрам наиболее цивилизованным представляется преимущественно трудовой образ жизни, базирующийся на разумных формах сочетания частных и общественных интересов, мирного сотрудничества и договорного партнерства индивидов. Трудовой образ жизни предопределяет гуманистический или цивилизованный характер всех остальных сфер жизни общества. «Цивилизованное общество, — по мнению Р.Дж. Коллингвуда, — это то, в котором каждый его член зарабатывает на жизнь, не паразитируя на обеднении других... Это общество, в котором судьей в человеческих делах как между отдельными людьми, так и между группами является не насилие, но согласие. Это условие подразумевает два других. В его юридических и политических аспектах мир означает закон и порядок: замену насилия «упорядоченным» поведением согласно правилам, принятым всеми заинтересованными лицами. В экономическом аспекте мир означает процветание»³⁹.

Образ жизни непосредственно связан с социальными формами обеспечения людей такими жизненными условиями, как работа, жилье, медицинская помощь, образование, культурные услуги, обеспечение по старости и инвалидности и т.д. Степень предоставления данных благ обществом определяет уровень благополучия людей. Затраты на предоставление данных благ именуются расходами на социальные нужды, на содержание реализующей их социальной инфраструктуры общества. Возможности более полного социального обеспечения всех представителей общества, независимо от их общественного положения, услугами инфраструктуры составляет меру ее цивилизованности. С другой стороны, цивилизованность образа жизни определяется не только уровнем развития инфраструктуры общества и мерой предоставления ею общественных благ.

Большое значение в образе жизни играет свобода выбора данных благ и средств реализации этой свободы. Данная свобода является цивилизованной, если она способствует созданию особого образа жизни индивидов, который не противоречит кардинально коренному образу жизни общества, иначе эта свобода оборачивается для других людей несвободой, снижает общий уровень цивилизованности общества в целом, как это происходит сейчас у нас.

Образ жизни существенно различается в условиях городского и сельского типа поселения. Городской образ жизни составляет основу и способ развития цивилизации и цивилизованности людей. Содержание и сложность городской жизни, размеры городов и удельная плотность и численность проживающих в них людей, участие городов в обмене деятельностью и ценностями между собой, их влияние на деревню служат объективным мерилom социального развития общества. Города выступают социально-историческим стержнем всего процесса разделения труда, генератором самых разных видов общения, и главное, развития сферы услуг, социальной инфраструктуры, направленной на удовлетворение многообразных потребностей человека в жилье, питании, здравоохранении, культуре, образовании, досуге и т.п. Город преобразует деревню, является тем синтезирующим ядром, где возникают и апробируются многообразные социальные институты и ценности, интенсифицируются и цивилизируются инфраструктурные формы упорядочения и построения всей общественной жизни людей. Через города общество самоорганизуется и самосовершенствуется как социальная форма многостороннего удовлетворения потребностей людей, образа жизни и поведения все возрастающей массы народонаселения, обеспечения общественными ценностями каждого человека, гражданина, общества. Город как мера цивилизованности общества должен иметь, однако, научно обоснованные количественные и качественные параметры своего нормального функционирования во благо, а не во вред людям, которые в немалой степени несут с собой, например, огромные современные мегаполисы.

Город — это концентрация и развитие промышленности, экономики, институционально-культурных форм регулирования жизни и поведения людей, социокультурного процветания общества. Все сферы функционирования и развития общества, за исключением сельскохозяйственной, возникают и развиваются в городах. Не случайно понятие цивилизации в переводе с латинского обозначает наряду с такими явлениями, как государство, граждане, также город. Знаменитый датский исследователь Х.Томсон, а затем Л.Морган, автор «Древнего общества», связывали появление цивилизации с поэтапным становлением общества (век камня,

бронзы, железа) и образованием городов, развитием в них ремесел, разделения труда, монументального строительства, административного управления, государственной политики, религии, письменности, приводившим в конечном счете к повышению продуктивности хозяйства.

В условиях урбанизации общества начинают складываться свои особые сферы жизни и развития общества, ориентирующиеся на свои формы деятельности и средства реализации, а следовательно, и меры цивилизованности.

Исходной и первоначальной выступает сфера промышленного производства. Главная мера его цивилизованности связана с постоянным повышением производительности общественно полезного труда и потенциала научно-технического оснащения. Орудия труда, трудовые операции или технология и производительные способности человека — основы материального производства. Уровень развития орудий труда или техники, технологии, трудовой деятельности работника определяли и определяют степень производительности общественно полезного труда. Исторические эпохи, стадии цивилизационного развития человечества отличаются прежде всего тем, *какими* орудиями труда, *как* технологически и *что* производит человек, взаимодействуя с природой и другими людьми. Сдвиги в развитии материального производства вели к увеличению производительности труда в том смысле, что способствовали повышению его технической и социально-экономической эффективности, росту количества и качества создаваемых потребительских стоимостей в единицу времени.

Повышение производительности общественно полезного труда является мерой цивилизованности общественного производства потому, что способствует, во-первых, снижению затрат живого и овеществленного (прошлого) труда, реализуемых в создаваемом продукте, во-вторых, повышению количества и качества этого продукта, в-третьих, высвобождению работника, увеличению его внерабочего, свободного времени. Уровень и темпы роста производительности общественно полезного труда определяются степенью развития технико-технологических и субъективных или человеческих компонентов производительных сил. «Производительная сила труда, — отмечал К.Маркс, — определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями»⁴⁰.

Названные компоненты и меры развития (цивилизованности) производительных сил определяют содержание и характер труда, выражаются не

только в трудовых функциях человека (ручная технология, машинная технология, самоуправляемая машинная технология), но и в особенностях его социализации, условиях изменения его кругозора, навыков, опыта, знаний, жизненных ориентиров и установок, социальных позиций и многого другого, превращающего человека в общественного индивида. Различие научно-технической оснащенности трудовых способов воспроизводства и развития материальной жизнедеятельности людей выступает основой различия меры цивилизованности как самих людей, так и общества в целом.

Материальное производство — это создание общественных материальных благ и сфера экономических отношений по поводу производства, обмена и присвоения этих благ. Экономика имеет свою меру цивилизованности, коренящуюся в материальном производстве, но выражающую специфические особенности экономических форм реализации производимых продуктов — это себестоимость и прибыль. Себестоимость обозначает денежное выражение издержек и расходов на производство и реализацию товарной продукции. Динамика себестоимости продукции включает как стоимостные издержки на ее производство и реализацию, так и изменения цен на нее и ставок оплаты труда. Снижение себестоимости непосредственно ведет к повышению рентабельности производства или экономии всех компонентов живого и прошлого труда, эффективности использования основных фондов и трудовых ресурсов, а в конечном счете к росту производительности труда, прибыли. Конечно, очень важно при этом решение вопроса о том, кто получает эту прибыль, но это особый вопрос, здесь же речь идет об общих принципах реализации эффективности экономики, измерения ее степени цивилизованности.

Прибыль есть сумма денежных средств, получаемых в результате превышения дохода над расходами, экономии затрат на производство, повышения производительности труда. Прибыль выступает источником развития материального производства и наращивания капитала, который и предопределяет возможности расширенного воспроизводства и развития всей экономики, независимо от того, в чьих руках он сосредотачивается. Решающим фактором более эффективного включения капитала в названный процесс саморазвития материального производства является, как показывает практика, не столько то, кто выступает владельцем этого капитала, сколько степень хозяйского распоряжения им. Хозяйское распоряжение капиталом, то же самое прибавочной стоимостью, прибылью, может осуществляться как в условиях частного, так и коллективного владения ими, и, наоборот, никакая форма владения не спасает от бесхозяйственности. Понятие «хозяин» обозначает умение рационально органи-

зовать и использовать условия производства, самому участвовать в процессе понижения себестоимости продукции и росте прибыли. Не исключается вариант квалифицированного управления производством, но известно, что хозяйский инстинкт сильнее стимулирует управленческие функции, чем просто должностная обязанность.

Система форм управления производством и делами (инфраструктурой) общества имеет свои особые меры цивилизованности. Эти меры в одинаковой степени относятся к формам как производственно-экономического, так и социально-политического управления. В качестве мер цивилизованности этой сферы выступают рациональность и правовая демократия.

Рациональность предполагает принятие и реализацию управленческих решений наиболее разумной и целесообразной для данной ситуации организации производственно-экономических и общественных дел, их улучшения, удешевления, повышения производительности и благотворности. Рациональность требует реализации в управленческой деятельности принципов расчета, реализма и предвидения, а также тех функций, которые связаны с конечной целью управления — реализацией товарной продукции на рынке и получения максимальной прибыли.

Учет товарных качеств производимых продуктов составляет важную задачу управленческой деятельности. Реализация этой задачи предполагает получение и увеличение прибыли. Товарная эффективность производимой и реализуемой на рынке продукции есть мера цивилизованности управленческой деятельности руководства фирм, монополий и корпораций. Конечно, нужно учитывать, что товарность не всегда отражает благотворность реализуемой через рынок продукции, поскольку рынок предполагает взаимоотношения купли-продажи, конкуренции, обмана, шантажа, прямого насилия и т.д. Но, с другой стороны, данная мера цивилизованности управленческой деятельности не является второстепенной, ибо товарность продукции так или иначе оценивается потребителем, и его оценка определяет адекватность качества товаров потребностям людей, а также их общественное признание, что и выступает объективным показателем степени цивилизованности товарного знака.

Рынок есть форма регуляции отношений людей, взаимодействия сфер производства, управления и экономической реализации товаров. Рыночный спрос важен для управления как демократическая ненасильственная форма результатов управленческой деятельности. Но и управление как способ опережающего предложения продуктов для рынка также демонстрирует своими принципами деятельности меру цивилизованности.

Демократия как мера цивилизованности управленческой деятельности предполагает соучастие граждан в решении производственно-техниче-

ских, экономических и социально-политических проблем, связанных прежде всего с улучшением благосостояния всего народа, а затем и повышением количества и качества продукции, эффективности экономики и самой управленческой системы. Основными мерами демократизации управления, оценки и повышения его цивилизованности выступают такие системные черты, как:

- «— свободный выбор управляемыми своих правителей;
- подотчетность правительственных институтов представительского характера;
- периодическая сменяемость политической власти с помощью регулярных общепринятых процедур;
- подчиненность лиц, занимающих государственные посты, правлению законов»⁴¹.

Данные черты политического устройства государственных управленческих и законодательных органов призваны демократизировать взаимоотношения лиц, облачаемых властью, как внутри всей управленческой системы, так и между ней и остальными членами общества.

Выход в социальную сферу, к народу в рамках демократии тоже имеет свои специфические формы. Ими выступают такие фундаментальные ценности, как свобода (слова, собраний, деятельности и т.д.), равенство и справедливость. История показывает, что демократический процесс, не подкрепленный названными социальными ценностями, довольно быстро оказывается дискредитированным или выхолощенным, даже в случае сохранения и реализации демократических процедур участия широких масс в выборных кампаниях и решении некоторых второстепенных вопросов политической практики.

Кроме этого, демократия требует того, чтобы она стала достоянием всего общества, каждого человека. Еще А. де Токвиль подчеркивал, что демократию делают возможной культура, общество и ценности⁴². Процедуры и ценности демократии должны стать *социокультурными* регуляторами сознания, убеждений, веры, отношений и действий каждого индивида. Это *важнейшие* меры преодоления ограничений цивилизованности людей, общества, цивилизации.

Демократия призвана реализоваться как система правовых норм участия людей в управленческой деятельности. Нормативность демократии связана с требованиями прав и свобод, обязанностей личности. Правовое законодательство, Конституция предполагает гарантии соблюдения прав и свобод, ответственности людей во всех формах их жизнедеятельности начиная от обыденно-практической и кончая политико-управленческой. Право является мерой цивилизованности людей, общества, поскольку

несет в себе разрешительно-запретительные границы поведения, действия индивидов в определенных жизненных ситуациях. Право как норма поведения «не разрешает» абсолютную свободу, произвол и насилие над волей и жизнью людей и, с другой стороны, требует сообразования их желаний с правилами общежития, интересами коллективов, общества. Право есть основная демократическая норма формирования системы органов государственного управления, реализации политики государства, которая должна учитывать в первую очередь требования народа, общества, прав и свобод личности. Право есть также норма взаимоотношений государства и общества, ограничения произвола, с одной стороны, самого государства как органа публичной власти, а с другой, отдельных граждан или их объединений, чему должны служить правоохранительные государственные органы. Правовое государство и гражданское общество призваны взаимодействовать и взаиморазвиваться как единое целое на основе совершенствования и укрепления правовой демократии.

Классическая традиция в учении о правовом государстве, идущая от Локка, Монтескье, Руссо и других западноевропейских просветителей, в наибольшей степени опирается, как известно, на кантовскую философию права. Именно она, по словам крупного знатока этой эпохи Ю.С.Соловьева, проложила «путь к пониманию права как такой нормативной системы, основная функция которой состоит в защите личной автономии (то есть совести, а затем — целеполагания и деловой инициативы каждого верующего). Право тем самым заявляет о себе как необходимый коррелят нравственности, как такая форма морального сознания, где на первом плане стоит не сострадательный альтруизм, то и дело вывертывающийся в общинную подозрительность и общинное инквизиторство, а заведомое доверие и упреждающее уважение к личному достоинству каждого. Запрет на патерналистское унижение совершеннолетнего члена общества оказывается в одном ряду с такими вечными запретами, как не лги и не убивай. Юрисдикция доверия делается смысловым ядром нового правопонимания и вокруг нее организуются завоевания предшествующей (традиционной) юридической культуры; идеи постоянства, законности, третьей справедливости власти; идеи компромисса, соглашения, эквивалентности вознаграждений и наказаний и т.д.»⁴³.

Кант, рядом с категорическим нравственным императивом, по выражению Ю.С.Соловьева, поставил «категорический императив права, а именно: равенство в свободе по всеобщему закону». У Канта суверенности или индивидуальной автономии личности (ее свободному самоопределению) соответствует «правовое государство», граждане которого суть ответственные и независимые от чьего бы то ни было произвола лично-

сти как субъекты права и гражданского общества. Напротив, несuverенности, или гетерономии (подчинению внешне диктуемым, навязываемым человеку нормам действия), отсутствию гражданского общества соответствует «патерналистское государство», подданные которого «несовершеннолетние», «неразумные дети», нуждающиеся в его «отеческой» заботе, опеке, «поводыре», «вожде» и т.д. Образно говоря, в правовом государстве каждый человек — кузнец своего счастья, а в патерналистском — он материал, из которого власть сама выковывает (по утопическому образцу) «модель нового человека». В таком обществе силой насаждаются ценности «вождистской демократии», весь правопорядок и вся законность замыкаются на идеологических химерах и харизматических лидерах.

Правовое государство шире рамок правовой идеи, оно призвано соединять последнюю с идеями справедливости, равенства служению общественному долгу. Европейская наука под правовым государством понимает в первую очередь не «верховенство права», которое в массовом сознании превращается в «соблюдение законности», а приближение демократии к некоему постоянно изменяющемуся гуманистическому идеалу общественного устройства. Подобное же мнение было высказано в свое время великим русским юристом С.А.Котляревским, который считал, что «правовое государство — это преддверие, так сказать, общезжития, гармонирующего с духовными запросами человека... Государство глубокими корнями связано со стихией насилия и эгоизма: лишь в известных пределах может в нем воплотиться верховенство права, в меньших — справедливости высшей, расширенной до милосердия...»⁴⁴. Демократия требует контроля над управленческой деятельностью государственных органов через ее правовые формы и посредством формирования общественного мнения, проведения референдумов, плебисцитов, разного рода опросов граждан и т.д., а также предполагает разделение исполнительной и законодательной ветвей власти.

Наряду с правом демократия включает в себя в качестве регуляторов поведения и действий людей такие институты культуры, как мораль, нравственность. Невозможно мысли и действия людей ввести в рамки правовых норм, постоянно регулировать их в рамках данных норм. Террор закона, правовых норм есть демонстрация антидемократии и антикультуры. Культура составляет основу и меру цивилизованности духовной жизни людей, их правосознания, и вместе с тем она является важнейшим самостоятельным регулятором жизни и поведения людей, образует целую сферу функционирования и развития общества.

Мерами гуманистической благотворности культуры выступают мораль, нравственность, искусство, предполагающие такие вечные регулятивные

ценности человеческой жизни, как Добро, Истина, Справедливость, Красота и т.д. Культура есть прежде всего мера личностного развития каждого индивида, хотя сферу ее образуют многообразные формы общественного сознания: наука, этика, эстетика, система образования и т.д.

Как внутрличностный регулятор культура выступает способом реализации и развития человеческого в человеке, его разума, совести, творческих способностей, социального опыта, призванных быть контролерами над инстинктивными, стихийными импульсами и побуждениями нецивилизованных проявлений людей. Морально-этические и нравственные нормы обуздания инстинктивно-подсознательных импульсов жизни и поведения человека выражают общечеловеческую сущность и роль культуры. Названные нормы — основы духовного и социального опыта людей — формируются не сами по себе, а во взаимодействии с формами мышления, переживаний, знаний, чувств, многообразных психологических и социальных ситуаций. Культурная координация жизни, поведения, мыслей людей являет собой сложный процесс, в котором призваны участвовать все формы индивидуального и общественного сознания, отрасли науки, особенно гуманитарного профиля: философия, этика, эстетика, история, психология и др.

Идеалы гуманистической благотворности, выражаемые в представлениях и ценностях гуманитарных наук, составляют содержание мировоззрения человека, людей, поэтому качество этих наук, степень направленности их на выработку и развитие знаний о человеке, его общественной жизни является важным критерием оценки их цивилизационного значения.

Следует учитывать роль культуры не только как общечеловеческой, но и как конкретно-исторической этнонациональной меры цивилизованности людей. Исторические традиции, архетипы поведения, сложившийся национальный менталитет составляют особую культуру отдельного народа или отдельной нации. Духовная жизнь каждого народа обогащает общечеловеческие нормы и требования жизни, поведения и культуры людей. Национальные традиции расцветивают культуру этносов ценностями самобытного уклада жизни, ремесел, народного искусства, религии, форм быта, одежды, торжеств и др., сохранение и развитие которых составляет также меру цивилизованности духовной жизни определенно-го народа, общества. Национальная культура «помнит» и передает по наследству из поколения в поколение свои идеальные образы и традиции, делает их первоначальным «механизмом» стабилизации общества, настроений людей, определяет перспективы развития народа.

Итак, еще раз напомним, что как общество в целом, так и его отдельные сферы жизни и развития имеют свои особые меры цивилизованно-

сти. У общества — это степень социальной свободы, реализуемой определенным устройством государства, уровень развития, а также характер способа производства, образа жизни, системы социального обеспечения людей. В сфере материального производства — это производительность общественно полезного труда и научно-технический потенциал; в экономике — себестоимость и прибыль; в социально-бытовой сфере — благополучие и сотрудничество; в политике — рациональность и правовая демократия; в культуре — мораль, нравственность, искусство. Все это меры и ориентиры воспроизводства и развития условий жизнедеятельности людей, общества, цивилизации. Несоблюдение их ведет не просто к понижению уровня цивилизованности общества, а к его дестабилизации и разрушению.

ГЛАВА III

ПРИЗНАКИ

СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

С понятием современной цивилизованности в настоящее время необходимо связывать самые прогрессивные и гуманистически благотворные ценности постиндустриальной цивилизации. К данным ценностям относятся прежде всего такие, как интеллектуально емкий характер труда работника, основанный на применении новейших технологий компьютерно-информационного производства; социально ориентированные формы управления экономикой и обществом; высокий уровень благосостояния населения, защиты его со стороны государства «всеобщего благоденствия»; деидеологизация общественного сознания и культуры; обновление потенциалов и контуров региональных цивилизаций.

Обозначенные ценностные признаки современной цивилизованности, выражающие особенности основных сфер постиндустриального общества, качественно отличаются от признаков цивилизованности аграрного (традиционного) и индустриального типа цивилизации, которые еще существуют и функционируют в большинстве стран мира. Однако нельзя упускать из виду, что признаки современной цивилизованности, хотя и обозначают передовые достижения постиндустриализма, все же не лишены недостатков, насаивающихся противоречий, которые необходимо изучать и учитывать для получения объективной картины возможных путей и средств их преодоления.

Получение такой картины важно для практики и теории социального познания и управления цивилизационными процессами современности, определения меры цивилизованности разных стран и народов, развития ее, в том числе у представителей нашего общества.

КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ И ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ТРУДА И ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

В 60–70 гг. XX века начался новый виток научно-технической революции, связанный с созданием новейшей трудо-и ресурсосберегающей тех-

ники и технологии, с резким сокращением и модернизацией экономически невыгодных энерго-и материалоемких отраслей промышленности, объемов тяжелого неквалифицированного и малоквалифицированного труда, с новаторством в области использования новых технологий, лазерной и космической техники, электроники и телеавтоматики, контрольно-информационного обеспечения всех видов труда, общественного производства и повседневной жизнедеятельности людей.

Все названные научно-технические инновации в сфере материального и духовного производства способствуют коренному изменению характера и содержания труда работника, роли его в самом производстве и обществе. «Революция роботов» существенно продвигает все общество по пути преодоления классического триединства трудового процесса; труд отделяется от производства по месту, времени и действию, направленному на достижение результата или цели действия; сокращаются физически тяжелые и рутинные виды труда; формируются предприятия с безлюдной технологией, обслуживаемой минимумом рабочего персонала.

Научно-техническому прогрессу и связанному с ним новому типу управления принадлежит решающая роль в модернизации общественного производства, а следовательно, и в его структурной перестройке. Ранее лидировавшие отрасли — сталелитейная, металлообрабатывающая, угольная промышленность по трудоемкости начинают отодвигаться на второй план. Трудовые действия работников модернизируемых (традиционных) и новых отраслей производства, связанные с наладкой, настройкой, ремонтом оборудования, предполагает выполнение управленческих, контролирующих, расчетных и им подобных функций, требующих инженерных знаний.

Изменяется масштаб технического перевооружения, рационализации труда и производства. Она затрагивает сейчас не отдельные операции или серии операций, а целые предприятия, весь процесс производства, управляемый вычислительно-информационной техникой. Расширяется диапазон прежде всего так называемых сквозных профессий, например, ремонтников, занятых доводкой и испытанием новейшей микроэлектронной аппаратуры. По данным Национального института статистических и экономических исследований во Франции, численность этой группы работников возросла к 1990 г. за десять лет на 68,8 %; развитие микроэлектроники обеспечило рост занятости для операторов и наладчиков интегральных схем на 147,6 %; для проектировщиков и специалистов по системному анализу и электронным средствам связи на 107,8%¹.

Критерий цивилизационного развития — сокращение рабочего и рост свободного времени, а в ряде позиций, касающихся творчества, стирание

жестких традиционных границ между рабочим и свободным временем на основе их всеобщей информационной наполненности — поддержание как «качества труда», рабочей силы, так и «сценария помыслов» человека не только в трудовой, но и в остальной, «главной» жизни, то есть «за» или «над» производством. Это также сближает труд высококвалифицированных групп рабочих с трудом инженеров, техников и технологов, приводит к размыванию социальных граней между этими категориями работников.

Интегрирующим достижением «компьютерно-коммуникативной революции» в индивидуально-личностном и общественном развитии выступает коренное изменение основных ценностных ориентиров в стиле, образе жизни людей, в способах достижения личного успеха и росте профессионализма, специализации и т. д. Если в условиях индустриальной цивилизованности главной ценностью и мерой выступают овеществленные формы реализации способностей человека по получению прибыли, то главной ценностью и мерой постиндустриальной цивилизованности становится научное знание, информация. Критерии постиндустриальной цивилизованности — человекомерность и благотворность — сдвигаются с реализации человеческих сил и способностей в материально-товарно-денежных формах на реализацию этих сил и способностей в интеллектуально-информационных формах знания, а также в качестве производимых общественных благ и — шире — в качестве жизни. В этом и только в этом смысле можно, думается, согласиться с тем, что постиндустриальная цивилизация становится «антропогенной» цивилизацией.

Постиндустриальное, компьютеризированное общественное производство является инновационным способом экономики, условия которой предполагают свободную личность и свободное саморазвитие этой личности. Человек здесь уже не зависит в такой мере от природопользования, машинного производства, как раньше. Средства реализации его способностей и результаты его труда в значительно меньшей степени, чем раньше, господствуют над ним. Компьютеризация и информатизация освобождают человека от функций «винтика» машинного производства. «Для экономики свободного человека, прежде всего, *нужен сам свободный человек*, который самостоятельно, активно и ответственно действует, мобилизуя необходимые ресурсы, правильно оценивая смысл и последствия своих действий, максимизируя их подлинный эффект, то есть *созидает новое производство и общество*»².

«Компьютерно-коммуникационная революция» породила так называемое «электронное надомничество» как совершенно новое следствие качественного изменения характера производительных сил, основанного на

растущей гибкости техники и свободной связи между производственным и непроизводственным процессом, на возможности варьирования места труда и рабочего времени. Это в корне изменяет стереотип старого понятия надомного труда как удела инвалидов или одиноких женщин с детьми, занятых ручным изготовлением каких-либо простых изделий или компонентов к ним. Отмечается и нежелательная сторона «электронного надомничества» — социальная изоляция, сужение перспектив служебного роста, возможные потери в заработной плате. Однако, несмотря на это, в разных странах растет число собственных мини-ЭВМ, обладание которыми позволяет работать на двух или более нанимателей. К началу 1985 г. в США уже имелось 6,5 млн. компьютеров домашнего пользования³.

Новый тип работника, складывающийся в условиях реального постиндустриального общества, выходит за рамки определенной классовости, в частности, рабочего класса. Его социальный облик, слагаемый из профессионально-квалификационной производственной функции, характера и содержания выполняемого труда, наличия специфических интересов, своеобразия быта, психологии, образа жизни, можно расценивать как внеклассовый, универсальный, общечеловеческий по чертам и измерениям современного развития и самоопределения. В деятельности такого работника наряду с профессией и квалификацией решающей становится сама его человеческая личность, весь ее культурный и психологический строй, который определяет пригодность индивида к выполнению работ определенного типа. Если на предшествующих этапах развития науки, техники и технологии (вплоть до современного) качество работы могло быть достигнуто сложением труда ряда индивидов относительно невысокой квалификации, то складывающиеся ныне технологические горизонты и одновременно участвовавшие крупные сбои в системе «человек–техника–общество» указывают на все возрастающее значение надежности человеческого фактора в мире техники. Уже сегодня работники этого нового типа занимают ведущее место в ключевых отраслях экономики. От их умения, способностей, навыков, отношения к делу в решающей степени зависит производительность труда и эффективность производства. Они обладают значительной «технологической властью» и в случае конфликта с капиталом способны противопоставить его нажиму эффективные меры. Их называют иногда «когнитариатом», классом рабочих-специалистов, вооруженных научными знаниями и выступающих за дальнейшую «гуманизацию» производства, отвергающим тейлористско-фордистскую рационализацию трудового процесса — технизм и технократию.

Новыми критериями цивилизационного развития становятся: переориентация научно-технического прогресса с ближайших целей эффектив-

ности производства на долговременные природосберегающие и природоохраняющие технологии, с техницизма и узкого профессионализма разделенного труда к принципам самореализации и самоконтроля работника как принципам нового «антропоцентризма» и связанных с ним трудовых операций и функций в сторону усложнения, наделения непосредственных исполнителей ответственными полномочиями и всей информацией, снимающей барьеры их производственного и социального обособления.

Превращение науки в основную производительную силу общества на путях освобождения техники и технологии от их «императивного» (внешне навязываемого, сковывающего свободу работников) характера, наполнение производственной и социальной сферы человеческой деятельности научно рационализированным, «коммуникативным» элементом отражает важные тенденции перехода от индустриальной к постиндустриальной стадии развития цивилизации. Новое качество научной рациональности заключается в решающем значении кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических инноваций, с одной стороны, и в превращении новой «интеллектуальной технологии» в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений — с другой.

Технологические инновации компьютерного, лазерного, генного, энергетического, биологического характера уже вызвали глубокие преобразования во всем облике развитых стран мира; они включаются вместе с человеком в биосферу как целостную саморазвивающуюся систему, резонирующую и перестраивающуюся под действием всех своих компонентов и системных элементов; человек с его преобразующей технико-технологической деятельностью становится как бы трансплантантом единой экосистемы и поэтому призван понимать и учитывать, что строя или задумывая строить какое-то новое предприятие, сооружение, запуская новую технологию, он должен действовать подобно тому, как если бы намерен улучшить «живое тело», внедряя в него инородные предметы.

Критерий компьютеризации неотделим от развития информатики и создания так называемого «информационного общества». Новейшие телекоммуникационные технологии преобразуют все формы человеческой деятельности и общественных отношений, делают информацию фундаментальным фактором и атрибутом новой социальности. «Я стою на том, — писал Д.Белл, — что информация и теоретическое знание суть стратегические ресурсы постиндустриального общества. Кроме того, в своей новой роли они представляют поворотные пункты современной истории. Первый поворотный пункт — изменение самого характера науки. Наука как «всеобщее знание» стала основной производительной силой современного общества. Второй поворотный пункт — освобождение

технологии от ее «императивного» характера, полное превращение ее в послушный инструмент»⁴.

Ведущей отраслью постиндустриальной экономики становятся банки данных и центры по обработке потоков новых естественно-научных, технических, социально-экономических, политических и гуманитарных знаний. Информация незаменима в обеспечении конкурентоспособности фирмы, организации предприятия, в замене устаревшей техники и технологии, в насыщении рынка товарами нового качества, в налаживании эффективных договорных связей, тесной кооперации между поставщиками и потребителями, в радикальной перестройке крупных корпораций и де-бюрократизации самого управленческого аппарата.

На постиндустриальной стадии мир информации и информация в мире лишь с разных сторон характеризуют уровень цивилизованности развития общества. Все больше средств расходуется на деловую и развлекательную информацию. Получить, передать и обработать информацию становится повседневным делом огромного числа людей. Этот мир приобретает в чем-то черты «государства в государстве», или «формации в формации», где есть и свои орудия, и средства производства, и свои информационные ресурсы как самая большая национальная ценность, и свои органы управления, охраны, защиты, и своя преступность, и т.д., а над всем этим возвышается и своя «надстройка» — Его Величество персональный компьютер, которому доверяется фактически все: имущество, общественное положение, оборона страны, государства и всей планеты.

Соответственно информатика предполагает постоянное совершенствование моделей информационной деятельности человека и в связи с этим повышение его правовой и моральной ответственности. Ключевым принципом формирования личности как субъекта информационного общества выступает принцип соединения обучения, исследования и производства. Многообразие форм и способов обучения, а также его материально-техническому обеспечению способствует сочетание централизованных (на межгосударственном уровне) и региональных (частных) форм финансирования, развитие самоуправления в производственно-экономических, политических и образовательных системах разного типа и ранга. Примечателен сильный акцент на информацию по проведению свободного времени, по проблемам здоровья и личной жизни, полового и семейного воспитания, психологии общения, политической активности и пр. Особое внимание в развитых странах уделяется экологическому образованию и воспитанию, а также непрерывности всестороннего самообразования, его фундаментальной и гибкой универсализации, гуманитаризации и информатизации (в смысле навыков работы с информационными средствами).

Вместе с тем новая компьютерная и информационная реальность ставит перед человеком новые проблемы. Одна из них — включение информации в моделирование так называемого «виртуального мира», то есть возможного, являющегося плодом сознания, фантазии оператора (наблюдателя), выведенного в информационных образах и расчетах. Методология анализа этой проблематики в цивилизационном плане ставит вопрос о соотношении конкретного и «виртуального» миров, а также об амбивалентном характере технологического развития, служения этого развития добру или злу в зависимости от культивируемых в обществе ценностей.

Человек — демиург действительности, однако отныне его свобода — это свобода творца, находящегося в диалоге с системой, похожей на участие в «спортивных бегах», лотереях, эстафетах и т.п., то есть изначально не способного с абсолютной точностью предвидеть все введенные в эту систему данные, охватить весь объем информации, с которой взаимодействует, и результаты, получаемые после расчетов машины, в связи с чем развертываются специфические противоречия, присущие информационной ситуации. Камнем преткновения оказывается, во-первых, само постоянно расширяющееся поле информации, выдаваемой компьютерами и средствами массовой информации; во-вторых, трудности когнитивного порядка могут приводить какую-то часть общества в состояние протрации (верить или не верить этой информации?), в результате чего у людей может складываться «игровое» отношение к самой реальности общественных отношений; в-третьих, из-за скоротечной смены большого числа информационных представлений у людей возможна потеря веры в устойчивость и авторитетность фундаментальных общественных структур и регуляторов жизни — от государственных до корпоративных, от великих идей и эстетических учений до правил поведения за столом.

Информационная социальность чревата обществом «анонимной ассоциативности», при которой формализация взаимоотноверительных отношений между людьми неизбежно оборачивается их чисто человеческим взаимоотноуждением. В то же время она становится основой новых форм организации отношений людей, образования многообразных временных ситуативных групповых объединений по интересам. Этот тип временной ситуативной организационности, направленной на решение какой-то конкретной цели, в корне противостоит организационности индустриального типа, который уходит с исторической сцены. В условиях информационного общества вместо авторитаризма налицо демократизация, вместо стандартизации — индивидуализация. Временность, многообразие и быстро меняющийся групповой характер связей и целей позволяет более гибко, продуктивно решать социальные проблемы, но могут и усугублять

конфликты и тупиковые моменты в жизни людей, корпораций, общества в целом.

Можно сказать, таким образом, что, с одной стороны, информационное общество — несомненное достижение цивилизации на рубеже XX—XXI веков, вектор настоящей и будущей цивилизации. Сегодня критерии цивилизационного развития той или иной страны невозможно представить без учета уровня (степени) и характера достигнутой в ней информационной социальности. Но, с другой стороны, в обществе телекоммуникационных технологий, всеобщей компьютеризации, развитых электронных средств массовой информации возникают проблемы, опасные для цивилизационного развития. Противоречие между преимуществами «информационного бума» и его абсолютно кодифицированным характером порождают искусственный, стохастический и анонимный характер информационных общественных отношений, «реальности» виртуального мира.

Новые наукоемкие технологии, информатизация интеллектуальных и психических сил человека повышают его зависимость от компьютерной техники. Компьютер, по мнению ученых превращается в своеобразное орудие самоубийства людей: строго запрограммированное общение с ним постепенно лишает индивидов способности самостоятельно чувствовать и мыслить. Компьютер формирует жесткость мышления, меняет характер мотивации поступков, подменяет эмоциональное восприятие мира рациональным и механическим, усиливая тем самым отчуждение человеческого («естественного») от человека, разрушая его здоровье, нервную систему, уровень иммунитета. Это несет непредсказуемые опасности потери человеком своих естественных качеств и проявлений. «Неограниченный рост искусственно созданных потребностей и соответствующая экспансия производства создали реальную угрозу разрушения не только среды обитания. Стало очевидным, что они разрушают и само человечество как систему»⁵.

К ряду факторов «удаления от естества» человека, его духовности и нравственности можно отнести и идею «киборгизации человека», связанную с достижениями генной инженерии. Последняя предполагает более широкий масштаб экспериментов с человеком, чем, скажем, создание искусственного интеллекта. С позиций генной инженерии теоретически возможна трансплантация искусственных органов человека, количественное и качественное регулирование демографического воспроизводства, прогноз и отбор генотипов на предзачаточной стадии, вспомогательных, в том числе внутриутробных средств вынашивания плода; обсуждается вопрос о таких способах продления активной индивидуальной жизни, как

консервация клеток юного организма с последующей имплантацией в постаревший организм, в перспективе — о переносе «мэонных реплик сознания» на искусственно выращенные органические структуры (аналог бессмертия души?) и о многом другом.

«Киборгизация человека», по мнению специалистов, возможна на пути слияния или «скрещивания» человека, его генетических преобразований с микропроцессорной информатикой. Этот путь «скрещивания» есть некий перекресток биологической и технологической эволюции, где намечаются новые (может быть, тупиковые) процессы социоантропогенеза. В результате предполагаемый «техноантропoid» будет якобы обладать сверхмощным интеллектом и гигантской работоспособностью. Ему не только гарантировано долгожитие, которому могли бы позавидовать олимпийские боги, но и новые социальные возможности, делающие из него существо, не просто превосходящее гомо сапиенса, но продуцирующие совершенно новый социальный мир. Однако возникают вопросы: принесет ли этот новый мир какие-то новые позитивные эмоции и чувства людям? Не станет ли он новой формой деления индивидов на «вундеркиндов» и ни к чему неспособных людей? Не приведет ли высвобождение больших масс людей из системы информационно-роботизированного производства к росту преступности, агрессивной борьбы за выживание?

Уже отмечалось, что насилие не рождается само по себе без причины, оно возникает на почве либо девиантного поведения, невежества людей, либо «провокации» со стороны обстоятельств их жизни, других людей, информационной и виртуальной социальности и анонимности. Естественно, что и человек в этой искусственной кодифицированной реальности также становится анонимом, теряет свою идентификацию, индивидуальность и конкретность, выступает предметом для манипуляций. Так возникает и осуществляется новая форма отчуждения, «омассовления» и односторонности облика людей, общества — его компьютеризированно-информационная релятивность, лишенная устойчивых централизованных связей. Эта релятивность превращает жизнь людей в игру, где риск, опасность, случайность и выигрыш становятся правилом, превращают человека из субъекта в объект, манипулятор информационной игровой реальности.

Отчуждающая кодированная информативность не только выхолащивает «живую душу» человеческой жизнедеятельности: она дает возможность просчитывать оптимальную стратегию поведения человека, групп людей, целых стран. Это просчитывание, с одной стороны, определяет преимущество знания о путях и средствах достижения поставленной цели, которая у каждого своя, получить «свой шанс», реализовать себя, побе-

доть конкурента или всего-навсего получить выгоду, прибыль, обогатиться. Но с другой стороны, становясь знаковой имитацией реальности, заменяющей действительную человеческую и предметную реальность, информативность порождает иллюзорный, игровой, неустойчивый, неистинный характер поведения людей. Примеры тому — мафия, коррупция, международный терроризм и.д.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ И ОБЩЕСТВОМ

В постиндустриальном обществе по-новому строится система управления, основанная на высокой науко-и информационной емкости общественного производства и общественных отношений. Управление, по словам крупнейшего американского специалиста в области теории управления П.Дракера, выстраивается в шеренгу ключевых, решающих факторов развития цивилизации антропоцентрической (гуманистической) ориентации. Дракер ссылается на Японию, которая, по его мнению, обязана своими достижениями «исключительно первенству в сфере управления. Эта страна лучше всех усвоила уроки американского менеджмента времен второй мировой войны: относиться к людям как к ценнейшему ресурсу, капиталу, требующему первоочередного внимания, а не как к издержкам производства»⁶.

Специалисты по управлению обращают внимание на основные вехи или «прорывы» в эволюции управленческой мысли, подготовившие переход от индустриализма к постиндустриальной стадии развития цивилизации: а) тейлоризм (1885—1920) — как некое «озарение» того, что уже в условиях машинного производства управлять можно «научно»; б) создание «универсальных принципов управления» в работах А.Файоля, Л.Урвика, Д.Муни и других представителей классической или «административной школы» (1920—1950); в) неоклассический прорыв — зарождение и развитие школы «человеческих отношений» в работах Э.Мэйо и других ученых (1930—1950), нашедшей свое продолжение в управленческих теориях социальных систем, в том числе в успехах поведенческих наук, опиравшихся на достижения социологии и психологии; г) развитие количественных методов принятия управленческих решений на основе применения математики и компьютеров (1950—1960); д) период интенсивных поисков взаимосвязи между «типами среды» и типами управления (1970—1980); ж) новый прорыв (1980—1990) — открытие особого значения организационной культуры как мощного управленческого инструмента⁷.

Доказано, что эволюция школ и направлений управления экономиче-

ской деятельностью человека отражает закономерный рост научного признания роли субъективного, социокультурного, личностного потенциала работника, человеческого богатства в развитии цивилизации. Применительно к индустриальной стадии это видно в самих формулировках принципов управления А.Файолем, которого американцы считают, как известно, «отцом менеджмента». Так, принцип разделения труда связан у него с принципом порядка: «определенное место для каждого лица и каждое лицо на своем месте»; принцип дисциплины как «уважения к условиям» требует «повиновения, прилежания, активности»; принцип ответственности основан на разграничении авторитета «установленного» (по должности) и «личного», связанного с «желательными качествами» руководителя; принцип вознаграждения неотделим от принципа справедливости как сочетания «благожелательности с правосудием»; принцип инициативы требует «предоставлять функционерам полную самостоятельность в исполнении обязанностей, связанных с их должностью, ограничиваясь надзором за направлением их работы, поощрением заслуг, даже ценой некоторых жертв со стороны собственного самолюбия»⁸.

Именно из отмеченного выше многообразия школ и направлений технократического типа управления выросли соответствующие логике перехода к постиндустриализму не технократические, а инновационные и гуманистические модели развития производительных сил общества. Переход к интенсивным, гибким, индивидуальным технологиям в принципе несовместим с технократическим типом управления. Суть постиндустриального типа социально-экономического развития составляет новаторство, соревновательная инициатива, отказ от узкого профессионализма разделенного труда, пересмотр представлений о превосходстве крупного производства перед мелким. Гибкость, адаптивность к изменяющимся нестандартным ситуациям становятся основными характеристиками механизма управления предприятия, залогом его высокой хозяйственной эффективности. Отсюда особая роль «человеческих ресурсов», рабочей и организационной культуры фирмы, предприятия, взгляд на внедрение прогрессивных технологий как на составную часть общей стратегии в области развития «человеческих ресурсов»⁹.

В настоящее время принятие правильных управленческих решений на основе хорошего знания рынка психологии групп является одним из самых сложных разделов науки об управлении предприятием. Новатор — главная фигура нововведений, но новаторство невозможно без риска. Инновационные решения — это, как правило, решения, требующие соблюдения правил «минимизации риска» в условиях большей или меньшей неопределенности ситуации на внутреннем и внешнем рынке¹⁰. К

факторам, усиливающим новаторство, непосредственно относятся: хорошее знание компьютерной техники, рост культуры, общего и специального образования и в то же время отказ от технократического рационализма, создание атмосферы доверия и восприимчивости к новым идеям; критика технологии технократизма, при которой признание индивидуальных способностей членов общества осуществляется только в заранее известных масштабах «совокупного» рабочего как нормативной модели того или иного производства¹¹.

Продолжается разработка и внедрение новых поколений ЭВМ как аналогов «искусственного интеллекта». Этот термин служит, во-первых, для обозначения программных и аппаратных средств, способных осуществлять «мыслительную» деятельность, сопоставимую с человеческой; во-вторых, для отражения теоретических достижений и представлений об этих программах и средствах, формах повышения их эффективности и продуктивности. Проблемы искусственного интеллекта заключены в необходимости открытия и создания механизмов саморегулирования программных аппаратных средств в духе их «самоосознания» и самоперестройки как особых форм реагирования на изменяющиеся условия. А это значит, что в них помимо «умного» управленческого агрегата непременно должен быть введен и формализованный набор природо- и человекоохранного поведения.

Инновации системы управления есть важнейшее средство ее социализации и вместе с тем повышения уровня антропологического развития всех сфер жизнедеятельности современного постиндустриального общества. В системе управления и во всем общественном производстве формируется во многом новый интеллектуально-творческий тип работника, подрывающий основы индустриальной стадии развития цивилизации и принципы функционирования традиционной корпорации. В социальной сфере общество все более становится гражданским (фрагментарным), в котором простое большинство уже не обладает ни достаточным моральным, ни достаточно экономическим правом принятия решений¹², что в известной мере подрывает также фундаментальные основы присущих индустриальному миру демократических традиций, как минимум, демонстрации или даже референдумы. Информационная революция глобализирует происходящие процессы, радикально либо расширяя, либо ограничивая функции и возможности национального государства, которые казались непреходящими в течение столетий.

Трансформация национального государства осуществляется в сторону его социализации и прежде всего — обеспечения «всех членов общества полнотой гражданских прав». Нельзя не согласиться с Р.Дарендорфом:

«Данный постулат звучит отвлеченно, но он имеет сугубо важные практические последствия: для налоговой системы, здравоохранения и социального обеспечения, для образования и помощи безработным, то есть для всего того, что составляет социальное государство»¹³.

Социализация государства начинается со времени его возникновения, когда оно в своих специфических формах стало решать проблемы общественного (а не только узкоклассового) характера. Социализация государства связана с повышением роли в легитимации и демократизации общественной жизнедеятельности, власти, собственности, рынка, форм общественного сознания, то есть всех наиболее существенных регуляторов жизни людей.

Идейными, правовыми и морально-этическими источниками представлений о социальном государстве как государстве, служащем всему обществу, явились римское право и христианская мораль, а практически реализация самих этих представлений началась особенно интенсивно с эпохи великих буржуазных революций XVII—XVIII вв. в Западной Европе.

В XIX—XX столетиях существенную роль в процессе социализации государства сыграло участие европейских демократий в налаживании и реализации государственных систем образования, здравоохранения, пенсионного обслуживания и особенно социального обеспечения членов общества жилищем, прожиточным минимумом, выравнивание различий в стартовых возможностях путем перераспределения национального дохода в рамках налоговой системы и регулирования рынка рабочей силы. Исходной точкой последовательного развития социальной политики государств всеобщего благоденствия в странах Западной Европы стал план Бевериджа, разработанный в Великобритании в 1942 г. Под его воздействием происходит переход от социального страхования работающих к «всенародному страхованию», государство впервые берет на себя ответственность за состояние рынка рабочей силы¹⁴. Посредством выполнения и усиления социальных функций государство как бы перерождается из «исполнительного комитета буржуазии», по словам Дж.Гэлбрейта, в исполнительный комитет «техноструктуры». Своей политикой национальных приоритетов, системой социальных услуг, налогообложения оно способствует радикальному изменению качества жизни — в получении и распределении национального дохода, революции в доходах всего населения, а значит, к коренному преобразованию социальной структуры общества¹⁵.

Социальная политика всеобщего благоденствия после 1945 г. стала распространяться как на быстроразвивающиеся западноевропейские стра-

ны, так и на страны юго-восточного региона, особенно Японию, где первоначально она становится результатом не только и не столько возрастания экономического потенциала страны, сколько процесса трансформации социально-государственных национальных традиций, доминирующих общественных идей и устоев жизни, в том числе принципов капитализма. Об этом говорит распространение в развитых капиталистических странах принципа акционирования. Акционерная форма участия рабочих, трудящихся в дележе прибылей получила наибольшее распространение в странах так называемого «золотого миллиарда», в США, например, насчитывается более 25 млн. акционеров, или более 12 % взрослого населения страны, в ФРГ — более 2,5 млн. человек¹⁶.

Критериями качества жизни становятся качества самого человека, на котором сходятся все лучи перемен в способах жизнедеятельности и подготовки к ней. Происходит перераспределение в сфере потребления. Львиную долю в структуре жизни (80 %) начинают занимать потребление и связанная с ним сфера сервисного обслуживания, обработки информации. В сфере обслуживания увеличивается доля и затраты на медицину, спорт, искусство. Затраты на «индустрию здоровья» в развитых странах составляют около 2 % ВВП. Многое связано с устранением угроз здоровью человека, которые идут в условиях постиндустриализма от техногенных и генетических заболеваний, автоматизации быта и отдыха, роста дорожно-транспортного травматизма, злоупотреблений «дарами потребительства», физических и психических переживаний, семейных неурядиц; характерно сближение доли и форм социальной помощи различным категориям работников, значительный рост числа ее получателей, особенно среди неимущих, больных и безработных; например, в Швеции на социальные нужды расходуется более 30 % ВВП, в ФРГ — 24 %, в США — 14 %¹⁷.

К числу новейших способов участия трудящихся в прибылях принадлежит создание пенсионных фондов, через которые оказывается воздействие на акционерный капитал. Контрольная функция данных фондов незначительна, но это не мешает все более широкой реализации в развитых капиталистических странах проекта «пенсионно-фондовой революции», предусматривающего рост отчислений крупных компаний на социальные расходы, здравоохранение, переобучение и т.д. Так, например, в Англии отчисления на пенсии к концу 90-х гг. составили 42 %, во Франции — 46 %, в ФРГ — 54 %, отчисления на здравоохранение соответственно по странам: 32 %; 30 %; 25 %; на социальную помощь: 17 %; 9 %; 4 %¹⁸.

Государство вместе с профсоюзами социализирует отношения собственности через различные экономические формы перераспределения

доходов от прибыли крупных фирм и монополий. Важным способом социализации выступает организация мелкотоварного и кооперативного производства в таких формах, как ремесла, основанные на старых традициях, малые производства, ориентированные на изменчивый спрос. Все это деконцентрирует крупное общественное производство, которое поддерживает государство, причем не столько политическими средствами, сколько самим объективным развитием научно-технического прогресса, электронизацией и компьютеризацией общественного производства. «Речь идет не о том, чтобы ликвидировать частную собственность, а о том, чтобы начать процесс, который на протяжении многих поколений приведет к существенному росту числа мелких собственников за счет крупных»¹⁹. Такая трансформация частнособственнического производства, естественно, полезна и справедлива как в социальном отношении, так и с позиций обострившихся экологических проблем защиты природной среды (рассредоточения производства в пространстве, гуманизации сферы производства) и т.д.²⁰

Формирование и развитие постиндустриальной стадии цивилизации захватывает широкий сектор трансформации отношений частной собственности в русле органического соединения труда и интеллектуальной собственности. По мнению крупных авторитетов в социологии, «сегодня собственность остается только юридической фикцией»²¹, а главным путем формирования новых общественных отношений и структур является не только рассредоточение собственности среди мелких производителей и держателей акций, но и формирование собственности на информацию и знания тех субъектов, кто их производит, творит, в результате чего «отделение капитала от труда становится невозможным»²². Это обстоятельство представляется исключительно важным. Как пишет Т.Сакайя, «главным отличием современного общества от индустриального является тенденция к соединению труда и средств производства»²³. П.Дракер также отмечает это обстоятельство, добавляя, что в сегодняшних условиях работник еще не полностью свободен от корпорации, так как существует необходимость приобретать *дорогостоящее* оборудование и технические средства²⁴.

Высказывается, однако, мнение, что информационная революция в ближайшие годы решит эту проблему в сторону существенного понижения стоимости оборудования и информации. Данные показывают, что за последние 50 лет, например, стоимость телефонной связи между Англией и США сократилась с 650 до 0,91 доллара за трехминутный разговор, то есть более чем в 700 раз²⁵, копировальная техника подешевела так, что цены на автомобили, будучи уменьшенными в соответственной пропор-

ции, составили бы 2,5 доллара за «Роллс-Ройс»²⁶, а стоимость компьютеров с 1983 по 1996 гг. снизилась с 300 до 0,14 доллара за мегабайт памяти жесткого диска при ускоряющемся быстроедействии компьютерных систем в два раза за каждые 18 месяцев²⁷. Изменение характера труда изменяет, таким образом, систему присвоения его результатов и, значит, стимулирования работника и собственника в получении этих результатов. Как отмечает П.Дракер, «все большее количество людей работают с компанией, например, в области обработки и оценки данных, но не на компанию, не как ее работники»²⁸. Следует отметить и то, что в этих условиях существенно изменяется мотивация материального вознаграждения за труд. Она не устраняется, но сдвигается от максимизации материального обеспечения и потребления к обеспечению более высокого «качества жизни»²⁹. Все это обозначает появление новой тенденции «постмодернистской» мотивации всей общественной жизни людей, стремлений их к самовыражению и саморазвитию.

Важным направлением цивилизаторской политики всеобщего благоденствия является реализация тенденции синтеза индивидуализма, предпринимательства с инициативой, способствующей замещению слепого повиновения приказам личной инициативой и ответственностью, открытым коллективным обсуждением. В США, например, получили распространение группы «нулевых дефектов» — самоконтроль на рабочих местах; в Японии — «кружки контроля качества» — поиск и устранение причин брака, совершенствование технологического прогресса и т.д. Исследуется и отчасти реализуется идея замены отчужденного управленческого бюрократизма «гуманистическим менеджментом». Последний понимается как сочетание оптимальной централизации с максимальной вовлеченностью рядовых людей в процесс принятия решений и участия в их реализации³⁰. Свободы самоуправления требуют особенно работники «когнитарного» характера, которые «должны быть управляемы, таким образом, как если бы они были членами добровольных организаций»³¹.

Различные формы вовлечения работников в дела производства, его организации способствуют формированию нового отношения к производству и его результатам. Управленческие инновации в организации трудовых отношений выступают не только как дополнительный способ повышения производительности труда, но и как способ перестройки всех общественных отношений в сторону их цивилизованности, повышения продуктивности и качества «человеческого капитала», снятия с него форм отчуждения, отношения к человеку как винтику, придатку машины. Представители наемного труда, рабочие и служащие приобретают навыки отношений на более добровольных началах с выгодой для обеих сторон —

работодателя и работника — в отличие от тех жестких и взаимоотноуждающих связей и взаимозависимостей, которые типичны для машинного производства и стихийной рыночной экономики. Тенденция индивидуальной самоорганизации и взаимответственности каждого и всех с целью достижения единого общего результата способствует преобразованию стихийно конкурентного рынка в его цивилизованные формы. Стихийный рынок и конкуренция не могут обеспечить адекватное значение «человеческого капитала», человеческих способностей, оценить или предугадать многие из будущих социальных издержек или преимуществ, ибо этот механизм распределяет ресурсы в значительной степени без учета их истощения и долгосрочных отрицательных последствий для человека и окружающей среды. Только повышение личной ответственности, добровольности и творческого отношения к труду и его результатам каждого работника может способствовать нейтрализации отрицательных качеств и последствий стихийно рыночных и хозяйственных отношений. Совершенствование и демократизация государственного управления призваны способствовать стабилизации, саморегулирующейся системности отношений и решений людей, совершенствованию механизмов регуляции их жизни.

Государства развитых стран ориентируют свою политику на стратегию устойчивого развития, создают программы этого развития и органы их реализации. Например, программу такой стратегии в 1994 году обсудил и принял парламент Великобритании. Разработаны стратегии устойчивого развития Нидерландов, КНР и ряда других стран. В США действует Президентский совет, в документах которого определены 10 целей, позволяющих государству ступить на путь устойчивого развития: здоровая окружающая среда, экономическое процветание, справедливость, рациональное управление ресурсами, устойчивость территориальных общностей, вовлечение граждан в процессы принятия решений, стабилизация численности населения, международная ответственность, система образования и т.д.³²

Экономическая стабилизация — основа стратегии устойчивого развития и политики всеобщего благосостояния. Относительная стабилизация в развитых странах поддерживается так называемой функциональной экономической системой (ФЭС), включающей в себя взаимоотношения государственных органов с фирмами, монополиями и корпорациями по поводу регулирования общественных доходов и расходов. Эта политика строится на принципах жесткого дирижизма и либерального монетаризма, «тонкой настройки» экономической конъюнктуры. Государство целенаправленно воздействует на денежную массу и процентные ставки, а они, в свою очередь, на потребительский и инвестиционный спрос.

Характерная черта политики всеобщего благоденствия — гибкое регулирование экономики и других общественных отношений, переход от одних приемов к другим с целью стабилизации и развития денежно-кредитной и бюджетно-распределительной системы посредством реализации и совершенствования в первую очередь механизмов экономической саморегуляции или функциональных экономических систем (ФЭС). Таковы системы формирования конкурентной среды; обеспечения стабильности национальной валюты; поддержания уровня внутренних цен; стимулирования совокупного спроса; поддержания платного и внешнеторгового баланса; защиты отечественных товаропроизводителей; поддержания уровня внутренних цен; поддержания оптимального уровня безработицы; защиты окружающей среды и многие другие.

Функциональные экономические системы отличаются от целенаправленных систем (банковской, налоговой, страхования, социальной защиты и др.) прежде всего тем, что их суть состоит в саморегулировании, и всякое отклонение от определенных заданных параметров устойчивости служит толчком к немедленной мобилизации многочисленных механизмов, соответствующих ФЭС, восстанавливающих равновесие на макро- или микроэкономическом уровне. Например, при наплыве дешевых импортных товаров нарушается равновесие на внутреннем рынке, что приводит в действие функциональную систему защиты отечественных товаропроизводителей от иностранной конкуренции³³.

Устойчивость и развитие являются целями системы формирования конкурентной среды, призванной обеспечивать защиту мелких и средних компаний от недобросовестной конкуренции со стороны крупных монополий. В США, например, при возникновении инфляционного давления на рынок ситуация анализируется Федеральной комиссией по свободным рынкам, которая рекомендует Федеральной резервной системе изменить уровень процентной надбавки по федеральным фондам и ставку рефинансирования. Повышая учетную ставку, Федеральная резервная система снижает стимулы коммерческих банков к получению ссуд, что уменьшает объемы выдаваемых банкам кредитов и соответственно объем предложения денег на свободный рынок. Это, в свою очередь, снижает инфляционное давление³⁴.

Государственная политика всеобщего благоденствия, таким образом, непосредственно связана с превращением государства в главный координирующий центр всей хозяйственной и социальной системы. Через средства связи, оперативное получение информации о положении на внутреннем и внешнем рынках государство участвует в анализе и принятии тех или иных решений, включения в эти решения различных функцио-

нальных экономических систем саморегуляции разных факторов, сторон экономики. Таким путем осуществляется ежечасно и ежедневно процесс саморегуляции и развития экономики, ее приспособление к оптимальному соотношению спроса и предложения, сбережения и инвестиций, расходов и доходов, экспорта и импорта; идет государственная регуляция производства и потребления, обеспечения общественными благами всех слоев и групп общества.

Вместе с тем социальная политика не лишена и противоречий, трудно решаемых проблем. Сама тенденция к росту государственной ответственности и социальной защиты трудящихся требует постоянного увеличения на них части государственного бюджета. Трудно не согласиться с Р.Дарендорфом в том, что «социальное государство» дорого стоит³⁵, и трудно сказать, можно ли ожидать его удешевления в обозримом будущем: растут расходы на безопасность, борьбу с коррупцией и преступностью, растут потребности людей в упорядочении общественных отношений, в защите и охране свобод и прав личности. С другой стороны, социальная политика обеспечения общественными благами всех членов общества противоречит в определенной мере свободе частного предпринимательства как главному принципу жизни развитых стран капитализма. Осуществление государством социальной защиты, «социального опекунства» может порождать и порождает как иждивенчество, так и ущемление прав и свобод личности. Говоря словами патриарха буржуазной историографии Г.А.Риттера, в решении этого вопроса нужен разумный компромисс между безопасностью и свободой, необходимо «соединение государственной защиты и ответственности отдельных граждан, чтобы социальная сеть, предохраняющая каждого от нищеты, не позволяла бы никому запутаться в этой сети и потерять свободу действий»³⁶.

В социальной политике государству не так просто сочетать ориентиры помощи обездоленным с созданием условий, которые бы позволяли людям зарабатывать себе на жизнь и вести достойное существование. Это органическая часть политики по оживлению деловой активности. Государству гораздо проще и выгодней (причем это выгодно для всех) создать условия, чтобы человек сам себя обеспечивал своим трудом, вместо того, чтобы содержать его за счет общественных фондов (речь, безусловно, идет о трудоспособных людях). Здесь не требуется каких-то крупных капиталовложений, ибо речь идет об индивидуальной трудовой деятельности, условиях малого предпринимательства, создания кооперативных предприятий и т.д. В США, например, на долю малого бизнеса приходится две трети прироста рабочих мест, а это активно способствует решению проблемы занятости и свободы проявления человека.

Приоритет общественного блага не должен быть подавляющим, тотальным и что очень важно, исключать реализацию его в государственно-бюрократических формах подчинения и принуждения личности, игнорирующих свободу ее выбора. Постиндустриализм предполагает не только социализацию государства и капитализма, но и гуманизацию системы взаимоотношений общества и личности. Антигуманистические проявления еще имеются в развитых странах капитализма. Они были кричаще заметны и в условиях «реального социализма».

Расширение и углубление демократии, соединение ее с наукой и культурой управления, гуманизацией общественных отношений и регуляторов жизни людей — объективно необходимое условие совершенствования и развития политики всеобщего благоденствия.

ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

В контексте усиления социальных функций государства реализуются важнейшие критерии повышения его цивилизаторской роли как средства синтеза инициативы, предпринимательства с формами демократически-правового и неидеологизированного регулирования поведения и условий жизни людей. Утрата идеологически-манипуляторской функции государства знаменует его деидеологизацию, отказ не от всякой «идеологии», а от идеологии как системы идей и теорий классового характера, направленных на борьбу за политическую власть в обществе. Деидеологизация обозначает переход от идейно-принудительной пропаганды и внедрения в сознание людей интересов определенных социальных и политических групп общества к технологии самоуправленческих форм организации труда и жизни людей, предполагающих «затухание» классовой борьбы, партнерство и сотрудничество разных социальных сил на основе развития и аккумуляции новых национальных и общечеловеческих ценностей.

По существу, весь XX век прошел под флагом непримиримой борьбы, конфронтации социалистической и буржуазной идеологии. Октябрьская революция расколола мировую цивилизацию на две противоположные системы. СССР одержал победу в Великой Отечественной войне советского народа, но потерпел поражение в мирном соревновании двух систем. «Построенный в боях социализм» не вывел страну из состояния «догоняющего Запад развития» по критериям условий и качества жизни людей. Основным содержанием западноевропейской доктрины деидеологизации стала при этом бесподобная и беспрецедентная дискредитация теории и практики социалистического строительства в СССР, тем более, что

материалов для этого, особенно связанных с жертвами массовых репрессий, было более чем достаточно. Под видом ненаучности всякой идеологии и ее «панацейной функции» коммунизм представлялся и ныне представляется как некое «исчадие зла», какой-то «бесовщины», «безбожной религии»; утверждалось и утверждается, что коммунизм невозможен из-за «порочной» и «низменной» природы человека.

На наш взгляд, «идеологическое разоружение» не следует, однако, смешивать с научной критикой марксизма, как и других социально-философских и экономических доктрин; с критикой тоталитаризма и этатизма, неразумности и неэффективности командно-административной системы хозяйствования и управления; «уравниловки», сковывающей хозяйственную инициативу и трудовую активность человека, и других «дурных» сторон или явлений цивилизации, возникших задолго до «реального социализма». Не менее важно учитывать эндогенные факторы: постепенное вызревание в рамках постиндустриальной стадии социальных основ деидеологизации общественного сознания, поскольку вместе с революционными изменениями в научно-технических и технологических основах общественного производства в индустриально развитых странах коренным образом изменяется не только рабочий класс («пролетариат»), но и «класс предпринимателей, бизнесменов, менеджеров («буржуазии»); формируется средний класс; соответственно изменяется и перестраивается вся социальная структура капитализма, в рамках которой элиминируется «эксплуатация труда», возникают теории «человеческих отношений», «человеческого капитала», «человеческих ресурсов»; радикальные метаморфозы претерпевает классовая борьба, ведущая не к насильственным переворотам и революции, а требующая от конфликтующих сторон готовности сесть за стол переговоров, умения вести переговоры, идти на взаимные уступки и компромиссы. Как писал видный американский социолог Д.Белл, под лозунгом «конец идеологии» следует подразумевать то, что «прежние политические идеи и радикальные движения истощили себя и не обладают способностью возбуждать страсти»³⁷; более того, по словам французского социолога Р.Арона, даже такие объекты доктрин и недавнего прошлого, как власть и собственность, «сегодня поддаются вне-социальному (техническому) решению»³⁸.

Тенденция «затухания» классовой борьбы, деидеологизации общественного сознания и общественных отношений стала, можно сказать, лакмусовой бумажкой, специфической мерой развития постиндустриального общества как новой стадии современной цивилизации. Для девальвации идеологической борьбы на мировой арене необходим был эпохальный сдвиг в общественном бытии и сознании людей — и такой сдвиг с наибо-

лее впечатляющим эффектом отразился в распаде Советского Союза и в переходе России на путь рыночных реформ, создания гражданского общества и правового государства. А это значит, что в феномене деидеологизации можно выделить две стороны. Одна из них связана с относительным поражением социалистической системы хозяйствования в мирном соревновании с капитализмом по вопросу о «коренных преимуществах» двух систем, с признанием того, что некоторые постулаты теории «научного социализма и коммунизма» оказались на самом деле не научными, а утопическими; другая сторона — с тем, что сегодня идейные основы нового пути развития больше лежат не в плоскости конфронтации «атакующего класса» и не в духе закона исключаящего третьего (либо социалистическая, либо буржуазная идеология, третьего не дано), а в плоскости новой социальной реальности, возможно, в чем-то даже напоминающей идеи конвергенции, взаимопроникновения, обогащения и сочетания лучших черт социализма и либерализма. Такую деидеологизацию уже нельзя представлять как разрешение исторического спора или снятие противостояния непримиримых общественно-политических систем и идеологий, ибо он, этот спор, ушел или безвозвратно уходит в прошлое вместе с самими разновидностями («физиономиями») этих идеологий и этих систем. В определенном смысле от «деидеологизации» остается лишь старый для обозначения нового, объективно необходимого явления — стирания классовообразующих формационных различий в развитии цивилизации, объединения и консолидации всех прогрессивных сил общества как критерий современной (постиндустриальной или «гомогенной») цивилизации.

Нам импонируют недавно высказанные взгляды известного публициста и социолога Ю.Буртина по поводу идеи А.Д.Сахарова о конвергенции как взаимовлиянии и взаимодействии социализма и капитализма. Автор справедливо отмечает, что сам А.Д.Сахаров не считал себя пионером в авторстве этой идеи, отдавая приоритет таким ученым, как Эйнштейн, Бор, Рассел, Сцилард. Однако в своих «Размышлениях о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968) он пришел к выводу, что прежде всего разобщенность человечества угрожает ему гибелью, а потому только то, что объединяет классы, нации, религии, государства, относится к числу положительных ценностей. К решающим ценностям, заслуживающим поддержки, относятся демократия — «как всевластие закона, как такая система нравственных принципов и юридических норм, в основу которых положены права человека»; демократия обуздывает авантюристов, милитаристов, фашистов; она исходит из «естественных потребностей, из жизненного опыта и здравого смысла огромных человеческих масс. А они не самоубийцы»³⁹.

Новое в творческой интерпретации Ю. Буртиным идей нашего великого современника заключается в том, что понятие наступившего после распада мировой системы социализма «кризиса» теории конвергенции неравнозначно ее исчерпанности, ибо «она отвечает некоторым неустраняемым потребностям, свойственным природе человека», выражающим «сознание индивидом своего равенства со всеми другими людьми, гражданственность, коллективизм»⁴⁰.

Продолжая тему деидеологизации общественного сознания, следует сказать, что она существенно модернизирует и даже постмодернизирует, качественно обновляет культуру современного постиндустриального общества, личностные психологические регуляторы и ориентиры, ценностные установки сознания, психологии и поведения людей. Кроме уже обозначенных преимуществ и недостатков этой культуры, связанных с компьютерно-информативной социальностью и виртуальностью, новыми взлетами человеческой мысли и в то же время усилением морального релятивизма и непредсказуемости в отношениях людей, необходимо отметить значительный рост массово-потребительского характера этой культуры. Имиджу современного «общества массового потребления» начинает соответствовать как технократический тип творческой, так и конформистской личности, чей крутозор определяется стандартами рекламируемых товаров и услуг; формируется «массовая культура», потребляемая неким «усредненным» или «омассовленным» индивидом, ментальность которого приобретает характер утраты своего «я» («я — как все»); духовные интересы «массового человека» отодвигаются на второй план, а порой и вовсе исчезают. Стандартизированные дома, быт, товары, одежда, развлечения становятся эталоном и нормой потребностей такого человека.

Идеи и образы, которые несет «массовая культура», отнюдь не всегда направлены на формирование у людей самостоятельного мышления. Наоборот, «массовая культура» прививает сознанию индивидов шаблоны и стереотипы, характерные для безликой посредственности. Эти шаблоны и стереотипы активно реализуются не только в бытовых формах и ценностях, но и в искусстве так называемого поп-арта и постмодернизма. Если первое стремится удовлетворить простейшие низменные вкусы и инстинкты «массового человека», толпы, то второе пытается создавать некое новое технико-технологическое искусство информационно-иррационального типа, в котором «образами» выступают информационные копии, «симулякры». Положение, когда копия предшествует оригиналу (потому что лучше его), означает, что статус подлинности переходит к экранам, к искусственному. Сообщение становится важнее события, знания — первич-

ными, тела и вещи — вторичными. В техномызыке, компьютерной графике, виртуальном кино реальный человек присутствует номинально, за кадром, в виде «следа». Все это прививает людям представления о полнейшем «бездушном» культурном хаосе и морально-ценностном вакууме.

Конечно, в сферу духовного входит и рациональное, наука и знания — составная часть культуры. Но когда они, по словам В.Кутырева, и вытекающие из них целесообразность, расчет и эффективность остаются единственными мотивами поведения, когда чувства и общение целиком вытесняются интеллектом и деятельностью, а вещи превращаются в «симулякры», своеобразные копии без оригинала, то культура становится чем-то иным. В новейшем искусстве поэзия, эстетическое и нравственное присутствуют в виде цитат и игры. Непредвзятый взгляд на постмодернизм заставляет сказать, что, кроме технологий, он ничего не рождает. «Учитывая данное обстоятельство, новую технологическую культуру можно было бы назвать «тектурой». Текстура — это гибрид слов «техника» и «культура». Это «культура» искусственного мира, технологического человека. Если из культуры уходят чувства, дух, душа и она опирается только на разум, рассудок, интеллект, она является текстурой. *Постмодернизм — феномен перерождения культуры в текстуру*»⁴¹.

Искусство «массовой культуры», авторского произвола, модернизма, постмодернизма, абстрактного формотворчества и эпатажа есть источник *контркультуры*, разрушения человеческой личности и человечности чувств и эмоций людей. Такое искусство не объединяет людей и не солидаризирует их, а разъединяет, разрушая таким образом главную ценностную значимость культуры, ее регулятивные и гуманистические функции, научно-познавательные, эстетические и этические роли. Ясно, что внедряя такую «художественную» психотехнологию, подобную материально-технической или социотехнической, в чувства и мысли индивидов, искусство, можно сказать, антикультуры разрушает в человеке главные формы его нравственной и духовной саморегуляции: совесть, веру, понимание границ добра и зла, греха и наказания, прекрасного и безобразного.

Разрушению нравственных ценностей может способствовать только антикультура, творимая представителями обозначенных течений искусства, занимающихся в основном самовыражением и самоутверждением, отрицанием классических культурных традиций и ценностей. Однако среди представителей данных течений, необычных форм самовыражения авторских идей и образов находят истинное признание произведения художников (П.Пикассо, С.Дали, М.Шемякин, Э.Неизвестный и др.), затрагивающие глубокие личные и социальные проблемы и чувства людей, осмеивающие и разящие зло, расцветивающие добро и красоту. Своими

оригинальными, но понятными широкому зрителю произведениями названные художники вызывают сочувствие и сострадание к бедам и переживаниям людей, расширяют диапазон понимания зла и добра, формируют новые ценности культуры, решая тем самым по-новому извечную задачу ее — формировать и развивать человеческое в человеке. Искусство именно в этом контексте призвано своими средствами нести не столько избранным, сколько рядовым зрителям и слушателям благо мыслей и чувств добра, знаний о мире, умений цивилизованного общения между собой и с природой, следования идеалам нравственности и красоты. Это составляет основу культуры искусства, делает его культурно-массовым.

Таким образом, сущность по-новому понимаемой деидеологизации заложена не только в отказе от прошлого видения непримиримого врага одной общественно-политической системы в другой, а в переходе на новую ступень развития мировой цивилизации, в новой исторической реальности постиндустриализма и его рассмотренных ранее общественных достижениях. Вновь и вновь приходится подчеркивать, что главные параметры современной цивилизации — это то, что она дает человеку, но не «человеку вообще», а каждому в отдельности взятому «живому индивиду».

Деидеологизацию нельзя сводить и к замене идеологии системой знаний технократического или социально-технологического характера. Общечеловеческие духовные элементы идеологии были и продолжают оставаться важными средствами регуляции общественных отношений. Идеология все более становится орудием выражения и защиты не сугубо классовых, а общенациональных интересов. Широкое распространение получает национально-государственная идеология, в основании которой лежит не столько «классовая забота» о власти и собственности, сколько интересы национальной консолидации, суверенитета и безопасности, укрепления и реализации общенациональных интересов внутри страны и на международной арене. Ее «деидеологический» признак заключается именно в том, что она несет в себе неклассовую национальную идею, архетипы и перспективы общенационального развития или «возрождения» страны не силовыми, «революционными», а легитимными и демократическими средствами.

Процесс деидеологизации обозначает, таким образом, как изменение панацейного характера идеологии, так и обновление всех принципов общественных отношений. В сфере экономических отношений на смену социальных антагонизмов труда и капитала приходят отношения не только здоровой конкуренции, но и партнерства, сотрудничества в делах фирмы, ассоциации. В области социально-политических и управленческих отно-

шений государство становится вынужденным определять паритетные направления деятельности, отвечающие не столько интересам каких-то произвольно взятых корпораций или лоббистских групп, а интересам всего общества. В принципе исключается государственная управленческая политика по предпочтениям форм собственности, социальной или партийной принадлежности различных групп общества.

Деидеологизация — это в конечном счете одна из форм деполитизации и разгосударствления чиновничье-бюрократической системы управления, движения от централизованно управляемого к самоуправляемому обществу. В своем цивилизационно новом аспекте она антитоталитарна и демократична по самой своей сути, по богатству острых граней гласности, свободы критики, партийного и мировоззренческого плюрализма. Деидеологизация способствует многообразию образов жизни и мышления, раскрепощению духовных и нравственных сил человека. Она связывается с триумфом индивидуума, личностного начала во всех сферах жизни общества. В логике связи личности и общества меняется вектор: главным выступает не личность для общества, а общество для личности, что не принижает и не исключает коллективного начала человеческой деятельности, а напротив, через возвышение индивидуального поднимает на новую ступень и коллективное.

Деидеологизация — и прелюдия новой, и эпитафия старой истории. Но она обоюдоострое оружие, потому что зависит от того, кто им пользуется и в чьих интересах. Это качественный критерий цивилизованного развития. Но как найти ему меру? Нужен настрой общественного сознания на объединяющий общество идеал и на согласие большинства людей в том, что каждый человек имеет право на свое, на «особое мнение». Идеология возникла не на голом месте, и она исчезнет только тогда, когда все люди независимо от их социальной, национальной или любой другой принадлежности будут иметь более или менее одинаковый уровень цивилизованности, своего человеческого воспроизводства и развития.

ОБНОВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛОВ И КОНТУРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Анализ признаков современной цивилизованности не может быть полным без рассмотрения такого ее признака, как обновление особенностей современных региональных цивилизационных образований. В настоящее время известно, что логика постиндустриализма связана с процессом единения, интеграции мира, идентификации цивилизационного развития разных стран и народов. С другой стороны, продолжается процесс формирования нового контура региональных цивилизаций, охватывающих груп-

пы стран и народов. К причинам их локализации можно отнести, во-первых, то, что этносы разных цивилизационных общностей и каждой цивилизации в отдельности стартовали в свое постиндустриальное будущее с различных социально-экономических и духовных позиций, зачастую из разного исторического времени, обладая несовпадающими возможностями и способностями к освоению основополагающих ценностей.

Во-вторых, налицо обострение глобальных проблем современности и геополитических разногласий, усиливающих в социальном преобразовании развивающихся стран и стран постсоциалистической суверенизации роль архаичной политики государственных, национальных, религиозных и других приоритетов. Отсюда сохраняется и усиливается стремление народов модернизировать свою жизнедеятельность по логике собственных канонов, исторических и национальных традиций, государственности, географической привязанности к природным условиям и т.д.

В-третьих, в облике региональных цивилизаций по-своему переплетаются новейшие научно-технические и технологические достижения и модернизации с особенностями национального характера, поведения и верований людей. Последние, подчеркнем, не остаются где-то в стороне от производственно-технологической и экономической модернизации общества, а напротив, активно включаются в эти модернизации, придавая им свой динамизм и особую неповторимость.

В специальной литературе справедливо отмечается, что в рамках общей интеграции более или менее четко выделяются группы стран, тесно связанные историческими, географическими, экономическими, этнокультурными, религиозными и иными узами и интересами, на базе которых возникают региональные и субрегиональные цивилизации⁴², которые, в свою очередь, можно подразделить на те, в которых впервые возникли современные наукоемкие технологии (США, Канада, Западная Европа), и на те, которые восприняли их позднее и с учетом своего государственно-национального устройства и менталитета (например, Япония, Тайланд, Малайзия, Южная Корея, Филиппины, Индонезия).

Показательны взаимоотношения и взаимовлияние традиционных и новых очагов современной цивилизации. Так, североамериканская помощь кредитами, технологиями, специалистами способствует становлению локальной цивилизации в Латинской Америке, обладающей культурной и политической самобытностью и все в большей степени освобождающейся от статуса экономической периферии США. Западная Европа, интегрируя страны своего ареала а Европейский Союз, создавая единое цивилизационное пространство в них, расширяет свое влияние и на франкофон-

скую Африку, и на многие бывшие колонии и доминионы Великобритании. Япония стала центром образования нового цивилизационного пространства в Юго-Восточной Азии, способствуя появлению в этом регионе так называемых «азиатских тигров».

В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) усиливается цивилизационное развитие Китайской Народной Республики. Интеграция Китая, Тайваня, Гонконга, Сингапура в единое экономическое пространство способна, как считают некоторые аналитики, не в меньшей мере, чем Япония, динамизировать модернизационные процессы не только в Юго-Восточной Азии, но и во всем АТР⁴³.

Цивилизационная модернизация охватила все регионы мира: Американский континент, Юго-Восточную Азию, африканские страны. Несмотря на сопротивление шовинистических и религиозно-фундаменталистских сил, идет процесс модернизации и объединения в единый цивилизационный регион стран Индостанского субконтинента — Индии, Бирмы, Бангладеш, Цейлона. В арабском мире продолжается интеграция европеизированных североафриканских стран, с одной стороны, и традиционных общностей и консервативных режимов Ближнего Востока под эгидой в первую очередь Саудовской Аравии — с другой.

Главное, на что хотелось бы обратить внимание, — это то, что формирование нового контура региональных цивилизаций определяется не только и не столько выбором «подражательной модели» перехода к новой стадии модернизации под влиянием «могущественных соседей», сколько и прежде всего под воздействием собственной национально-региональной идеи, идентификации своих собственных национально-культурных альтернатив и приоритетов развития.

Идентификация — это осознание «своего» и отделение от «другого», доходящее порой до противоречия с «другим». Сегодня, к примеру, такие древние цивилизации, как африканская, византийская, греческая, египетская, индуистская, латиноамериканская, китайская, римская, японская либо исчезли, либо не сохранились в первозданном виде. То же самое можно сказать и о цивилизациях, именуемых по названию господствовавших или господствующих в их регионах религий: западно-католической, славяно-православной (византийской), буддистской, исламской, конфуцианской. Но их национально-культурные и исторические ценности, дух «застывшего времени» в форме искусства, философии, архитектурных строений, археологических находок выражают их масштабную основательность и значимость, выступают основой идентификации современных локальных цивилизаций своих народов и регионов. Их самодостаточная масштабность — это масштабность человеческих и культурных

способностей далекого прошлого человечества, которую уже никто не может подвергнуть сомнению даже при сравнении каждой из древнейших цивилизаций с другой древнейшей цивилизацией. Эти цивилизации — вечная человеческая память, которая передается современным цивилизациям в виде национально-культурного и исторического наследия, развиваемого и обновляемого в современных формах.

Современные восприимчивы древнейших цивилизаций находятся в постоянном изменении, развитии, их локальность относительна, они связаны множеством нитей со всем миром, испытывают влияние со стороны других локальных цивилизаций. Они, эти восприимчивы, «проверяются» как наследницы древнейших классических цивилизаций в соотношении с иными цивилизациями, например, в первую очередь с западноевропейской или североамериканской, которые сейчас лидируют во всем мире, предельно идентичны по своей цивилизованной развитости современности. Это соотношение с Западом характерно для цивилизаций Востока. Различие между ценностями этих регионов свидетельствует об их не только несхожести, но и о противостоянии.

Следует признать, что ценности североамериканской и западноевропейской цивилизации многими считаются сейчас во всем мире наиболее значимыми, но вместе с тем — а возможно, и как результат этого — в незападных цивилизациях происходит возврат к «корням», возрождается воля перестроить «свои регионы» в незападном духе (японская, китайская цивилизация). «Незападные цивилизации, — пишет видный американский политолог С.Хантингтон, — попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение — все то, что входит в понятие «быть современным». Но в то же время они постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будут возрастать, отставание от Запада сокращаться. Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам»⁴⁴.

Не случайно говорят: Восток — дело тонкое. Он весьма критичен к основам цивилизационной социальности Запада: «В исламской, конфуцианской, японской, индуистской и православных культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают

враждебную реакцию против «империализма прав человека» и способствуют укреплению исконных ценностей собственной культуры. Об этом, в частности, свидетельствует поддержка религиозного фундаментализма молодежью незападных стран»⁴⁵.

Следовательно, от «Запада потребуются и более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций. Он должен будет понять, как люди этих цивилизаций представляют себе собственные интересы. Необходимо будет найти элементы сходства между западной и другими цивилизациями. Ибо в обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными»⁴⁶.

Неконфронтационную модель формирования нового контура региональных цивилизаций можно считать, по-видимому, наиболее приемлемой и перспективной. Она отражает демократическую тенденцию формирования единого цивилизационного сообщества, отношения в котором регулируются принципами и буквой международного права и где главную роль играет баланс интересов между различными, прежде всего ведущими странами и центрами формирующихся региональных цивилизаций.

Не исключены в будущем и другие модели взаимоотношений региональных цивилизаций — однополюсно-авторитарные и биполярно-антагонистические. Однополюсно-авторитарная модель возможна, например, в том случае, если США, опираясь на страны евроатлантической цивилизации, займутся устройством мира по собственному образцу, исходя из собственных интересов и миропонимания. Биполярно-антагонистическая модель может возникнуть на основе выдвижения в качестве антипода США вместо СССР Китая и установления опять же двух сверхдержав, как противостоящих «центров влияния» в мире.

Существенное место в формировании нового контура региональных цивилизаций политологи отводят сохранению и развитию национально-го самосознания всех ныне живущих этносов. Именно нации, как прогнозируют некоторые исследователи, станут самосознающими, самоуправляемыми и самоорганизующимися субъектами истории. Не что иное, как национальное многообразие мира, будет предопределять ход истории, тенденции ее единого поступательно-цивилизованного и вместе с тем противоречивого, в том числе и нецивилизованного развития. Сохранится, по мнению Ф.Фукуямы, высокий и даже возрастающий уровень насилия на националистической почве; «на повестке дня останутся и терроризм, и национально-освободительные войны»⁴⁷.

Это вполне возможно, если представить экономическое положение современных недостаточно развитых, а также развивающихся стран, составляющих большинство в мире, вынужденных усиливать борьбу за свои природные ресурсы, развитие своей собственной экономики, государственную независимость, сохранение национальной культуры и т.д. Немалую роль в усилении этой борьбы играет возрастание гегемонизма со стороны стран «золотого миллиарда» над странами так называемой «мировой периферии», бесцеремонное отношение с ними, проявляющееся в перекупке их ресурсов; в «сливе» в эти страны экологически грязных и второстепенных форм производства, низкопробной продукции «масскультуры»; в разрушении их собственной национальной экономики и ментальной цивилизованности, в унижении государственного статуса.

Все это предопределяет обострение проблем национального самосознания, сохранения и защиты национальных интересов, культурных ценностей. Национально-культурная специфика уклада жизни и самосознания становится первостепенным способом реализации и укрепления своей национальной цивилизованности. При реализации определенной унификации индустриальной и постиндустриальной тенденции научно-технического и экономического развития всех стран мира национально-культурное начало выступает на первый план и предопределяет судьбы народов и стран, их вклады в развитие мировой цивилизации человечества.

В этом контексте судьба самой мировой цивилизации прогнозируется исследователями в плане нарастания противоречия научно-технизированных типов цивилизаций и национально-антропологизированных, стремящихся выжить, остаться в «границах человека». Ставится диагноз, что человечеству угрожают не какие-то внешние силы и внезапные катастрофы, а самоубийство через вырождение на пути нерегулируемого технического прогресса»⁴⁸. Смягчить этот диагноз вправе только борьба разных стран за сохранение национально-культурных приоритетов рационального отношения и использования собственных природных и антропосоциальных ресурсов каждой страны или определенного цивилизационного региона. Эти страны, по мнению ученых, «постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада сокращаться»⁴⁹, что и станет основой равноправия и демократического сотрудничества многообразных цивилизаций, единения их в единый мировой цивилизационный процесс.

Беспрецедентно острый характер проблем, вставших перед человечеством, резко выросшая роль субъективного фактора, обуславливают настоятельную потребность в научном осмыслении не только научно-тех-

нических и социальных, но и биологических, нравственно-психологических факторов позитивного цивилизованного воспроизведения и развития индивида, общества и природных ресурсов, обеспечения человечества общественными благами. Цивилизация идет противоречивыми путями, аккумулирует цивилизованные и нецивилизованные процессы и явления. В частности, человечество в своем стремлении к повышению своей цивилизованности породило такое антицивилизованное явление как экологический кризис. Взаимодействие индивида и общества с природой всегда носило противоречивый характер. Человек хотел властвовать над природой и, овладевая силами и богатствами ее, захотел увеличивать власть над ней за счет эксплуатации чужого труда, накопления собственного богатства.

Развитие цивилизации даже в таком его виде — сочетании позитивных и негативных результатов взаимодействия людей с природой и между собой есть процесс поступательный, кумулятивный и благотворный для человека и общества. Но глобальные проблемы современности, экологический кризис природы, порожденный цивилизацией, — тоже результат этой цивилизации, угрожающий ей самой, всему человечеству. Поэтому встает ряд вопросов: надо ли дальше идти по избранному пути цивилизации, если она привела человечество к такому глобальному для него кризису? Или избрать другой путь «естественного опрощения», расцивилизовывания, натурализации (пример современной России)? Безусловно, что второго пути уже никогда быть не может. В глобальном кризисе виновата не цивилизация или ее чрезмерные темпы развития, а напротив, недостаточная цивилизованность, незрелость развития индивида и общества во взаимодействии с природой.

ГЛАВА IV

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ИСТОКИ САМОБЫТНОЙ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ РОССИИ

В конце XX века Россия оказалась на историческом перепутье. Распад советской формы российской государственности, трудности и неудачи реформирования общественной жизни обострили проблемы поисков путей выхода из создавшегося кризиса, новых ориентиров восстановления и развития цивилизации и цивилизованности нашей страны. Актуализировались вопросы: Куда идти? Какой мерой оценивать шаги выхода россиян из этого кризиса? Научные рекомендации при этом даются самые разные, например, обратиться к выяснению исторических корней и особенностей жизни россиян; уделить пристальное внимание осмыслению национального характера русского народа; дать характеристику таким интегративным понятиям, как «душа народа», «менталитет нации» и т.д.

На наш взгляд, анализ названных явлений имеет существенное значение, но его необходимо дополнять исследованием существующих проблем цивилизации современной России, ее самобытной цивилизованности. Как выяснено, цивилизованность является ключевой и интегративной мерой оценки уровня развития и творческого вклада гуманистической благотворности любых субъектов, в том числе и нашей страны. Именно эта мерная категория должна служить главным мерилом и ориентиром оценки современных подвижек на пути выхода России из кризиса.

Цивилизованность определенных стран и народов зависит как от национальной самобытности этих стран и народов, так и от степени развития и реализации их способностей созидательно-преобразовательной деятельности. Самобытность специфически выражается в цивилизованности в зависимости от уровня развития, особенностей национальной культуры, а также места и роли страны, народа в развитии мировой цивилизации. Измерение национальной самобытности мерой творческой про-

дуктивности и общечеловеческой значимости вклада этноса, нации в саморазвитие и обогащение мировой цивилизации есть путь для раскрытия условий развития цивилизованности современной России. Но встает вопрос: может ли наша страна самостоятельно выйти на путь современного цивилизационного развития без помощи других высокоразвитых стран? Ответ может быть один — нет. Однако саморазвитие — это главное.

Как и у других национальных сообществ цивилизованность россиян имеет свои исторические корни. Экстраполяция российской истории на современность демонстрирует разные точки зрения на специфику нашей цивилизации и цивилизованности. Разговор идет вокруг так называемого евразийства как основы российской самобытности, о том, какого менталитета в этой самобытности больше — европейского или азиатского, как эти элементы евразийства сказываются на возможностях и условиях решения россиянами современных кризисных проблем¹.

Вопросы национальной идентичности россиян, связанные с осмыслением места в ней евразийства, исследователи пытаются осмысливать с разных позиций: географических, религиозных, политических, культурологических и т.д. Значительный вклад в решение этой проблемы вносят авторы, анализирующие природу евразийства России с цивилизационных позиций². Автор данной работы рассматривает особенности евразийства России в аспекте его значимости как коренного источника специфической российской цивилизованности.

Исторически Россия возникла и развивалась как уникальная многоэтническая и многоконфессиональная страна, центральным полем тяготения которой стал русский этнос. В течение сотен лет совместной суровой борьбы за выживание у ее народов, добровольно ли присоединившихся или насильственно втянутых в орбиту «русских интересов», вырабатывалась общность исторической судьбы и геополитических проблем; формировалось своеобразное «евразийство», взятое не только как нечто «остаточное» от гуннов и Золотой Орды, но и осмысливаемое в духе гармоничного соединения «западнической», «славянофильской» и «азиатской» культур; шел глубокий процесс самоидентификации русского национального характера и России в целом.

На формирование российской ментальности историческое влияние оказали равнинный ландшафт, бесконечные степи и лесные просторы, черноземные и субпесчаные почвы, субконтинентальный и холодный климат. Именно географические и природно-климатические условия, по мнению ряда ученых, существенно повлияли на такие региональные особенности социально-экономического и политического развития страны в XVI—XIX веках, как: крепостничество, экстенсивный рост сельскохо-

зяйственного производства; жизнестойкость общинного ведения дел и хозяйства, близкая к аскетизму скромность жизни большинства населения; постоянное укрепление централизованного монархического государства и его невиданная бюрократизация³.

Территориальная «экспансия» Россия, породившая «великость» ее территории при относительно низкой плотности населения, во многом была вынужденной мерой, направленной на защиту от внешних угроз. Она отвлекала огромные средства народа на строительство армии и флота, крепостей и других оборонительных сооружений. Немалые средства шли также на новые географические открытия, создававшие славу Отечеству. Этим процессам соответствовало становившееся традиционным имперское величие России, подкреплявшееся идеологическим мифом о Москве как «третьем Риме». О России эпохи Петра I выдающийся русский историк С.М.Соловьев писал, например: «Такова была новая странная империя, на западе прислонившаяся к Балтийскому морю, а на восточных границах своих решающая вопрос: соединяется ли Азия с Америкой?»⁴.

Важнейшей особенностью цивилизационного развития России явилась добровольность вхождения в ее состав фактически всех ее северных и дальневосточных этносов, большинства народностей Поволжья, Северного Кавказа и Грузии, народов Башкирии, Казахстана, Украины и других. Образованию громадной империи способствовали типичные для России факторы: отсутствие у русского этноса по отношению к другим этносам комплекса расового или национального превосходства над ними, «хозяина», «господина» на их землю; интегрирование царизмом феодально-помещичьей элиты, независимо от ее этнической принадлежности, в структуру единого правящего класса; сближение и смешивание между собой многонационального образа жизни «трудовых низов» в ходе «крестьянской колонизации»; великая русская культура; превращение русского языка в один из мощных факторов межнационального цивилизационного общения и диалога народов России.

Стоит специально выделить такую отличительную черту российской цивилизации, как выбор православной веры при сохранении мудрой веротерпимости к другим религиозным конфессиям и религиям. На эту черту также обращал особое внимание С.М.Соловьев, писавший, что «выбор веры есть особенность русской истории: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религиями; но не так было на востоке Европы, на границах ее с Азией, где сталкивались не только различные народы, но различные религии, а именно: магометанская, иудейская и христианская...»⁵.

Крещение Руси стало, можно сказать, судьбоносным фактором россий-

ской истории. Невозможно даже представить, какой бы была история России, если бы выбор был другой. Христианизация Руси подняла международный авторитет государства, позволила стране, получив письменность, приобщиться к культурным традициям Европы. Но вскоре в 1054 году византийская церковная иерархия и наместники Папы Римского подвергли друг друга взаимному проклятию. Произошел глубокий раскол единого до той поры христианского мира — распадение его на римско-католический и православный. Русь оказалась отделенной от западноевропейской цивилизации не только вероисповедным барьером, но в какой-то мере политически и экономически. Как писал А.И.Герцен: «На взгляд Европы, Россия была страной азиатской, на взгляд Азии — страной европейской; эта двойственность вполне соответствовала ее характеру и ее судьбе, которая, помимо всего прочего, заключается в том, чтобы стать великим караван-сараям цивилизации между Европой и Азией. Даже в самой религии чувствуется это двойное влияние. Христианство — европейская религия, это религия Запада, приняв его, Россия тем самым отделилась от Азии, но христианство, принятое ею, было восточным — оно шло из Византии»⁶.

Необходимо иметь в виду и сдерживающие факторы российской цивилизации, неразрывно связанные с особенностями ее развития: долговечность крепостного права, техническую отсталость производства; забитость и безграмотность подавляющего большинства населения страны; неразвитость демократических институтов и традиций со времени Великого Новгорода и Пскова и вместе с тем своеобразный демократизм крестьянской общины; отсутствие гражданского общества и правового государства, полицейский произвол бюрократического государства; несметные богатства и низкий социальный уровень жизни народа; стереотип «территориального превосходства» и имперский пафос дальнейшего расширения «русских земель»; рост противоречий в решении национального вопроса. О России второй половины XIX века великий русский поэт Н.А.Некрасов в своей знаменитой поэме «Кому на Руси жить хорошо» сказал:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь.

Этот стих, можно сказать, выражает суть евразийской самобытности России. Российская цивилизованность не является этнически и культурно однородной, содержит в себе элементы и западной (антропоцентрич-

ной), и восточной (системоцентричной) цивилизаций. Россия — цивилизованно неоднородное общество, на исторических перекрестках сближавшееся то с Западом, то с Востоком. Но, учитывая особую роль государства, способы ведения хозяйства, принцип коллективизма (соборности), Россия скорее является системоцентричным обществом, а вектор ее движения чаще всего был восточным (во всяком случае, ни одна из предыдущих попыток вестернизации не удалась).

Попытки преодолеть черты отсталости в цивилизованности страны были предприняты в советское время, причем ценой величайших жертв. Россия прошла вместе с другими народами бывшего СССР индустриальный этап своего развития, создала мощную базу крупного промышленного и сельскохозяйственного производства, реальные научно-технические предпосылки для перехода от индустриальной (техногенной) к постиндустриальной (гомогенной) цивилизации. Культурные ценности не только сохранились, но и приумножились. Мировое признание получило творчество новой плеяды деятелей литературы и искусства, выдающихся ученых — первооткрывателей на земле и в космосе. В составе СССР Россия вышла на передовые позиции в медицине и образовании, в таких видах спорта, как гимнастика, легкая и тяжелая атлетика, баскетбол, хоккей, фигурное катание и т.д. Советский народ был признан самым читающим в мире народом.

К сожалению, эта сторона шествовавшего по нашей земле прогресса действительно оказалась навечно омраченной жестокостями и массовыми репрессиями против собственного народа, безжалостной эксплуатацией таких его качеств, как безропотность и терпимость. Культ личности, большевизм и сталинизм как знаки тоталитарной, антидемократической системы нанесли сокрушительный удар по идее неразрывной связи социализма и демократии, а значит, и по расцвету многих областей производства и потребления, культуры, образования и просвещения. Не менее двух поколений советских людей оказались отторженными от общечеловеческих ценностей гражданского общества. Главное, чего особенно не хватало на первых порах «социалистического строительства», это высокого уровня культурности как самого «человеческого материала», из которого предполагалось построить здание социализма (достаточно вспомнить хотя бы «Чевенгур» или «Котлован» А.Платонова), так и коммунистической партии, осуществлявшей «диктатуру пролетариата». Широко известны стали слова академика В.И.Вернадского, который писал в своем дневнике от 2 ноября 1941 года: «Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культурности: средний уровень культуры коммунистов — и морально, и интеллектуально — ниже среднего уровня беспартийных.

Он сильно понизился в последние годы — в тюрьмах, ссылке и казнены лучшие люди страны»⁷.

Провозглашенная в 1985 г. «перестройка» явилась предвестницей распада СССР как сверхдержавы, из последних сил противостоявшей США на паритетных началах. Мы лучше увидели весь остальной мир, а он нас. Более наглядно предстало наше отставание по основным критериям современной цивилизации (компьютеризации, информатизации, деидеологизации). Ярче обнаружили «родимые пятна социализма»: уравниловка, очереди и «нехватки» то одного, то другого, синдром бесхозности, «ничейности» общественной собственности, «тапчиловка» всего того с предприятий, что там плохо лежит. В этой ситуации назрели глубокие общественные реформы, которые, однако, не оправдали светлых надежд народа.

РЕЗЕРВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Коренная особенность цивилизованности нашего общества в последние два десятилетия выразилась в том, что индустриальный тип этой цивилизованности приобрел застойный характер, совпавший с кризисом административно-политической системы в целом. Все это мешало поиску резервов выхода экономики из застоя, хотя в России уже налицо существовал комплекс всех объективно необходимых условий для преодоления всеохватившего ее кризиса и осуществления цивилизационных преобразований в области экономики и политики, науки, культуры, образования. И сегодня страна располагает: во-первых, большими топливно-энергетическими и другими природными ресурсами; во-вторых, мощным научно-техническим потенциалом, не уступающим, а в ряде случаев и превосходящим достижения американского, западноевропейского или японского постиндустриализма; значительным заделом в направлении всеобщей компьютеризации и информатизации производства, создания автоматических систем управления; в-третьих, квалифицированными кадрами, желающими и умеющими быстро перестраиваться и хорошо работать. Но, с другой стороны, все эти «ресурсы», «потенциалы», «заделы» надо очень грамотно и цивилизованно привести в действие, а такого опыта «переналадки» всей системы хозяйствования и управления по-новому не хватает. Отсюда трудности учебы и практики «российской ситуации», выход из которой видится в том, чтобы, используя мировой положительный опыт и не теряя «своего лица», по возможности выпрямить свой путь и за исторически сжатые сроки достичь более высоких рубежей мировой цивилизации, обходя ее современные рифы и ухабы. Это значит, что, с одной стороны, России предстоит выскочить из советской мифологемы: «Догнать и перегнать передовые капиталистические страны!» (перестать

быть все время в догоняющих), а с другой стороны, находясь перед выбором лучших вариантов и в идеале не приемля любые формы и способы «скачков» — действительно пройти как бы вдогонку собственный и альтернативно неизбежный отрезок, «спрямляя» дорогу там, где придется и уже приходится учитывать как свой «опыт ошибок трудных», так и опыт других народов и государств.

Речь идет, таким образом, о «спрямлении пути» в новом — цивилизационном — понимании исторического процесса, **п р е д п о л а г а ю щ е м**:

1. Не слепое копирование или механическое повторение пройденного другими цивилизациями, но творческое использование всего того «чужого», что крайне нужно и целесообразно. России сегодня и легче, и труднее «догнать», так как упал «железный занавес» и умножились примеры для «подражания»: они не только в США, Японии или Китае, но и во многих других «цветущих оазисах» современной цивилизации.

2. Не волюнтаристское «перескакивание» из феодализма в социализм, минуя капитализм, как это сделали якобы Монголия и бывшие советские среднеазиатские республики, а обеспечение нового качества жизни на базе постиндустриализма и преодоления факторной роли человека в общественном производстве.

3. Не возврат к пройденным и дискредитировавшим себя общественно политическим системам (монархизму, тоталитаризму, **авторитаризму** и т.д.), а создание гражданского общества и правового государства, формирование соответствующих самоидентификации России традиций и институтов «снизу».

4. Не коммерциализацию духовной продукции, не меркантилизм в духовной жизни, не «победы» в литературе и искусстве «ценой потери морального качества», совести и достоинства, а развитие духовного, как нравственного мира человека; как свободомыслия и ответственности «за все, что было, есть и будет на Земле»; как исторической памяти, связующей поколения и предохраняющей общество от тирании и деспотизма в экономике, политике и праве.

Россия может и должна проводить модернизацию, не отказываясь от собственных «жизнеспособных хозяйственных инфраструктур в угоду новейшим технологическим идеям. В отличие от американской российской экономика обращена на принципах жертвенности: гигантская концентрация усилий способна решить любую научно-техническую или производственную задачу»⁸.

В последнее время такие подходы к необходимости учета российской цивилизационной ментальности все чаще связываются с попытками со-

здания новой «неэкономической» модели развития, основными чертами которой должны быть:

1. Перестановка блоков развития (экономика, промышленность, экология, национально-этнические, культурологические и другие блоки) и преодоление ведомственных интересов.

2. Зарождение моделей, в основе которых оказывается «прорыв межсистемных оболочек», «диффузионное» сращивание, синтез, «свинчивание» в единую популяцию различных сфер деятельности.

3. Работа на новую категорию — не на «прибыль», «доход», а на стратегический эффект»⁹.

В этой связи вопросы ставятся в несколько иной плоскости: Что выберет Россия? Пойдет ли она по западному постиндустриальному пути или, разгадав новые тенденции в мировых процессах, своевременно и с опережением отреагирует на них? Какие для этого существуют возможности? Утверждается, что «сама постиндустриальная модель вырождается», поскольку «во все ускоряющемся» темпе идет пожирание интеллектуальных, производственных, природных и т.д. ресурсов. Подстать изменился и тип мышления: оно деформировано, приняло однобокий характер (на Западе Г.Маркузе характеризовал его термином «одномерный человек»¹⁰). Россия, говорят авторы этих моделей, имеет исторический шанс: не обремененная последней стадией постиндустриальной модели, она готова не только гармонично войти в новую модель цивилизационного развития, но и при определенных условиях стать лидером этого процесса¹¹.

Думается, реализация этой тенденции опережающего «пионерного» характера есть именно путь сохранения и развития самобытной цивилизованности нашей экономики. Для этого необходимо в русле современной цивилизованности решать многие стратегические вопросы рынка, отношений собственности, приоритетов производственно-экономического развития.

В настоящее время практика реформации в нашей стране показывает, что борьба за внедрение «свободных» рыночных отношений и демократизма в русле «грубой» капитализации жизни нашего народа исчерпала свои возможности. Ясно также, что надежды не смогут оправдать те, кто ностальгирует и продолжает настаивать на возвращении к старой модели социализма, выработавшей свой ресурс, и в продуктах разложения которой мы увязли по самые уши и, вероятно, надолго. Причины нашего сегодняшнего кризиса коренятся в прошлом. «Реформы» стали прямым продолжением худших тенденций планово-административного руководства, среди которых были: утяжеление структуры производства, крен к сырьевому типу экономики, утрата стимулов к производительному труду, кор-

рупция, популистская идеологизация, загнивание госаппарата, сращивание его с преступным миром.

Нашему обществу предстоит длительная практика освоения идеи о том, что свобода и право едины и неделимы¹². Демократия в форме правовой законодательной государственности и ответственности есть мера контроля над рыночными отношениями, реализации их в цивилизованных, а не криминальных рамках. Путь к рынку, осуществляемый посредством чиновничьего перераспределения государственной собственности, ведет к последствиям, которые ничего общего с демократией не имеют. Нам импонирует идея о том, что «демократия никогда не видела свою цель в переходе к рынку и частной собственности, она ставит вопрос о природе и характере власти... чтобы ввести рынок в нормативное русло, поставить под правовой контроль государства в целях защиты интересов всего общества»¹³.

Но можно подойти к этим вопросам и с другой стороны: не проходят ли наши реформаторы как апологеты частной собственности мимо того факта, что потребность в новых идеалах социального прогресса уже давно предполагает отход от абсолютизации частной собственности и свободных рыночных отношений? А если это так, то разве у России есть смысл «терять силы на реализацию устаревших идей и моделей»?¹⁴

Стремление к получению сверхприбылей и к «потреблению без границ» противоречит требованиям научного осуществления процесса гомеостаза, то есть согласованию законов биосферы и разумных потребностей человека. Об этом все громче заявляют не только выдающиеся ученые. «Сумеем ли мы предотвратить превращение мира во всеохватывающий рынок, где господствует закон сильного, где главной целью является получение максимальной прибыли в короткие сроки, где спекуляция за несколько часов сводит на нет плоды труда миллионов мужчин и женщин? Не отдаем ли мы будущие поколения игре слепых сил?... Я считаю, что наш мир требует переосмысления, и он будет переосмыслен, если мы введем социальный аспект как ключевой элемент, волнующий всех нас», — так говорил, например, бывший Президент Франции Ф.Миттеран на форуме ООН по социальному развитию в Копенгагене 11 марта 1995 года. И это, как представляется, полностью применимо к сегодняшней российской ситуации. Идея многообразия форм собственности, заложенная в программы большинства политических партий России, по-настоящему еще не пробила себе дорогу. Население бывшего СССР, по мнению разного рода «советников» и политологов, отвыкло от частной собственности.

Мы не должны обольщаться также «огромностью» и «неисчерпаемостью» наших богатств. Сегодня ни у России, как и ни у кого другого, нет

не только морального права, но и реальной возможности осуществить тот рывок вперед, который в свое время произвели США и Западная Европа за счет дешевого труда и природных богатств ныне развивающихся стран и народов. Да и с научной точки зрения детальный анализ показывает, что планета в ресурсном и экономическом отношении просто не выдержит, если развивающиеся страны, справедливо считая необходимым поднять уровень жизни своих народов, пойдут тем же путем, какой прошли развитые страны. Нужна новая модель со значительно более мощными рычагами централизованного регулирования как на уровне государства, так и мирового сообщества в целом — экономического развития и распределения производимого. Еще раньше об этом же говорил оригинальный русский философ конца XIX века Н.Ф.Федоров, связывая проблему роста потребностей с разработкой идеи «активной эволюции» и прогнозируя новый тип *органического* прогресса, который должен противостоять прогрессу *чисто технического*, орудийному, «протезному»¹⁵.

В индустриально развитых странах на первое место вышел принцип рационально-научного природопользования, требующий нового качества цивилизационных взаимоотношений между природой и обществом. Развивая идеи В.И.Вернадского и Тайяр де Шардена о необходимости более высокой цивилизованной тональности этих отношений, «коэволюции» человека и биосферы, академик Н.Н.Моисеев пишет: «Основное предупреждение XX в. состоит в том, что по мере развития цивилизации возрастает зависимость человека (как биологического вида) от состояния биосферы. Я думаю, что это самое грозное предупреждение XX в... Вместе с ростом могущества цивилизации взаимообусловленность «стратегии природы» и стратегии человечества будет иметь самые глубокие следствия, остроту которых мы уже начинаем ощущать. По-настоящему они проявятся в следующем веке и потребуют изменения самих основ современной цивилизации, смены характера эволюции homo sapiens»¹⁶.

Чернобыль — наше самое серьезное предупреждение! Рационально-научное природопользование как ценностный критерий нового уровня развития цивилизованности возможно только на путях новых технологий, демократизации социального контроля, опережающего развития духовно-нравственных сил и способностей личности. Необходима гуманизация всех общественных отношений как механизма, обуздывающего крайности эгоистического и индивидуалистического потребления и поведения.

Переход от производства ради производства, безответственного или хищнического отношения к природо-и ресурсосберегающей экономике и умеренно-разумному потреблению природных богатств — ключевая про-

блема современного прогресса. Для решения этой проблемы одного благоразумия недостаточно. Необходимы соответствующие научные исследования, формирование соответствующих технологий и профессионального, культурного и духовного развития личности. Исследователи проблемы отмечают: «Цивилизация вплотную подошла к новому качеству экономического роста, не считаться с которым нельзя, если мы намерены в конце концов вырваться вперед, а не плестись в ее хвосте». В перспективе индекс социально-экономического прогресса будет, по-видимому, все теснее связываться с демократическим и гуманистическим решением глобальных проблем человечества, но не через унифицирующее всех равенство в духе «принудительной справедливости», а через максимальное раскрепощение и свободное развитие личностного потенциала каждого конкретного работника.

Практика в постиндустриально развитых странах свидетельствует о высокой степени индивидуальной и коллективной зависимости результатов экономического роста от общих и профессиональных знаний и умений, нравственной мотивации и социального самочувствия человека, непосредственно влияющих на труд и на отношение к труду, на надежность и скоординированность всех звеньев производственного процесса. На первое место все более выходит проблема подготовки кадрового потенциала предприятия, фирмы, ассоциации... Все это требует прежде всего «человекоцентристского» переосмысления места и роли индивида в современном производстве, когда главным условием развития последнего становится уменьшение факторной (частичной) роли рабочей силы с одновременным возрастанием ее всеобщей целеполагающей, контролирующей и регулирующей функции»¹⁷.

Ресурсосбережение — одна сторона развития нашей экономики. Другая — переориентация ее с сырьевых отраслей на развитие собственных новейших технологий и приоритетных отраслей, способных создать стране нишу на мировом рынке и в среде ТНК. По свидетельству Н.Н.Моисеева, решение этой проблемы еще в наших руках. По его мнению, сырьевые или ресурсные отрасли при всей их значимости в развитии экономики нашей страны будут в конечном счете проигрывать перед развитием и использованием выспших технологий. Мировая потребность в углеводородном топливе и многих других ресурсах, несмотря на рост производства, постепенно сокращается. Эта долговременная тенденция будет постепенно сужать ресурсный рынок. Второе — наши ресурсы очень дороги. Н.Н.Моисеев предлагает оригинальный проект инновации: создание транспортной корпорации по перевозке грузов через Россию из стран Атлантического в Тихоокеанский регион. Эта корпорация (модернизация

Транссиба и восстановление Великого Северного пути и организация связи между ними) может быть создана без участия западного капитала и приносить больше прибыли стране, вполне успешно конкурировать с самыми крупными ТНК¹⁸.

Это только одно из приоритетных направлений, мероприятий по созданию цивилизованной высокоэффективной прибыльной экономики нашей страны. Это направление конкретизирует рассмотренные выше резервы перехода нашей экономики на постиндустриальные рельсы и показывает пример нового подхода к ее реализации и руководству с патристических и опережающих позиций. Обновление нашей экономике могут обеспечить инвестиции, идущие от реализации новой продукции на мировом и внутреннем рынке, которые сами по себе, без усилий руководства страны возникнуть не могут, поэтому необходимо, чтобы оно осознало ситуацию и потенциальные возможности России, приобрело доверие нации в проведении экономической и социальной политики реформ. Необходимо также сильное политическое руководство экономической стратегией страны в лице партии или нескольких (не мелких, а крупных) партий, пользующихся наибольшим авторитетом у населения и разработавших конкретные программы подъема экономики, служения ее улучшению благосостояния всего народа страны, стабилизации общественного климата.

Нельзя перестраивать экономику, не учитывая социальные основы общества. Ошибка реформаторов в том и состоит, что они решили преобразовать отдельно взятую подсистему, не учитывая необходимости реформирования общественной системы в целом, усиления социальной ориентированности экономики. Экономика не может развиваться без взаимодействия с социальным потенциалом общества, служения интересам не отдельных групп меньшинства правящей элиты общества, а всего населения.

Финансово-экономическая стабилизация — важная задача сегодняшней экономики нашей страны, но она не должна реализоваться за счет снижения социальных расходов, ухудшения деятельности инфраструктуры общества, обострения экологических проблем и т.д. Известно, что социальная дестабилизация общества не может быть гарантом развития экономики, так же как экономика не может решать социальные проблемы без поднятия жизненного уровня, благополучия народа. Поэтому, уповав на рыночную экономику, необходимо учитывать, что общество вправе устанавливать границы для экспансии рыночной системы, не допускать, чтобы они определялись самим рынком. Государство должно обеспечивать управление недропользованием с учетом долгосрочных целей общества. Повышение ренты может стать источником дополнительных средств

для целей социального развития общества. Налоговая система и более гибкая организация социальной защиты должны сдерживать рост социального неравенства, стимулировать вовлечение граждан в трудовую деятельность.

ТРЕБОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Наша страна находится в поиске эффективных образцов организации общества и государственной власти. В решении этого вопроса она пытается заимствовать ценности западной демократии, стать как Запад. Однако исторические традиции восточного (азиатского) авторитаризма и тоталитаризма в системе государственного управления нашей страны дают о себе знать и поныне. Постсоветскому обществу предстоит большая работа по его демократизации и построению цивилизованной правовой государственности.

Нужно сказать, что демократия и правовая государственность не идентичные явления, хотя и сопряженные. Правовая государственность предполагает демократию, народовластие как форму ограничения произвола государственной власти. Демократия оправдывает себя в этом процессе ограничения, когда выступает системой прав, свобод и обязанностей личности и противостоит вседозволенности государства и индивидов. Перед нашей страной стоит проблема создания и утверждения цивилизованной государственности, которая, с одной стороны, призвана соблюдать и защищать права и свободы личности, а с другой — формироваться и реализоваться путем согласования воли и интересов граждан, этносов, общества в целом. Правовое государство в единстве всех своих функций социального, правового и хозяйственно-управленческого порядка необходимо нашей стране также для осуществления действительной и успешной постмодернизации, выхода в ряды постиндустриальной цивилизации.

В настоящее время демократия у нас выступает, можно сказать, только как «понятие», декларируется на словах, носит характер *мнимого конституционализма*¹⁹, а не выступает реальным механизмом осуществления прав и свобод личности, организации власти народа. Она «работает» не на благо каждого человека и не на социальную справедливость. Она служит реализации интересов элиты общества, облеченной властью и богатством, углублению социальной дифференциации россиян на бедных и богатых. Речь идет о демократии не столько как способе уравниловки, сколько как форме равноправия в достижении каждым индивидом своих целей, совместного решения общественных проблем. Демократия в нашей стране «на деле» носит «варварский» криминальный характер, ибо

допускает и провоцирует стихийные, никем не контролируемые рыночные отношения, предполагает вседозволенность, отрицание норм морали и нравственности, прав и свобод личности. Она повсюду нарушается представителями самой законодательной и исполнительной государственной власти.

Некоторые авторы считают, например, что рынок может обойтись без правовой демократии. Не обладая экономической независимостью граждане даже формально демократического общества никогда не станут самостоятельными субъектами политического действия, а будут лишь объектами политического манипулирования со стороны элиты. Аргумент этот предполагает, что только экономическая независимость субъекта делает его действительно независимым и в политическом отношении. С другой стороны, доказывается мысль о том, что только демократические права, ценности создают ситуацию, при которой свободой экономической деятельности может воспользоваться большинство членов общества, а не один лишь узкий слой экономической элиты²⁰.

Оба утверждения справедливы, но их соотношение и реализация в действительности гораздо сложнее теоретического гипостазирования. Верно, что политическая независимость не более, чем иллюзия, если она не основывается на экономической независимости. Но из этого никоим образом не следует, что свободный экономический субъект — это непременно цивилизованный гражданин. Как раз наоборот: большинство экономических субъектов, действующих на свободном рынке, не индивидуальные граждане, а безжалостные корпорации. Конечно, экономически независимая и преуспевающая корпорация может выступать как независимый субъект и в политической сфере, но система политически независимых корпораций — это совсем не то, что называют «демократией». Не так уж трудно представить себе общество, в котором корпорации пользуются экономической свободой и соответственно политическим влиянием, а индивидуальные граждане их лишены.

Неверно, строго говоря, и то, что политическая демократия гарантирует равные экономические права большинству граждан (не говоря уже обо всех) и что демократические институты с этой задачей реально справляются. На самом деле практика показывает, что они с нею не справляются. Что им удастся сделать, так это минимизировать риски, связанные с существованием экономического неравенства, предотвратить развитие порождаемых им конфликтов в кризисы, которые угрожали бы самому существованию общества. Экономическое неравенство и политическое неравенство взаимосвязаны, и в этих условиях не может быть полной и действительной демократии. Рыночная свобода и равенство не могут иден-

тифицироваться друг с другом, а это значит, что свобода без равенства, справедливости не есть демократия и цивилизованная свобода, как, впрочем, взаимно в таком же состоянии оказывается и равенство без свободы. Рынок не может полностью регулировать распределение ресурсов цивилизованно и справедливо, если он не опирается на институты представительной демократии и научно-техническую рационализацию его механизмов. Вне данных рамок демократического и научно-технического контроля он оказывается просто неэффективным и уступает место стихийным механизмам ^{не}цивилизованного распределения, а если по какой-то причине и сохраняется, то функционирует в каком-то ином качестве и с иными социокультурными последствиями. Поэтому правовая демократия есть рамки норм регулирования свободного рынка, предпринимательства, которое в этих рамках приобретает цивилизованный характер благотворности для себя, но не во вред другому и становится весьма важным способом развития здоровой экономики и открытого демократического общества.

Варварская демократия порождает у нас не только рыночную стихию, но и бюрократическое всевластие. Она вырождается в демократию для бюрократии и даже непосредственно в бюрократию. Это происходит в силу того, что управленческие структуры замыкаются на самодостаточной самостоятельности и выводятся из-под контроля общественного мнения и правового регулирования. В этом случае бюрократия коррумпируется (делается независимой от центра) и стремится резко ограничивать цивилизованные права политического участия людей в управленческой деятельности на всех уровнях. «Авторитарная демократия» (Р.Саква)²¹ или «режим-гибрид» (Л.Швецова)²² — вот то, что возникло в результате бюрократизации и криминализации управленческих структур, освободившихся от государственного контроля в процессе реформации и демократизации общественной жизнедеятельности современной России.

Этот пример показателен не только для решения проблемы взаимосвязи механизмов политической и экономической демократии, но и для анализа предоставляемых этой демократией благ цивилизованности, путем преодоления ее ограничений, повышения уровня социальной зрелости. Исследователи отмечают, что «путь демократии, сама демократическая дорога чрезвычайно трудны и совсем не усыпаны розами, необычайно важным всегда было и остается сегодня *цивилизация* (выделено нами — В.М.) самой демократии. Нам сейчас отчетливо видны опасности, так сказать «варварской демократии», через которые народы мира в своей истории проходили не один раз и которые в нашей стране тоже выплыли на поверхность в пору в целом плодотворного процесса демократизации»²³.

Правовые формы демократического равноправия выступают важнейшими способами, критериями выравнивания возможностей реализации функций демократии разными индивидами. Однако в реализации этих возможностей значительным препятствием выступают права и свободы личности, защищающие интересы каждого отдельного индивида даже в противовес интересам всего общества. Демократия несет в себе противоречие цивилизованности и нецивилизованности. Служа благу индивидов, демократия в то время создает предпосылки для группового деления интересов, разброда и хаоса, препятствует единению и солидарности членов самих представительных органов, согласованию их решений, всеобщей консолидации общества. Это фундаментальное противоречие всех концепций демократии от древнегреческой до современной англо-американской.

Известно, что государственная система управления возникает и развивается в процессе истории не для реализации своих особых интересов властвования и обогащения за счет народа, а для решения проблем благополучия этого народа. Особенную остроту этот вопрос о данной функции государства приобретает в условиях развития передовой постмодернистской правовой государственности. У нас же система политического устройства общества такова, что предполагает полное разделение интересов управленческой, бюрократической элиты и остального населения, отчуждение последнего от власти²⁴. Политика государства фактически носит антинародный характер, поскольку ее субъекты замыкаются на интересах обогащения и сервильных формах получения и приватизации власти. Перед нашей политической системой стоят проблемы, во-первых, гуманизации политики, повышения ее социальной и организационной эффективности; во-вторых, сочетания динамики и стабильности и, наконец, в-третьих, сохранения и развития национальной самобытной цивилизованности россиян. Речь идет о придании политике формы государственного механизма учета и реализации интересов населения, различных партий, классов и групп в аспекте человеческого измерения, а не преобладания соблазнов свободной от права и нравственности политической прагматики и конъюнктуры.

Политика — это искусство возможного, просчитывания и учета государственными органами, политическими партиями и их лидерами многообразных комбинаций и мер достижения определенных целей в экономике, самой политике и выбор наиболее оптимальных альтернатив, путей и средств реализации этих целей. Важен здесь и учет личных и общественных интересов, закономерного и случайного, должного и сущего. Процесс просчитывания должен осуществляться на правовой и научной

основе, носить проективный характер прогнозирования показателей улучшения экономического и социального положения большинства населения страны. Одним словом, выливаться в краткосрочные и долгосрочные формы программирования всей системы социальных условий повышения жизненного уровня населения и работы инфраструктуры общества.

Подобная задача стоит перед политическими партиями. Однако практика показывает, что многочисленность партий на российской политической арене и слабость их организационных структур побуждает большинство из них завоевывать себе престиж и популярность не посредством названных методов разработки собственных программ, а также цивилизованных форм взаимоотношений с соперниками, а путем сбора компромата на этих соперников, придумывания «новых технологий» привлечения на свою сторону избирателей. В ход идут подкуп, шантаж, ложь, провокации и т.д., то есть любые средства для достижения победы, в том числе и нецивилизованные. Поэтому возникают сомнения, что, придя к власти, такие партии сразу же начнут печься об интересах народа, исправятся и станут формировать чистоплотную цивилизованную политику.

От степени цивилизованности методов формирования политики, реализации борьбы партий в нашей стране сегодня во многом зависит процесс преодоления дестабилизации общества. Не только криминализация экономики и политики, но и нецивилизованные формы борьбы политических партий дестабилизируют ситуацию в обществе, способствуют дезориентации населения, тормозят динамику общественного прогресса. По мнению исследователей, многое в дестабилизационном характере поведения политических партий, да и правительства, зависит от качества их кадрового состава, его общей, политической и правовой культуры, профессионального владения секретами реальной политики. Интересное и, на наш взгляд, верное мнение по этому поводу высказал А.С.Панарин, считающий, что для того чтобы «реабилитировать мир политики, восстановить ее бытийственный статус»²⁵, модернизировать по новейшим проектам, необходимо гуманитарное видение реальностей и путей преобразования России. Эта задача по плечу не экономистам, а «гуманитарной по своим потенциям и способу профессионализации» политической элите, гуманитариям, способным найти «ключ к диалогу евразийских культур и открыть их единые универсалии»²⁶.

Ответ на вопрос о резервах построения правовой и гуманистически-нравственной политики и вместе с тем демократии пытаются дать и другие авторы, выдвигающие, например, идею создания форм самоуправления «морального гражданского общества». Обосновывается представле-

ние, что «почва для восприятия идеи нравственного гражданского общества подготовлена» и для реализации этой идеи нужны лишь «серьезные начинания со стороны людей с «чистыми руками», не замешанных в политических интригах»²⁷.

Моральный облик управленца — немаловажная деталь для гуманизации реальной политики, но не менее важным для повышения ее качества является и такой рабочий инструмент ее, как право, его трактовка и формы реализации. Теоретическое совершенствование и практическое освоение системы правовых норм является существенной предпосылкой для повышения качества организации власти, работы государственной службы, умной и выверенной политики правового государства, поскольку в этой плоскости лежит, во-первых, успешное решение кадрового вопроса, а во-вторых, то, что «правовые нормы, регулирующие государственную службу, должны прямо или косвенно препятствовать этатизации и бюрократизации общества»²⁸.

Умная, взвешенная политика правовой государственности требует учитывать национальный фактор евразийства нашего народа, сочетания специфически национального каждого этноса, проживающего в нашей стране, с самобытно российским единым в укладе жизни, культуре и государственном устройстве общества.

Национальная политика сейчас очень важна для преодоления националистических и сепаратистских настроений, для консолидации и стабилизации нашего общества. Решение вопроса федеративного или конфедеративного устройства российской государственности также актуально для цивилизованной национальной и общероссийской политики, которая отдает предпочтение федеративному единению этносов и наций, входящих в состав нашего государства на правах автономии. Автономия и права на самоопределение наций призваны «снимать» конфликтную напряженность в их взаимоотношениях с центральной федеративной властью, что, однако, не всегда удается.

Данная напряженность в многонациональном государстве возникает часто как реакция на якобы господство в государственной политике титульной нации и дискриминацию по отношению к остальным нетитульным нациям. Этническая реакция на государственность титульной нации носит в основном политический характер и побуждает представителей нетитульных наций к объединению на основе символизации своего самоопределения в идеях и лозунгах борьбы за свой суверенитет. Этническое объединение есть продукт реакции не только на существующую титульную нацию и формы государственного выражения ее интересов. Это объединение может возникать и как реакция на изменчивую политическую

ситуацию, что вполне наглядно показал развал в начале 90-х гг. Советского Союза.

Представители этнических групп в многонациональном государстве больше доверяют государственной политике, если она защищает права и свободы всех входящих в общество представителей разных наций и таким образом строит гражданские отношения между ними. Соблюдение прав и свобод личности призвано выступать, в свою очередь, гарантией защиты прав национальных меньшинств и диаспор. Несправедливость по отношению к национальным меньшинствам исчезает тогда, когда реализуются их права в таких областях жизни, как национальный язык, культура, возможность получения работы в частном и общественном секторах и т.д. Они (меньшинства) должны быть уверены в беспристрастности законодательных прав.

Большую роль в цивилизованном решении этнических противоречий может и должна играть такая черта индивидов, как гражданственность, которая предполагает не только права и свободы личности, но и осознание необходимости соблюдения прав всех национальных меньшинств, а также защиты интересов многонационального общества в целом. Именно гражданская ответственность за общество в целом, его стабильность и спокойствие может воспрепятствовать переходу этнонационализма в его крайне анархические и агрессивные формы оголтелого национализма и шовинизма, чувство превосходства над другими нациями.

Вместе с тем гражданственность не может и не должна полностью закрывать национальные чувства людей, ибо важной стороной этничности является то, что она дает членам нации ощущение родственной связи, общности и эмоциональной поддержки. Особенно большое психологическое значение подобные формы идентичности имеют в периоды когнитивной политической неопределенности и экономической нестабильности, в ситуации, когда общество претерпевает существенные изменения.

Диалектическое сочетание демократии и национального самосознания способствует свободному самоопределению и саморазвитию индивидов, а через это и всей нации. Цивилизованность нации «прирастает» цивилизованностью ее представителей, когда они, реализуя свои права и свободы во внутринациональном и межнациональном общении в рамках многонационального общества, получают свободу выбора средств и равные возможности своей самореализации в производственно-экономической, социальной, политической, духовно-культурной и всех других сферах жизнедеятельности общества. В этом случае может повышаться чувство не только гражданственности, но и самостоятельности, возможности противостоять давлению и навязыванию элитой или отдельными нацио-

нальными лидерами своих амбициозных интересов и желаний обострить проблему своего суверенитета.

Правовая общегосударственная политика согласования интересов наций, их равноправного сотрудничества и развития есть политика уважения и единения этих наций. В этом случае федеративное государство функционирует как цивилизованный суперэтнический наднациональный орган, призванный правовыми и социокультурными мерами поддерживать и укреплять евразийские основы нашей общенациональной самобытной цивилизованности, которая, в отличие, от западноевропейской, выделяется первичностью духовного над материальным, коллективистского над индивидуалистическим началом в жизни и поведении людей, в организации их повседневных отношений.

Эти архетипные черты нашего евразийства, противостоящие потребительской вестернизации, навязываемой нам Западом, совмещенные с правовой демократической государственностью, призваны способствовать повышению цивилизованности и консолидации нашего общества, укреплению и развитию действительной, а не декларативной демократии.

НЕОБХОДИМОСТЬ ГУМАНИЗАЦИИ ДУХОВНОГО САМОРАЗВИТИЯ ИНДИВИДОВ

Существенное снижение цивилизованности нашего общества особенно чувствуется в духовной жизни россиян. Рыночная стихия, популистская демократия, криминальная приватизация, морально-правовой релятивизм и нигилизм и другие формы «разрушения» социалистической идеологии стали источниками снижения культурно-нравственного потенциала нашей страны. Преобладание материальных интересов стало велением, с одной стороны, обнищания большинства населения, не получающего вовремя зарплаты и пенсии, а с другой — безмерного обогащения меньшинства за счет «дикой» приватизации, стихийного рынка и вхождения во власть. Страна встала перед проблемой, если «материальная заинтересованность» людей не будет смягчена и не войдет в нормальные рамки, то духовная жизнь большей части общества приобретет характер постоянной заботы только о «хлебе насущном». Практика показывает, что эта проблема становится перманентной, влечет за собой нарастание морально-правового нигилизма, преступности, насилия, наркомании, бездуховности, разных видов отчаяния и деградации человека и общества. Потенциал цивилизованности, достигнутый в условиях «государственного социализма» стал не просто снижаться, а терять свой стержень — гуманистическую благотворность людей, высоты и устремления, которые всегда отличали национальную самобытность России.

Процессу нарастания дегуманизации общественной и культурной жизни страны во многом способствуют «открытые двери» для западной низкопробной «масскультуры», многочисленных религиозных сект, натуралистического искусства, нездоровых форм проведения досуга (особенно молодежи), экзотерических, оккультных ненаучных мировоззрений и т.д., которые в целом, расширяя горизонт представлений человека о себе и о мире, все же не развивают, а разрушают конструктивно-человеческое в человеке, его созидательно-гуманистические формы саморазвития.

Внутренние нравственно-ориентирующие формы и устои самодисциплины и саморазвития людей расшатываются под напором внешнего воздействия ценностей названной масскультуры, и формируются новые, именно разрушающие личность и индивидуальность человека, которыми являются ориентиры массового потребительства, которое в силу своей массовости бывает во многом низкого вкуса и качества, ориентировано на усредненного индивида, психологию примитивного гедонизма.

Немаловажным фактором дегуманизации, да и деградации человеческого в человеке выступает у нас и такая форма специфически национальной психологии, как сервилизм (раболепие), переходящий в холуйско-паханский комплекс поведения и общественных отношений людей.

Психология сервилизма свойственна всему Востоку. В России эта психология укоренилась издавна под воздействием набегов и гнета кочевников, самодержавного и крепостнического правления князей и царей. Процветает она и сейчас. В странах, цивилизациях Востока сервилизм как духовная основа общественных отношений рабов и властителей все же имел определенные ограничения, произвол власти сдерживался конкретными нормами поведения, отраженными, например, в конфуцианстве. Противовесы сервилизму существовали в индо-буддийском мире, в мире ислама, где строгие нормы шариата и адата всегда как-то ограничивали произвол. Не было их, как отмечает Л.С.Васильев, в Африке, континенте работорговли, и в России, в которой православная церковь была подчинена власти, сама была в определенном смысле сервильной (пожалуй, в наибольшей мере это проявилось в годы советской власти), причем никакие попытки взбунтоваться (раскольники, староверы) к существенным позитивным результатам не приводили. Это и породило невиданный по силе и наиболее страшный по следствиям комплекс отечественного сервилизма, который проявил и все еще проявляет себя во многом, едва ли не везде и всегда²⁹.

Преклонение перед властью имущими и агрессивное чванство перед нижестоящими, или отношения раба-холуя-хама, составляют суть «культуры» российского сервилизма. Можно сказать, что этот сервилизм не ог-

раничивался, а только в какой-то мере смягчался рамками общинных, земляческих отношений в дореволюционные или партийной дисциплины в советские времена. В последнее время в нашей стране он подкрепляется как властью, так и «быстрым» богатством.

Раболепие стало источником вхождения во власть, в управленчески-бюрократические структуры, открывающие путь к криминальному обогащению. Не зря сегодняшний российский сервиллизм А.С.Ракитов называет холуйско-паханским комплексом (ХПК)³⁰. Этот комплекс предполагает отношение к человеку как носителю какой-либо функции: власти, богатства или должности, но не к человеку как таковому. Преклонение перед опредмечивающей роль и силу человека функцией рождало и рождает у людей стремление получить эту функцию и через нее возместить свое прежнее унижение. Отсюда поговорка: «Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак».

Отношения сервиллизма несут в себе скрытое насилие одних и добровольное подчинение других, формы агрессии, конфликта, которые особенно интенсифицируются в настоящее время из-за обострения материального неблагополучия одних и быстрого обогащения других, преобладания черт алчности и властолюбия, которые становятся непременными ориентирами жизни богатой, бюрократической и криминальной части общества. Трудно отрицать благодетельность мотивации борьбы за хорошее материальное положение, но если в процессе этой борьбы исчезают человечность, гуманизм, сочувствие к другим людям, гражданские чувства сопричастности к делам и проблемам страны, то эта мотивация становится антицивилизованной и антигуманистической как для самих ее носителей, так и для окружающих людей.

По современным исследованиям в нашей стране, почти половина (49,9%) опрошенных отмечает, что для них наиболее важной является «ответственность за себя и своих близких», тогда как готовность «участвовать в решении общих дел» выражают лишь 6,2%; нести «ответственность за то, что происходит в стране и обществе» — 9,7%³¹. Отмечается также, что в общественном сознании с начала 90-х годов зафиксировано усиление эгоистических мотивов и нравственного релятивизма. Наиболее резкие подвижки коснулись оценки роли материального благосостояния. Представители старших возрастов (69,3%) в дилемме «материальное благополучие или спокойная совесть» предпочитают последнюю, но молодые люди до 21 года в большинстве своем нацелены на благополучие любой ценой³². 43,8% молодежи «готовы драться за свое место в жизни и переступить ради своего благополучия через моральные нормы»³³.

Усиление потребительской ориентации материального характера, по-

нижение жизненного уровня и ослабление ориентиров высокой духовности большинства россиян, естественно, отрицательно сказывается на оценке происходящей реформации страны, выдвигает требование изменить вектор этого реформирования в сторону учета социальных нужд народа, гуманизации духовного облика человека. Нашему российскому умунастроению становится созвучен призыв к развертыванию «морального гражданского движения» за создание общества социальной справедливости³⁴.

Для выхода из кризиса и последующего развития российской цивилизации требуется повышение цивилизованности прежде всего самого человека, его сознания, условий воспроизводства. Поскольку реформация привела к кризису общественные ориентиры труда, жизни, культуры, образования и науки, всего российского общества, то на их опережающее восстановление и развитие следует обращать особое внимание. Чтобы полноценно жить, нам нужны не извне привносимые и в большинстве своем невысокого уровня ценности западной и американской культуры, а другие, настоящие собственные. Среди них в первую очередь образ действительно свободного, трудового и социально справедливого общества, основанного на глубоком уважении трудящегося человека, взаимопомощи и «милости к падшим».

Трудовая аскеза еще сохранилась в нашем народе. «Средний» россиянин (русский), по исследованиям, чувствует потребность в труде не столько ради приумножения материальных благ, сколько ради того, чтобы жить как хочется, получая от этого моральное удовлетворение. Правда, он не очень высоко ставит свои «деловые» качества (активность, дисциплинированность, аккуратность, трудолюбие и т.д.), но зато выделяет такие качества, как душевность, щедрость, доверчивость, приветливость. Эти преимущественно «неэкономические» черты характера россиянина, отмечают исследователи, «могут достаточно органично вписаться в самоограничительные тенденции экологической цивилизации грядущего века»³⁵.

Восстановление и развитие потенциала духовной жизни нашей страны возможно прежде всего через сохранение и защиту своих национальных культурных ценностей. Не последняя, если не первая роль здесь принадлежит самоутверждению и расширению влияния в народе ценностей православной церкви, ее нравственных постулатов. Сегодня возрождение «духовного образа России» — одна из главных функций религиозного воспитания. С точки зрения религиозного мировоззрения спасение души выше меркантильных расчетов. Религиозное сознание высоко ценит добросовестный труд, но прежде всего — отношение к человеческой жизни как к высшей ценности, данной Богом. Но этим не отрицается,

конечно, ни забота человека о хлебе насущном, ни здоровое соперничество в удовлетворении разумных потребностей.

С другой стороны, необходимо учитывать, что у нас порой со стороны «верхов» приверженность православию используется в идеологических целях для демонстрации деидеологизации, обновления (перевертывания) своих мировоззренческих представлений. Кроме того, возникают сомнения, что религия может в достаточной мере способствовать восстановлению общечеловеческих норм морали и справедливости. «Такой курс, — по мнению некоторых ученых, — совершенно бесперспективен и губителен для современной цивилизации — прежде всего из-за авторитарной и конфронтационной природы культового мировосприятия... любому Богу нужен свой дьявол, а истинная вера содержит в себе противостояние ложной»³⁶.

Решающим источником сохранения и развития культурных традиций нашего народа и саморазвития россиян является система образования и воспитания, главной задачей которой выступает раскрытие индивидуальных способностей каждого человека. Эта система призвана возвышать духовный облик индивида, вырабатывать у него навыки самостоятельного логического анализа, критичности в осмыслении социальных проблем. Наша система образования способна формировать мировоззрение, основанное на научных знаниях, «поднимать» человеческое сознание над узкопрагматическими обыденными целями и ориентирами, главным образом, воспроизводства телесной жизнедеятельности, нести понимание ценностей свободы выбора путей самореализации индивидуальных способностей, повышения качества своей индивидуальной и общественной жизнедеятельности.

Решение данной проблемы саморазвития индивидов отвечает и национальным, и общечеловеческим установкам настоящего и будущего. Именно в русле решения этой проблемы шли поиски смысла так называемой «русской идеи» отечественными философами дореволюционного времени. Они связывали эту идею с осмыслением не только совокупности определенных черт религии, русского характера или ценностей самобытной культуры России, но и с процессом свободного и творческого саморазвития индивидуальности каждого человека, видели в этом перспективы российской самобытности. «Русскую самобытность, — писал Н.А.Бердяев, — не следует смешивать с русской отсталостью. Россия — страна культурно отсталая. Это факт неоспоримый. В России много варварской тьмы. Но национальная самобытность ничего общего не имеет с отсталостью — она должна выявиться на высших, а не низших ступенях развития. Наиболее самобытной будет грядущая, новая Россия, а не старая отсталая...»³⁷.

Наиболее «существенного в мире есть только разумно свободная личность, — отмечал в дневнике И.В.Киреевский. — Она одна имеет самобытное значение. Все остальное имеет значение только относительное»³⁸. Рассуждая о русской идее, Л.П.Карсавин замечает: «Не есть ли индивидуальная личность момент высшего единства, высшей личности, которую я называю симфонической»³⁹.

Решение проблемы формирования индивида, выявления его самобытных способностей требует совершенствования системы образования и воспитания, постоянного повышения научного потенциала всех отраслей знания и хозяйственной практики. В России сейчас сохраняется лучшая в мире по качеству система образования и воспитания. Можно привести для доказательства хотя бы такой факт, что лед недоверия к нашим вузовским дипломам за рубежом быстро растаял после повсеместного практического знакомства с эмигрировавшими специалистами. Сегодня проблемы образования, воспитания и науки состоят в решении не только их собственных задач самосовершенствования, но главным образом материального обеспечения преподавательского состава, обновления научно-технической базы. Вся сфера культуры в настоящее время испытывает финансовые трудности, ибо, например, система государственных культурных учреждений (библиотеки, музеи, театры и т.д.) в отличие от коммерческих заведений не может полагаться на самофинансирование. Разрушение же этих учреждений несет значительный ущерб самообразованию и саморазвитию, духовному облику россиян.

Существенные резервы восстановления морали, высокой культуры и нравственности заложены, как известно, в нашем национальном искусстве. Наше современное искусство подвержено значительному влиянию западных образцов коммерческой западной масскультуры. Противостоять этому влиянию может только восстановление и развитие образцов и ценностей нашего национального классического искусства, выполняющего функции формирования идеалов Добра, Истины, Справедливости и Красоты. Формы и средства реализации этих идеалов в самом искусстве могут быть многообразными, но главное требование при этом, чтобы они были понятны широкому зрителю, слушателю, читателю, вызывали у него сопереживание изображаемому, и что немаловажно, стремление помочь людям, обществу в решении жизненных проблем, в частности, повышению уровня их культуры и цивилизованности. Сегодня же в большинстве своем наше искусство — живопись, кино, театр, литература — имеет тенденцию, с одной стороны, изображать самые низменные чувства людей, а с другой — выдавать «бурлески» фантазии, «зауми» самовыражения и самоутверждения своего «я», демонстрировать свободу творчества. Трудно

сказать о возможностях цивилизовать человека со стороны такого искусства. Рынок и искусство могут сопрягаться, но высокое искусство творится прежде всего ради выражения гуманистических и социально-гражданских позиций, а не ради рыночной конъюнктуры.

Культура включает все позиции саморегуляции поведения человека, в том числе и гражданские. Самореализация и саморазвитие человека могут быть более полноценными и полными, если данные процессы осуществляются не только «для себя» и не главным образом с целью личного материального обогащения, а для себя и общества, посредством прежде всего духовного самообогащения. Преодолевать преобладание своих потребительских материальных устремлений можно именно через развитие духовно-культурных и гражданских позиций, формирующих мировоззрение общественно-значимого типа, ориентации коллективистского сотрудничества и взаимопомощи. Это особенно важно для развития и утверждения процесса демократизации нашего общества, принципов равенства и справедливости. Прагматический взгляд на демократию как средство реализации только своих прав и свобод как раз и не дает в настоящее время ощутимых результатов развития нашего общества.

Свобода саморазвития индивида не может реализоваться в полной мере при ограничении как материальных или духовно-культурных, так и политических условий коллективного сотрудничества россиян. Самореализация в политической сфере требует гражданской нравственно-патриотической позиции, высокого уровня культуры демократии, реализации каждым индивидом своих политических прав, властных функций в рамках не безбрежной и безответственной стихии бесконтрольных проявлений, а цивилизованной демократии и демократической культуры.

Демократия становится действенной формой цивилизованной организации жизнедеятельности людей, когда не только фиксируется в законодательной системе прав и свобод личности, но и осознается и реализуется всеми субъектами общества, начиная от органов госвласти и кончая народными массами, а также опирается на традиции национального уклада жизни, национальной культуры.

В настоящее время справедливо говорят о демократии как об одной из высочайших политических, правовых и общечеловеческих ценностях цивилизации. Ее основополагающие начала рассматриваются как предельно формализованные, безличностно институциональные принципы свободы и равенства прав и обязанностей человека как гражданина своей страны, своего общества; это принципы равенства всех перед законом, выборности и сменяемости определенного круга лиц в управленческих структурах, гласности и общественного контроля за деятельностью власт-

ных структур, плюрализма мировоззрений и мироотношений, подчинения меньшинства большинству и вместе с тем учета мнений меньшинства, обеспечение гарантий его интересов, разделения, взаимоконтроля и взаимоуравновешивания законодательной, исполнительной и судебной власти. В то же время нельзя, разумеется, абстрагировать эти и другие принципы демократии от их реальной жизненной основы, то есть не замечать их возможной жизненной пустоты или бессодержательности применительно к тем ситуациям или индивидам, для которых они по разным причинам лишь звук пустой.

Необходимо избегать и другой крайности. Эпитетом «общечеловеческие» люди вообще часто награждают те ценности, которые они хотят увековечить, смешивая при этом идолы и идеалы. Между тем демократия, как и другие ценности цивилизации, явление историческое, развивающееся. Начиная с рабовладельческого общества она и ее принципы всегда наполнялись конкретно-историческим, в первую очередь сословно-классовым содержанием. Была, как известно, афинская («рабовладельческая») демократия, была средневековая («феодальная», «купеческая») демократия западноевропейских городов-республик, было новгородское вече, обеспечивающее «вольности» бояр и «житых людей» (ремесленников), а не смердов и тем более холопов. Громадный шаг вперед сделала современная демократия, но и она практически не носит какого-то социально-стертого характера, как это кажется некоторым публицистам и политологам, хотя и в целом человечество движется к демократии, которая не будет ни «буржуазной», ни «социалистической», а будет истинно общечеловеческой, то есть фактически лишенной каких-либо групповых, классовых, расовых, религиозных признаков или номенклатурных привилегий, влияющих на суверенную самооценку человеческой личности.

Демократическое общество — «открытое общество». Именно в нем возможен реальный поворот к человеку как «мере всех вещей», основанной на свободе и ответственности личности. Цивилизованный человек — это не просто свободный человек, а человек, умеющий пользоваться свободой, ибо всем понятно, что в личном плане свобода — это устранение ограничений. Но нельзя и без ограничений. Если со свободы снимаются все ограничения, то она перестает быть свободой, перерастает в несвободу или становится «слишком дорогой свободой».

При цивилизации свобода не приемлет уравнилельной справедливости, когда «всем поровну» и гаснут стимулы творческой активности. Демократия предполагает равенство в неравенстве. Это значит, что все люди имеют равное право на жизнь и на достойное человеческое существова-

ние в этой жизни, но одновременно признается, что никогда и никому не удастся выровнять потребности и способности людей по какой-то равной мерке, и только их неравенство стимулирует жизнь, создает в ней творческое напряжение, удовольствие или недовольство ее жизненными благами и условиями, возможностями и достижениями.

Ориентация на демократические ценности предполагает постоянную повседневную реализацию прав и свобод личности, защиту людей от зла, насилия и страданий. Именно в конкретной социальной защите людей Поппер видел суть государственного и общественного управления. «Если бы, — писал он, — я должен был бы дать простую формулу или рецепт для различения того, что я определяю как допустимые планы общественной реформы и недопустимые проекты утопии, то мог бы сказать так: действуй скорее для устранения конкретного зла, чем для реализации абстрактного добра. Не пытайся обеспечить счастья политическими средствами. Стремись скорее уничтожить конкретные страдания. Но не пробуй реализовать эти цели путем выработки и воплощения в жизнь абстрактного идеала общества, совершенного во всех отношениях. Не позволяй, чтобы твои мечты о прекрасном мире увели тебя от требований людей, страдающих сегодня рядом с тобой. Ни одно поколение не может быть принесено в жертву для блага будущих поколений, во имя идеала счастья, может быть, вовсе не реализуемого. Человеческое страдание — самая острая проблема рациональной социальной политики, в то время как счастье такой проблемой не является»⁴⁰.

Демократия как равноправие и соучастие членов общества в решении проблем личного и общественного благополучия неотделима от роста культуры, образованности и воспитанности людей. Россия перед выбором! Но наше общество нуждается сегодня во всестороннем развитии не культуры вообще, а демократической культуры. Демонстрируя интеллектуальное и духовное богатство общества, демократическая культура свидетельствует, что только то общество более цивилизовано, в котором безличностно-институциональные параметры демократии в значительно большей степени представляют собой и реально действующую систему норм и ориентиров повседневной жизни людей, их поведения и общения, морали и нравственности.

Сегодняшняя наша демократия почти не имеет опоры в основах нашей национальной культуры и социальной жизни. Не может быть цивилизованной демократия декларативного или парламентского, «верхушечного» типа при «безмолвствующем народе». Демократия не работает, если народ пассивен, если ее правила, нормы, принципы не вошли в плоть и кровь как управляющих, так и управляемых. Огромный вред демократии нано-

сят рецидивы показухи, равнодушия, отрыва слова от дела, пустой говорильни, имперских амбиций или местничества, невыполнимых обещаний и формальное привлечение к принимаемым узким кругом руководства решениям «согласия народа», максимально облучаемого «виртуальными» информационными полями через СМИ. Все это, можно сказать, составляет антицивилизованную и антикультурную «демократию» только для себя, своих эгоистических интересов, популистской реализации власти.

Демократическое сознание призвано включать в качестве своих ориентиров и показателей не только высокий компетентный «глас» народа, но и его волю противостоять любому насилию и авторитаризму, одним словом, любым формам деспотизма. Именно тогда, когда люди в большей своей массе, в равной мере и компетентно будут соучаствовать в решении государственных вопросов организации своей общественной и индивидуальной жизнедеятельности и когда они в этом процессе будут исключать деспотизм, а ориентироваться в первую очередь и главным образом гуманистической благотворностью, свободой всех и каждого, возможно построение действительно культурно-демократического общества. Но не только высокий уровень культуры и участия каждого индивида в решении управленческих проблем общества призваны обеспечить демократизацию общества. Сама государственная система должна также способствовать данной демократизации общества. «Только демократическое государство, — по словам американского ученого М. Уолцера, — может создать демократическое гражданское общество, только демократическое гражданское общество может поддерживать демократическое государство. Гражданственности, делающей возможной демократическую политику, можно научиться только в ассоциативных сетях, которые должны укрепляться с помощью демократического государства»⁴¹.

Научиться не просто свободе, а цивилизованной свободе можно через ассоциативные связи самоуправляемых объединений людей. Поддержка и защита этих объединений — задача демократического государства. Оно же своей демократизацией может содействовать переходу государственных политических реформ управления в неполитические гражданственные формы самоуправления общества, а это и есть истинная мера цивилизованной демократии и свободы, которая призвана пробивать себе дорогу среди большинства еще сохраняющихся авторитарных режимов и более или менее демократических стран Запада и «европеизирующего» Востока.

Демократия и культура — способы взаиморазвития как друг друга, так и индивида, общества в целом, обогащения и реализации их творческих

способностей гуманистической благотворности. Демократия и культура — это также и открытость к диалогу разных национальных культур как важнейшему способу развития духовной жизни индивидов и общества. Однако данная открытость должна иметь разумные границы, реализовываться не в ущерб нашей национальной культуре, духовному облику и саморазвитию наших людей, а напротив, учитывать и заимствовать все лучшее и гуманистическое из культур других стран и народов во имя приумножения блага каждого нашего человека, общества в целом, повышения их цивилизованности, творческой самоотдачи.

По европейским меркам, наша самобытная социокультурная цивилизованность считается одной из самых молодых и основательных. При квалифицированном и патриотически ориентированном государственном руководстве у нас есть все условия не только для восстановления, но и постоянного развития нашей самобытной российской цивилизованности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вступающий в свои права XXI век выдвигает необходимость уточнения перспективных и гуманистических ориентиров и мер жизнедеятельности, развития людей. Нельзя предугадать со всей определенностью, что ждет человечество в наступающем веке, но вполне можно ответить на вопросы: чего оно не хочет и что нужно делать, чтобы исключить то, чего не хочет. Человечество не хочет нужды, бедности, истощения недр Земли, ее флоры и фауны. Оно устало от войн, апартеида и геноцида, экстремизма, тирании и деспотизма тоталитарных режимов. Ему не хочется антагонистического столкновения цивилизаций, попятного движения и т.д. Данные негативные губительные проявления нецивилизованности жизни и поведения людей, их отдельных объединений могут и должны изживаться человечеством в условиях усиления ориентирования его именно на цивилизованные меры своей жизнедеятельности.

Выживание человека и человечества, сохранение и увеличение позитивных и многообразных ценностей современной цивилизации возможны главным образом при реализации такой исходной меры развития этой цивилизации, каждого индивида, народа, как цивилизованность.

Разные люди связывают цели своей жизни, условия развития с разными мерами личностной самореализации: удовольствиями, комфортом, материальными благами, успехами, привилегиями, семейным счастьем, творческими достижениями, властью, долгом, совестью, культурой, воспитанием и т.д., а также с такими общественными критериями, как профессия, престиж, справедливость, демократические права и свободы личности и др. Эти меры и критерии оценки индивидуальной и общественной жизнедеятельности людей носят во многом частный характер. Они не выводят представления людей за рамки частных интересов в сторону ориентированности на согласование и реализацию общих или общественных, общемировых интересов, при игнорировании которых возникают известные трудности и кризисы общественной жизни индивидов.

Выход за рамки частных (эгоистических) интересов в сторону их со-

гласования с общественными есть мера истинной цивилизованности индивидов и общества. В этом случае цивилизованность выступает не только и не столько как мера нравственности людей, сколько как категория обозначения способа деятельности гуманистически-благотворного характера, созидания общественных благ для себя и других, общества в целом. Гуманистическая благотворность есть «клеточка» и мера цивилизованности индивидов, народов, общества, цивилизации. По «режиму» гуманистической благотворности, степени ее реализации в жизни, деятельности, поступках людей, условиях их общественного бытия можно судить о мере их развития — цивилизованности.

Обоснование сути цивилизованности как меры деятельно-гуманистической благотворности людей, условий их жизни позволяет не только существенно уточнить и конкретизировать ее смысл, но и открыть ее многообразные социокультурные и познавательно-методологические возможности. Цивилизованность есть идеал и мера развития человеческих качеств индивидов безотносительно к их классовой или групповой принадлежности. Ее сущность как способа гуманистической благотворности выступает показателем и мерой интеграции индивидуального и социального, материального и духовного в жизнедеятельности индивидов и общества. Она помогает конкретизировать достойные человека, людей цели, пути и средства их развития. Характер цивилизованности требует согласования целей и средств их реализации. Человечное, гуманистическое, разумно-нравственное, духовно-культурное, социальное и трудовое ориентирование должно превалировать в выборе целей и средств реализации жизнедеятельности и отношений людей выступать исходными мерами оценки их цивилизованности.

Иной характер целей и средств предполагает эгоизм, невежество, насилие, эксплуатация, низменные интересы наживы, ведущие к противоречию индивидуального и социального, материального и духовного в жизни людей даже в условиях демократии, превалирования прав и свобод личности, высокого уровня благосостояния общества. Абсолютизация индивидуального во имя благополучия и превосходства есть признак и мера нецивилизованности людей, общества. Нельзя при этом смешивать гуманистические ориентиры и ценности развития индивида как личности в рамках коллективистских общественных отношений с эгоистическими формами устремлений людей к получению собственной выгоды, привилегий за счет других. Последние фактически независимо от типа социального устройства общества стали источниками глобальных проблем современности, которые не в силах разрешить даже постиндустриализм, если люди не будут следовать принципу цивилизо-

ванности как мере их деятельно-благотворной нравственно-разумной жизни.

Практика нашей страны также показывает, что разрушение ценностей сочетания и единения индивидуального и социального, материального и культурно-нравственного порождает антицивилизованность, хаос и разрушение, дезорганизацию общества. Выход из кризиса нашего общества возможен только посредством восстановления цивилизованности каждого и всех. Для этого необходима модернизация нашей экономики на основе передовых достижений постиндустриализма с учетом, однако, собственного имеющегося потенциала, ^{а также} отрицательных, негативных последствий современного научно-технического прогресса, потребительской «масс-культуры». Требуется также восстановление таких мер цивилизованности, как трудовой и культурно-нравственный потенциалы людей, ответственность за свои действия и поступки перед людьми, обществом. Реформация и демократизация общества должны носить правовой цивилизованный характер, твориться гуманистическими средствами ради развития каждого человека. Цивилизованность должна стать идеей консолидации наших соотечественников, мерой перспективы их жизни и развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

ГЛАВА I

- ¹ См.: Гердер И.Г. Идея к философии и истории человечества. М.: Прогресс, 1977. Т. 1. С. 7.
- ² См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1889. С. 111.
- ³ См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 1992. Т. 1.
- ⁴ Семенов Ю.Н. Социальная философия А. Тойнби. М.: Наука. 1980. С. 17.
- ⁵ Там же. С. 46.
- ⁶ Бродель Ф. Время мира // Материальная цивилизация. Экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс, 1992. С. 60.
- ⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 34.
- ⁸ Мchedlov М.П. Социализм — становление нового типа цивилизации. М. 1980. С. 58–59.
- ⁹ Коган Л.Н. Теория культуры. Екатеринбург, 1993. С. 12.
- ¹⁰ Глазман М.С. История культуры — история диалога культур // В поисках нового: Вуз. учеб. программа по теории и истории культуры. Самара, 1993. С. 122.
- ¹¹ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1992. Т. 1. С. 114.
- ¹² Бердяев Н.А. Человек и машина / Проблемы социологии и метафизики техники // Вопр. философии. 1989. № 2. С. 149–151.
- ¹³ Какабадзе З.М. Культура и цивилизация. Тбилиси. 1979. С. 194.
- ¹⁴ См.: Сагатовский В.Н. Понятие цивилизации в системе фундаментальных характеристик исторического процесса // Цивилизация как проблема исторического материализма. М., 1983. Ч. 3. С. 6.
- ¹⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 173–174.
- ¹⁶ Еремеев А.Ф. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура: Курс лекций: В 2-х ч. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. Ч. 1. С. 61–62.
- ¹⁷ Семенов В.С. Капитализм и классы. М., 1969. С. 32.
- ¹⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 26.
- ¹⁹ См.: Новикова Л.И. Цивилизация и культура в историческом процессе // Вопр. философии. 1982. № 10. С. 56.
- ²⁰ См.: Мchedlov М.М. Понятие «цивилизация»: история и методология // Философия и общество. 1999. № 1. С. 144.
- ²¹ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 476.
- ²² Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопр. философии. 1992. № 5. С. 7.
- ²³ Мchedlov М.П. Понятие цивилизации в марксистско-ленинской теории. М.: Знание. 1979. С. 38.
- ²⁴ Барз М.А. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 35.
- ²⁵ Ахизер А.С. Самобытность России как научная проблема // Отечеств. история. 1994. № 4–5. С. 5.
- ²⁶ См.: Тоффлер О. Третья волна: Реферативное изложение // США: экономика, политика, идеология. 1982. № 7. С. 85.

- ²⁷ См.: *Нестерова Д.В.* Экономический рост: проблемы управления и гуманизации. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. Гл. III.
- ²⁸ *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 100—101.
- ²⁹ *Черняк Е.Б.* Цивилизации и революции // *Новая и новейшая история.* 1993. № 4. С. 63.
- ³⁰ См. *Яковец Ю.В.* У истоков новой цивилизации. М.: Дело, 1993. С. 56.
- ³¹ См.: *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- ³² См.: *Климашин И.А.* Календарь и хронология. М., 1985. С. 45—46.
- ³³ *Мчедлова М.М.* Понятие «цивилизация»: история и методология // *Философия и общество.* 1999. № 1. С. 149.
- ³⁴ *Еремеев А.Ф.* Первобытная культура: происхождение, особенности, структура. Курс лекций: В 2 ч. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. Ч. 1. С. 72.
- ³⁵ Цит. по: *Киссель М.А.* Цивилизация как диалектический процесс / Проблема цивилизации и философии Р.Дж. Коллингвуда // *Цивилизации.* Вып. 1. М., Наука, 1992. С. 49.
- ³⁶ *Мотрошилова Н.В.* Рождение и развитие философских идей. М., 1991. С. 30—31.
- ³⁷ См.: *Elias N.* Power and Civility. The civilizing process. Vol. 11. N.Y. 1982. P. 238.
- ³⁸ См.: *Мнения философов.* Псевдо-Плутарх // *Человек.* 1998. № 3.
- ³⁹ *Гельвеций К.А.* О человеке // Соч.: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 101.
- ⁴⁰ Цит. по: *Караетьян А.М.* Концепция судьбы у китайских философов // *Понятие судьбы в контексте разных культур.* М., 1994.

ГЛАВА II

- ¹ См.: *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук // Соч. Т. 1. М., -Л., 1929. С. 186.
- ² *Гегель Г.В.Ф.* Учение о бытии. Соч. Т. 5. М., -Л., 1937. С. 434.
- ³ *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 250.
- ⁴ Там же. С. 255—256.
- ⁵ Там же. С. 307—309.
- ⁶ См.: *Плетников Ю.К.* Формационная и цивилизационная триада // *Свобод. мысль.* 1998. № 3. С. 109—110.
- ⁷ *Гегель Г.В.Ф.* Философская пропедевтика // *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет: В 2 т. Т. 2. М., 1971. С. 100.
- ⁸ *Мотрошилова Н.В.* Указ. соч. С. 19.
- ⁹ *Юдин Б.Г.* «Возможна ли нравственная психология?» — проблема шире названия // *Человек.* 1998. № 3. С. 120.
- ¹⁰ *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 1994. С. 109.
- ¹¹ *Тойнби Дж. А.* Цивилизация перед судом истории. СПб. 1996. С. 385—386.
- ¹² См.: *Словарь иностранных слов.* М.: Русский язык, 1989. С. 151.
- ¹³ См.: *Gelen A.* Philosophische Anthropologie und Handlunglehre. Frankfurt A. M. 1983. S. 132—133.
- ¹⁴ См.: *Вишнякова Н.Ф.* Креативная психология: психология творческого обучения. Ч. 1. М., Ротапринт НИО, 1995. С. 125.
- ¹⁵ *Осипова О.С.* Девиантное поведение: благо или зло? // *Социс.* 1998. №9. С. 107.
- ¹⁶ Там же. С. 108—109.
- ¹⁷ *Зачем нужна слава: высказывания и размышления П.Л.Капицы* // *Природа.* 1994. № 4. С. 82.
- ¹⁸ *Платон.* Пир // Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 135.
- ¹⁹ См.: *Витальи И.* Общество, культура, социология. М., 1984. С. 72—74.
- ²⁰ См.: *Лойфман И.Я.* Культура как плодотворное существование: Лекция 3 // *Двенадцать лекций по философии.* Екатеринбург, 1996. С. 26.
- ²¹ *Юнг К.Г.* Приближаясь к бессознательному // *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности.* М.: Прогресс. 1990. С. 390—391.
- ²² Там же. С. 389.
- ²³ Там же. С. 390.
- ²⁴ *Теплов Б.М.* Современное состояние вопроса о типах высшей нервной деятельности человека и методиках их определения. М., 1964. С. 8, 10.
- ²⁵ *Мурзабаев К.* Психология ответственности. Л., 1983. С. 47.
- ²⁶ Там же. С. 52.
- ²⁷ Там же. С. 54—55.

- ²⁸ Там же. С. 88–89.
²⁹ Там же. С. 103.
³⁰ Дилигенский Г.Г. К новой модели человека // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 10. С. 50.
³¹ Кон И.С. Личность как субъект общественных отношений. М., 1965. С. 61.
³² *Encyclopeden of World Problems and Human Potential* // Edit. by Union of International Associations. Munchen, N.Y., Paris, 1991. Vol. 2. P. 947.
³³ Фромм Э. Человек для себя. Минск. 1993. С. 53.
³⁴ См.: Кант И. Метафизика нравов // Соч. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 147.
³⁵ Шарден П.Т. де. Феномен человека. М., 1987. С. 207–208.
³⁶ См.: Социология. Основы общей теории / Г.В.Осипов, Л.Н.Москвичев, А.В.Кобыща и др. М., 1996. С. 166.
³⁷ Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С.122.
³⁸ Поннер К. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1993. Т. 1. С. 216.
³⁹ Collingwood R.Y. *Essays in Political Philosophy*. Oxford, 1989. P. 224.
⁴⁰ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 48.
⁴¹ Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // Вопр. философии. 1996. № 6. С. 20.
⁴² Токиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс. 1992.
⁴³ Россия и Запад — взаимодействие культур / Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 25.
⁴⁴ Цит. по: Лезов С. Миф о правовом государстве // Октябрь. 1991. № 3. С. 139.

ГЛАВА III

- ¹ Емохнова Л.Г. Профессионально-квалификационная структура занятости во Франции: новые тенденции // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1988. С. 117.
² Васильчук Ю.А. Эпоха НТР: «экономическое чудо» как воплощение мировой культуры // Полис. 1996. № 6. С. 5.
³ См.: Савинов Ю.А., Щербина Ю.Д. ЭВМ в американской школе: тенденции и проблемы // США — экономика, политика, идеология. 1985. № 11. С. 90.
⁴ Цит. по: Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: Западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990. С. 106.
⁵ Кара-Мурза С.Г. Наука и кризис цивилизации // Вопр. философии. 1990. № 9. С. 12.
⁶ Цит. по: Хруцкий В. Реферат статьи Питера Дракера «Труд и управление в современном мире» // Российский экономический журнал. 1993. № 5. С. 70.
⁷ См.: Евенко Л.И. Уроки американского менеджмента / Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1993. С. 12.
⁸ См.: Файоль А. Учение об управлении // Научная организация труда и управления. М., 1965. С. 25–26.
⁹ См.: Грачев М.В. Суперкадры. Управление персоналом в международной корпорации. М.: Дело, 1993. С. 25–26.
¹⁰ См.: Ходов Л. Управленческие решения в условиях неопределенности // Российский экономический журнал. 1993. № 12. С. 68–71.
¹¹ См.: Галиев Г.Т., Галимов Р.А., Иванов В.И., Патрушев В.И. Рациональный социум: проблемы социальной технологии. М.: Изд-во РАУ, 1993. С. 59.
¹² См.: Toffler A. *The Third Wale*. N.Y. 1981. P. 420–421.
¹³ Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному обществу // Полис. 1993. № 5. С. 32.
¹⁴ См.: Ritter G.A. *Der Sozialstaat*. Munchen: Oldenbourg, 1989. S. 192.
¹⁵ См.: Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1979. С. 223.
¹⁶ См.: Кочеврин Ю. Акционерная собственность и контроль в крупных корпорациях // Мировая экономика и международные отношения. 1978. № 5. С. 47–48.
¹⁷ Milner H. *Sweden: Social Democracy in Practice*. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 205.
¹⁸ См.: Дарендорф Р. Указ. соч. С. 32.
¹⁹ Flach K.H. *Noch eine chance für die Liberalen*. F.a.m. 1971. S. 17.
²⁰ Schumacher E.F. *Small is beatiful*. L. 1975. P. 31–32.
²¹ Bell D. *The Comig of Post-Industrial Society*. N.Y. 1976. P. 294.

- ²² Sakija T. The Knowledge — Value Devolution or A History of the future. Tokyo — N.Y., 1991. P. 270.
- ²³ Там же. P. 66.
- ²⁴ Drucker P.F. Post-Capitalist Society. N.Y., 1993. P. 64.
- ²⁵ Davidson L.D. Lord William Ress-Mogg. N.Y., 1997. P. 185.
- ²⁶ Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1981. P. 140.
- ²⁷ Yates B. The Road Ahead. N.Y., -L., 1996. P. 36.
- ²⁸ Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nacaychi. Oxford, 1997.
- P.X.
- ²⁹ Ingehart R. Cylture Shift in Advanced Industrial Society, Princeton (N.I.) 1990. P. 5.
- ³⁰ См.: *Современные буржуазные теории общественного развития*. М., 1984. С. 64.
- ³¹ Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nacaychi. Oxford, 1997.
- P. 148.
- ³² См.: *Устойчивое развитие: какой должна быть стратегия России* // *Вопр. философии*. 1996. № 10. С. 157.
- ³³ См.: *Андрианов В. Государственное регулирование и механизмы саморегуляции в рыночной экономике /Мировой опыт и Россия/* // *Вопросы экономики*. 1996. № 9. С. 36.
- ³⁴ Там же. С. 37.
- ³⁵ См.: *Дарендорф Р. Указ. соч.* С. 32.
- ³⁶ Rittter G.A. Der Sozialstaat. Munchen, Oldenbourg, 1989. S. 203.
- ³⁷ Цит. по: *Щелкин А.Г. В плену новых иллюзий*. М., 1983. С. 7.
- ³⁸ *Щелкин А.Г. Указ. соч.* С.8.
- ³⁹ Буртин Ю. Россия и конвергенция // *Октябрь*. 1998. № 1 С. 150.
- ⁴⁰ Там же. С. 151.
- ⁴¹ Кутырев В. XXI век: конец культуры? // *Москва*. 1998. № 9. С.8–9.
- ⁴² См.: *Мезенцева А.П. На пути к единению человечества*. М., 1993. С. 27.
- ⁴³ См.: *Мунтян М.А, Дах ии В.Н. К вопросу о контурах мира* // *Кентавр*. 1995. № 2.
- C. 11.
- ⁴⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // *Полис*. 1994. № 1. С. 48
- ⁴⁵ Там же. С. 43.
- ⁴⁶ Там же. С. 48.
- ⁴⁷ Фукуяма Ф. Конец истории? // *Вопр. философии*. 1990. № 3. С. 148.
- ⁴⁸ Кутырев В.А. Устойчивое общество: его друзья и враги // *Москва*. 1999. № 3. С. 161.
- ⁴⁹ Хантингтон С. Указ. соч. С. 48.

ГЛАВА IV

- ¹ *Евразийство: за и против, вчера и сегодня: Материалы «круглого стола»* // *Вопр. философии*. 1995. № 6.
- ² См.: *Кантор К.М. Какой он — путь к цивилизации?* *Вопр. философии*. 1992. № 11; *Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы* // *Вопр. философии*. 1994. № 12; *Нестеров В.Г., Мельник В.И. Цивилизация как понятие и идея*. Екатеринбург, 1996; *Галиев Г.Т., Мельник В.И., Нестеров В.Г., Умеркаев Ф.Г. Цивилизация и культура межнациональных отношений*. Уфа, 1996.
- ³ См.: *Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса* // *Вопр. истории*. 1992. № 2.
- ⁴ *Соловьев С.М. История России с древнейших времен* // *Соч.:* В 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. IX. Т. 17–18. С. 516–517.
- ⁵ Там же. Кн. I. Т. 1–2. С. 172.
- ⁶ *Герцен А.И. Собр. соч.:* В 8 т. М.: Правда, 1977. Т. 3. С. 375.
- ⁷ *Вернадский В.И. Из дневников 1941 года*. // *Лит. газ.* 1988. 16 марта.
- ⁸ *Кочетов Э. Неозкономика — новая цивилизационная модель экономического развития и Россия* // *Мировая экономика и международные отношения*. 1977. № 3. С. 80.
- ⁹ Там же. С. 81–82.
- ¹⁰ *Кочетов Э. Неозкономика — новая цивилизационная модель* // *США: экономика, политика, идеология*. 1977. № 10. С. 54–55.
- ¹¹ Там же. С. 56.
- ¹² См.: *Ершов Ю.Г. Философия права*. Екатеринбург, 1995. С. 19–20.
- ¹³ *Артемова О.В. Демократия в России и Америке* // *Вопр. философии*. 1996. № 6. С. 166.

- ¹⁴ См.: *Осипов Г.В.* Место и роль глобальных проблем в концепции безопасности Российской Федерации // *Безопасность*. 1993. № 4. С. 31.
- ¹⁵ См.: *Семенова С.Г.* Паладин вечности // *Вопр. философии*. 1993. № 1. С. 129.
- ¹⁶ *Моисеев Н.Н.* XXI век — век свершений // *Полис*. 1993. № 4. С. 153.
- ¹⁷ *Нестерова Д.В.* Экономический рост: проблемы управления и гуманизации. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. С. 4.
- ¹⁸ См.: *Моисеев Н.Н.* Агония. Размышления о современном тоталитаризме. Свободная мысль. 1999. № 5 С. 18.
- ¹⁹ См.: *Ершов Ю.Г.* Право, государственная служба и проблемы модернизации российского общества // *Философия Урала*. Екатеринбург, 1999. С. 280.
- ²⁰ См.: *Сергеев В.М., Бирюков Н.В.* В чем секрет «современного» общества // *Полис*. 1998. № 2. С. 60–62.
- ²¹ См.: *Сакав Р.* Режимная система и гражданское общество в России // *Полис*. 1997. № 1.
- ²² См.: *Шевцова Л.* Россия политическая. М.: Московский центр Карнеги. 1997.
- ²³ *Мотрошилова Н.В.* Указ. соч. С. 29.
- ²⁴ См.: *Галкин А.А., Красин Ю.А.* Россия на перепутье. Авторитаризм и демократия: варианты развития. М.: «Весь мир», 1998. С. 15.
- ²⁵ *Панарин А.С.* Философия политики. Учеб. пособие. М.: Наука, 1994. С. 15.
- ²⁶ Там же. С. 45.
- ²⁷ *Галкин А.А., Красин Ю.А.* Указ. соч. С. 161.
- ²⁸ *Ершов Ю.Г.* Право, государственная служба и проблемы модернизации российского общества // *Философская жизнь Урала*. Екатеринбург, 1999. С. 288.
- ²⁹ См.: *Российская модернизация: проблемы и перспективы / Материалы «круглого стола»* // *Вопр. философии*. 1993. № 7. С. 9–10.
- ³⁰ См.: *Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок // *Вопр. философии*. 1992. № 5.
- ³¹ См.: «Современное российское общество: переходный период. Результаты социологического опроса населения России, проведенного в декабре 1998 года» / Под ред. В.А.Мансуров. М., 1998. С. 23.
- ³² *Тихонова Н.* Социальное самочувствие и ценности россиян // *Общая газета*. 1997. 10–16 июля. С. 9.
- ³³ *Горшков М./рук. авторской группы/.* Новая Россия // «НГ–сценарий». 1988. № 2. С. 4–5.
- ³⁴ *Галкин А., Красин Ю.* Фельдфебеля в Вольтеры? // *Свободная мысль*. 1995. № 9. С. 15.
- ³⁵ «Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? / Аналитический доклад по заказу московского правительства Фонда им. Ф.Эверта». М., 1998. С. 35.
- ³⁶ *Назаретян А.П.* Историческая эволюция морали: прогресс и регресс // *Вопр. философии*. 1992. № 3. С. 93.
- ³⁷ *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 58.
- ³⁸ *Киреевский И.В.* ПСС: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 274.
- ³⁹ *Карсавин Л.П.* Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1. С. 22.
- ⁴⁰ Цит. по: *Захер Л.* Падение коммунизма. Что дальше? От тоталитаризма к демократии, или изменение парадигмы управления обществом // *Социс*. 1994. № 3. С. 147.
- ⁴¹ *Walzer M.* The Idea of Civil Society: a Path to a Social Reconstruction // *Dissent*, Spring, 1991. P. 302.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.А. Демократия как идея и процесс // *Вопр. философии*. 1996. № 6.
- Андрянов В. Государственное регулирование и механизмы саморегуляции в рыночной экономике / *Мировой опыт и Россия* // *Вопросы экономики*. 1996. № 9.
- Артемова О.В. Демократия в России и Америке // *Вопр. философии*. 1996. № 6.
- Ахмезер А.С. Самобытность России как научная проблема // *Отечеств. история*. 1994. № 4–5.
- Барг М.А. О категории “цивилизация” // *Новая и новейшая история*. 1990. № 5.
- Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994.
- Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1918.
- Бердяев Н.А. Человек и машина / *Проблемы социологии и метафизики техники* // *Вопр. философии*. 1989. № 2.
- Бродель Ф. *Время мира* // *Материальная цивилизация. Экономика и капитализм XV–XVIII вв.* Т. 3. М.: Прогресс, 1992.
- Буртин Ю. Россия и конвергенция // *Октябрь*. 1998. № 1.
- Васильчук Ю.А. Эпоха НТР: “экономическое чудо” как воплощение мировой культуры // *Полис*. 1996. № 6. С. 5.
- Вернадский В.И. Из дневников 1941 года. // *Лит. газ*. 1988. 16 марта.
- Витаньи И. Общество, культура, социология. М., 1984.
- Вишнякова Н.Ф. Креативная психология: психология творческого обучения. Ч.1. М., Ротпринт НИО, 1995.
- Галиев Г.Т., Галимов Р.А., Иванов В.И., Патрушев В.И. Рациональный социум: проблемы социальной технологии. М.: Изд-во РАУ, 1993.
- Галиев Г.Т., Мельник В.И., Нестеров В.Г., Умеркаев Ф.Г. Цивилизация и культура межнациональных отношений. Уфа, 1996.
- Галкин А., Красин Ю. Фельдфебель в Вольтеры? // *Свободная мысль*. 1995. № 9.
- Галкин А.А. Красин Ю.А. Россия на перепутье. Авторитаризм и демократия: варианты развития. М.: “Весь мир”, 1998.
- Гегель Г.В.Ф. Учение о бытии // *Соч.* Т. 5. М., -Л., 1937.
- Гегель Г.В.Ф. *Философская пропедевтика* // Гегель Г.В.Ф. *Работы разных лет*: В 2 т. Т. 2. М., 1971.
- Гегель Г.В.Ф. *Энциклопедия философских наук* // *Соч.* Т. 1. М., -Л., 1929.
- Гельвеций К.А. О человеке // *Соч.*: В 2 т. М., 1974. Т. 2.
- Гердер И.Г. Идея к философии и истории человечества. М.: Прогресс, 1977. Т.1.
- Герцен А.И. *Собр. соч.*: В 8 т. М.: Правда, 1977. Т. 3.
- Глазман М.С. История культуры — история диалога культур // *В поисках нового: Вуз. учеб. программа по теории и истории культуры*. Самара, 1993.
- Горшков М./рук. авторской группы/. *Новая Россия* // “НГ-сценарий”. 1988. № 2.
- “Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? / *Аналитический доклад по заказу московского правительства Фонда им. Ф.Эверта*”. М., 1998.

- Грачев М.В. Суперкадры. Управление персоналом в международной корпорации. М.: Дело, 1993.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
- Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М., 1979.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1889. ³ См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 1992. Т.1.
- Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному обществу // Полис. 1993. № 5.
- Двенадцать лекций по философии. Екатеринбург, 1996.
- Дилигенский Г.Г. К новой модели человека // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 10.
- Евченко Л.И. Уроки американского менеджмента / Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1993.
- Евразийство: за и против, вчера и сегодня: Материалы "круглого стола" // Вопр. философии. 1995. № 6.
- Емохонова Л.Г. Профессионально-квалификационная структура занятости во Франции: новые тенденции // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1988.
- Еремеев А.Ф. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура: Курс лекций: В 2-х ч. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. Ч. 1.
- Ершов Ю.Г. Право, государственная служба и проблемы модернизации российского общества // Философия Урала. Екатеринбург, 1999..
- Ершов Ю.Г. Философия права. Екатеринбург, 1995.
- Захер Л. Падение коммунизма. Что дальше? От тоталитаризма к демократии, или изменение парадигмы управления обществом // Социс. 1994. № 3.
- Зачем нужна слава: высказывания и размышления П.Л.Капицы // Природа. 1994. № 4.
- Какабадзе З.М. Культура и цивилизация. Тбилиси, 1979.
- Кант И. Метафизика нравов // Соч. Т. 4. Ч. 2. М., 1965.
- Кантор К.М. Какой он — путь к цивилизации? // Вопр. философии. 1992. № 11.
- Кара-Мурза С.Г. Наука и кризис цивилизации // Вопр. философии. 1990. № 9.
- Каралетьян А.М. Концепция судьбы у китайских философов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1.
- Киреевский И.В. ПСС: В 2 т. М., 1911. Т. 1..
- Киссель М.А. Цивилизация как диалектический процесс /Проблема цивилизации и философии Р.Дж.Коллингвуда// Цивилизации. Вып. 1. М., Наука. 1992.
- Климашин И.А. Календарь и хронология. М., 1985.
- Коган Л.Н. Теория культуры. Екатеринбург, 1993.
- Кои И.С. Личность как субъект общественных отношений. М., 1965.
- Кочеврин Ю. Акционерная собственность и контроль в крупных корпорациях // Мировая экономика и международные отношения. 1978. № 5.
- Кочетов Э. Неоэкономика — новая цивилизационная модель // США: экономика, политика, идеология. 1977. № 10.
- Кочетов Э. Неоэкономика — новая цивилизационная модель экономического развития и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 1977. № 3.
- Кутырев В. XXI век: конец культуры? // Москва. 1998. № 9.
- Кутырев В.А. Устойчивое общество: его друзья и враги // Москва. 1999. № 3.
- Лезов С. Миф о правовом государстве // Октябрь. 1991. № 3.
- Лойфман И.Я. Культура как плодотворное существование: Лекция 3 // Двенадцать лекций по философии. Екатеринбург, 1996.
- Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.

- Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.
- Мезенцева А.П. На пути к единению человечества. М., 1993.
- Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопр. истории. 1992. № 2.
- Мнения философов. Псевдо-Плутарх // Человек. 1998. № 3.
- Моисеев Н.Н. XXI век — век свершений // Полис. 1993. № 4.
- Моисеев Н.Н. Агония. Размышления о современном тоталитаризме. Свободная мысль. 1999. № 5.
- Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. М., 1991.
- Мунтян М.А., Дахин В.Н. К вопросу о контурах мира // Кентавр. 1995. № 2.
- Мурзабаев К. Психология ответственности. Л., 1983..
- Мчедлов М.П. Понятие цивилизации в марксистско-ленинской теории. М.: Знание. 1979.
- Мчедлов М.П. Социализм — становление нового типа цивилизации. М. 1980.
- Мчедлова М.М. Понятие «цивилизация»: история и методология// Философия и общество. 1999. № 1.
- Назаретян А.П. Историческая эволюция морали: прогресс и регресс// Вопр. философии. 1992. № 3..
- Научная организация труда и управления. М., 1965.
- Нестеров В.Г., Мельник В.И. Цивилизация как понятие и идея. Екатеринбург, 1996.
- Нестерова Д.В. Экономический рост: проблемы управления и гуманизации. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992.
- Новикова Л.И. Цивилизация и культура в историческом процессе // Вопр. философии. 1982. № 10.
- Осипов Г.В. Место и роль глобальных проблем в концепции безопасности Российской Федерации // Безопасность. 1993. № 4.
- Осипова О.С. Девиантное поведение: благо или зло? // Социс. 1998. №9.
- Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы// Вопр. философии. 1994. № 12.
- Панарин А.С. Философия политики. Учеб. пособие. М.: Наука, 1994.
- Платон. Пир // Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2.
- Плетников Ю.К. Формационная и цивилизационная триада // Свобод. мысль. 1998. № 3.
- Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: Западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1993. Т. 1.
- Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок// Вопр. философии. 1992. № 5.
- Российская модернизация: проблемы и перспективы / Материалы «круглого стола» // Вопр. философии. 1993. № 7.
- Россия и Запад — взаимодействие культур / Материалы «круглого стола» // Вопр. философии. 1992. № 6.
- Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
- Савинов Ю.А., Щербина Ю.Д. ЭВМ в американской школе: тенденции и проблемы // США — экономика, политика, идеология. 1985. № 11.
- Сагатовский В.Н. Понятие цивилизации в системе фундаментальных характеристик исторического процесса // Цивилизация как проблема исторического материализма. М., 1983. Ч. 3
- Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России// Полис. 1997. № 1.
- Семенов В.С. Капитализм и классы. М., 1969.
- Семенов Ю.Н. Социальная философия А.Тойнби. М.: Наука. 1980.
- Семенова С.Г. Паладин вечности // Вопр. философии. 1993. № 1..

- Сергеев В.М., Бирюков Н.В. В чем секрет "современного" общества // Полис. 1998. № 2.
- Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989.
- "Современное российское общество: переходный период. Результаты социологического опроса населения России, проведенного в декабре 1998 года" / Под ред. В.А.Мансуров. М., 1998.
- Современные буржуазные теории общественного развития. М., 1984.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: В 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. IX. Т. 17–18.
- Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
- Социология. Основы общей теории / Г.В.Осипов, Л.Н.Москвичев, А.В.Кобыща и др. М., 1996.
- Теплов Б.М. Современное состояние вопроса о типах высшей нервной деятельности человека и методиках их определения. М., 1964.
- Тихонова Н. Социальное самочувствие и ценности россиян // Общая газета. 1997. 10–16 июля.
- Тойнби Дж. А. Цивилизация перед судом истории. СПб. 1996.
- Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс. 1992.
- Тоффлер О. Третья волна: Реферативное изложение // США: экономика, политика, идеология. 1982. № 7.
- Устойчивое развитие: какой должна быть стратегия России // Вопр. философии. 1996. № 10.
- Файоль А. Учение об управлении // Научная организация труда и управления. М., 1965.
- Фромм Э. Человек для себя. Минск. 1993.
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.
- Ходов Л. Управленческие решения в условиях неопределенности // Российский экономический журнал. 1993. № 12.
- Хруцкий В. Реферат статьи Питера Дракера "Труд и управление в современном мире" // Российский экономический журнал. 1993. № 5.
- Цивилизации. Вып. 1. М., Наука. 1992.
- Черняк Е.Б. Цивилизации и революции // Новая и новейшая история. 1993. № 4..
- Шарден П.Т. де. Феномен человека. М., 1987.
- Шевцова Л. Россия политическая. М.: Московский центр Карнеги. 1997.
- Шпенглер О. Закат Европы. М., 1992. Т.1.
- Щелкин А.Г. В плену новых иллюзий. М., 1983.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21.
- Юдин Б.Г. "Возможна ли нравственная психология?" — проблема шире названия // Человек. 1998. №3.
- Юнг К.Г. Приближаясь к бессознательному // В кн. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс. 1990.
- Яковец Ю.В. У истоков новой цивилизации. М.: Дело, 1993.
- Bell D. The Comig of Post-Industrial Society. N.Y. 1976.
- Collingwood R.Y. Essays in Political Philosophy. Oxford, 1989.
- Davidson L.D. Lord William Ress-Mogg. N.Y., 1997.
- Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nacaychi. Oxford, 1997. P.X.
- Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nacaychi. Oxford, 1997.
- Drucker P.F. Post-Capitalist Society. N.Y., 1993.
- Ellas N. Power and Civility. The civilizing process. Vol. 11. N.Y. 1982.
- Encyclopeden of World Problems and Human Potential // Edit. by Union of International Associations. Munchen, N.Y., Paris, 1991. Vol. 2.

Flach K.H. Noch eine chance fur die Liberalen. F.a.m. 1971.
Gelen A. Philosophische Antropologie und Handlunglehre. Frankfurt A. M. 1983.
Ingehart R. Cylture Shift in Advanced Industrial Society, Princeton (N:I.) 1990.
Millner H. Sweden: Social Democracy in Practice. Oxford: Oxford University Press, 1989.
Ritter G.A. Der Sozialstaat. Munchen, Oldenbourg, 1989. S. 203.
Ritter G.A. Der Sozialstaat. Munchen: Oldenbourg, 1989.
Saklja T. The Knowledge — Value Devolution or A History of the future. Tokyo — N.Y., 1991.
Schumacher E.F. Small is beatiful. L. 1975.
Toffler A. The Third Wale. N.Y. 1981.
Toffler A. The Third Wale. N.Y., 1981.
Walzer M. The Idea of Civil Society: a Path to a Social Reconstruction // Dissent, Spring, 1991.
Yattes B. The Road Ahead. N.Y.,-L., 1996.

ЦИТАТЫ, АФОРИЗМЫ, ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Человек есть мера всех вещей!

Протагор

Какая может быть польза в любом приобретении, если не хватает разума и мудрости? Разве извлечет какую-либо пользу человек, много приобретший и много совершающий, но лишенный ума? Не лучше ли при этом довольствоваться малым? Посмотри: разве, меньше делая, он не меньше совершает ошибок, а совершая меньше ошибок, не скорее избегнет неблагополучия, избегая же неблагополучия, разве он не избегает несчастья?

Платон

Человек, который не может подавить в себе эмоции, — эстетическая вошь.

Ф.М.Достоевский

Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, — канат над бездной. Опасно шествие на ту сторону, опасна дорога, опасен взор, брошенный назад, опасны колебания и остановка. В человеке великое то, что он может, а не цель; что можно любить в человеке, так это то, что он есть переход и падение.

Ф.Ницше

Человечество могло бы достичь больше успехов, если бы было более трезвым.

Гете

Во всех прочих культурах моменты всемирной истории и истории человека совпадают; начало мира есть начало также и человека; конец человечества — это также и конец мира.

О.Шпенглер

Историческое развитие теряет идеальное и упрощенное единство, которое ему приписывали, оно распадается, так сказать, на массу обломков, которые могут прочно соединиться друг с другом, потому что существенно отличаются друг от друга... Последовательный ряд обществ не может быть изображен геометрической линией, он скорее похож на дерево, ветви которого расходятся в разные стороны.

Э.Дюркгейм

Культура есть то или иное историческое и жизненно-практическое воплощение тех или иных активно проводимых духовных ценностей.

А.Ф.Лосев

Культура есть необъятная сфера накопления и трансляции опыта, знаний, духовных ценностей, формирования информационных программ, в таком качестве она неотделима от способов получения и опредмечивания знаний в преобразовательной деятельности людей. Но включает ли она в себя сам материальный, вещественный состав социальной действительности?

Автор данной монографии

Цивилизация является той ступенью общественного развития, на которой разделение труда, вытекающий из него обмен между отдельными лицами и объединяющее оба эти процесса товарное производство достигают полного расцвета и производят переворот во всем прежнем обществе.

Ф. Энгельс

Цивилизация — это материальное благополучие плюс хорошая организация социальных отношений плюс справедливое распределение благ между коллективами.

Л. Февр

Переход к цивилизации есть переход к собственно социальному типу развития, к развитию общества на собственной основе, к собственно социальной форме организации общества.

В. Н. Сагатовский

Если функция цивилизации — обеспечение общезначимого, стабильного нормативного взаимодействия, то культура отражает, передает и хранит индивидуальное начало в рамках каждой данной общности, каждого данного социума.

А. И. Ракитов

Цивилизованность есть атрибут, неотъемлемое свойство и вместе с тем мера развития цивилизации. Цивилизованность как способ и мера гуманистической благотворности цивилизации применима как к отдельному индивиду, так и обществу в целом.

Автор

Какого же человека можно назвать цивилизованным в противоположность нецивилизованным существам, варварам? Потребности цивилизованного человека развиты, богаты, тонки, разнообразны. Но он по крайней мере стремится умерять их, делать разумно достаточными. У варвара же напротив, ограниченные и грубые потребности. Но представься ему возможность удовлетворять их, он не знает никакой меры... Он испытывает постоянное желание отнять что-либо у других индивидов, групп, народов — но для того лишь, чтобы отнятое проесть, разбазарить, разрушить; он охотно вливается в агрессивную толпу, готов к кровопролитию; на варваров опираются диктаторские, тоталитарные режимы, националистические черносотенные движения.

Н. В. Мотрошилова.

Ядро и источник цивилизационного процесса — это мера социального и духовного освобождения человека, показатель степени нарастания и изменения самого характера цивилизованности, ее ключевых ориентиров: лично-индивидуального, социального, экономического, технологического и духовного прогресса.

Автор

Наиболее значимым сдвигом сегодня является скрытый сдвиг во взаимоотношениях, приемах насилия, способах реализации богатства и власти.

А.Тоффлер

Те, кто говорит о возвращении к свободному рынку, не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, при котором не могли бы выжить и которое не стали бы терпеть.

Дж.Гэлбрейт

Призрак бродит среди нас... Это не прежний призрак коммунизма или фашизма. Это новый призрак — полностью механизированное общество, нацеленное на максимальное производство благ и их распределение, управляемое компьютерами. В ходе его становления человек, сытый и довольный, но пассивный, безжизненный и бесчувственный, все более превращается в частицу тотальной машины. С победой нового общества исчезнут индивидуализм и возможность побыть наедине с собой; чувства к другим людям будут задаваться человеку с помощью психологических и прочих средств или же с помощью наркотиков.

Э.Фромм

Незападные цивилизации пытаются стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение — все то, что входит в понятие «быть современным». Но в то же время они постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада сокращаться. Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличительными по своим ценностям и интересам.

С.Хантингтон

На взгляд Европы, Россия была страной азиатской, на взгляд Азии — страной европейской; эта двойственность вполне соответствовала ее характеру и ее судьбе, которая, помимо всего прочего, заключается и в том, чтобы стать великим караван-сараем цивилизации между Европой и Азией. Даже в самой религии чувствуется это двойное влияние. Христианство — европейская религия, это религия Запада, приняв его, Россия тем самым отделилась от Азии, но христианство, принятое ею, было восточным — оно шло из Византии.

А.И.Герцен

Россия дала синтез культур, духовного опыта и традиций различных народов. Сегодня синтетические культуры проявляют свою жизнеспособность в силу сочетания различных поведенческих кодов и возможности эффективно пользоваться ими в условиях быстрых перемен, интенсивных глобальных связей и зависимости народов. В этом смысле евразийская идея обретает современное содержание как цивилизационная идея XXI века.

Л.В.Скворцов

Если мы хотим повысить эффективность производства любви человечеством, то все главные культурные системы должны быть, очевидно, перестроены, чтобы излучать только позитивный свет любви и приостанавливать производство негативных излучений ненависти.

П.А.Сорокин

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

АГРАРНАЯ СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ, см. *стадия цивилизации аграрная*.

АТРИБУТ, коренное неотъемлемое свойство.

АНТИЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ, умеренное насилие с целью присвоения природных и социальных благ, принадлежащих обществу или другим людям.

АВТОРИТАРИЗМ, политический режим власти, сконцентрированной в руках одного человека или органа государственного управления.

АСКЕЗА, усердие в реализации одних форм жизнедеятельности (трудовых, религиозных) и сознательное ограничение других (мирских наслаждений и т.п.) во имя достижения высоких нравственных целей.

АРХЕТИП, типичная первооснова, образец, исходный бессознательный элемент, характера индивида, народа, общества и т.д.

АДАПТАЦИЯ, процесс приспособления природной и социальной системы, индивидов, общественных объединений к условиям внешней и внутренней среды обитания.

БЛАГО, то, что нужно и полезно для нормальной и здоровой человеческой жизни.

БЛАГОТВОРНОСТЬ, форма деятельности по созданию необходимого, полезного для жизни и развития людей общества.

БОГАТСТВО ОБЩЕСТВЕННОЕ, вся совокупность достижений, ценностей и условий жизни и развития общества и творческих способностей людей.

ВАРВАРСТВО (по Л.Моргану), *глобальный период человеческой истории, следующий за дикостью и предшествующий цивилизации*. В. связано с изобретением гончарного производства, появлением элементов наскальной письменности и т.д. В современном (переносном) смысле обозначает крайние формы жестокости, насилия, разрушения (синоним — *«цивилизованное варварство»*).

ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР, см. *мир виртуальный*.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, см. *периоды человеческой истории глобальные*.

ГОСУДАРСТВО, социально-политическая система органов управления обществом.

ГОСУДАРСТВО СОЦИАЛЬНОЕ, преобладание социальных и правовых функций государства над политическими властными полномочиями принудительного характера, обеспечение всех членов общества равными гражданскими правами и возможностями самореализации.

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ, чувство причастности к делам и проблемам общества, государства и готовность к защите интересов, достоинства своего народа, других этносов, образующих данное общество, государство.

ГУМАНИЗАЦИЯ, очеловечивание человека.

ГУМАНИСТИЧНОСТЬ, характеристика действий, отношений и мыслей людей, предполагающая человеколюбие, свободу и справедливость во имя и во благо каждого человека, реализации его позитивно-творческих способностей.

ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ, отказ не от всякой «идеологии», а от идеологии как системы идей и теорий классового характера, направленных на борьбу за политическую власть в обществе.

ДЕВИАЦИЯ, отклонение от норм жизни и психики человека.

ДЕМОКРАТИЯ, система прав и свобод личности и форма общественно-политического устройства общества на принципах народовластия и первичности волеизъявления народа.

ДИКОСТЬ (по Л.Моргану), *глобальный период человеческой истории, предшествующий варварству*. По Л.Г.Моргану период дикости соответствует времени появления, становления человеческого общества и раннего родового строя (по ар-

хелогической периодизации — палеолита и мезолита).

ДИСКРИМИНАЦИЯ, умаление прав, достижений и заслуг других людей, наций, общественных объединений во имя собственного возвеличивания.

ДУХОВНОЕ, совокупность человеческих умонастроений и установок, выделяющая человека из природного мира. Выступает как в форме мыслительной деятельности отдельного человека, так и в форме традиций культуры определенной нации, культурного наследия всего человечества (философии, морали, нравственности, совокупности наук, искусств, религий и др.).

ДУШЕВНОЕ, состояние чувства, психики человека, нации, общества, связанное с переживаниями по поводу каких-либо внутренних или внешних жизненных ситуаций.

ЕВРАЗИЙСТВО, социокультурно-историческая концепция самобытной цивилизованности России, выражающая элементы европейской и азиатской ментальности и устройства общественной жизни россиян.

ЗЛО, все, что оказывает разрушающее воздействие на человека в его природных и общественных проявлениях, несет ему страдание и смерть.

ИДЕАЛ, высшая цель устремлений людей.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, особенные, самобытные, неповторимые черты характера и поведения человека.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ — процесс обретения личностью своего неповторимого «я».

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ, способ утверждения определенной классовой идеологии в обществе.

ИДЕОЛОГИЯ, система идей, представлений, отражающих интересы определенных социальных, политических групп, классов.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ, процесс отождествления индивида, этноса со своим «я» и отделения себя от «другого».

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ, см. *стадия цивилизации индустриальная*.

ИМПЕРАТИВ, неизбежный, безусловный принцип жизни, действия и поведения людей.

ИНТЕГРАТИВНОСТЬ, качество, характеризующее единение и взаимопроникновение процессов и явлений.

ИНФРАСТРУКТУРА СОЦИАЛЬНАЯ, комплекс сфер обеспечения людей общественными услугами жилья, здравоохранения, культуры, образования, жом-

муникаций, устройства на работу, помощи нетрудоспособным и т.д.

«КИБОРГ», кибернетически организуемый человек, отождествляемый с роботом, наделенный искусственным интеллектом.

КОНФОРМИЗМ, принцип поведения человека, некритически присоединяющегося к суждениям и ценностям, господствующим в данной общественной среде.

КРИТЕРИЙ, отличительный признак, на основе которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило оценки.

КУЛЬТУРА, система духовных и материальных ценностей, способов получения и накопления знаний о природе и обществе, освоения и развития их существенных особенностей, а также специфичная сфера духовной жизни и общения людей, регулирования их поведения, воспитания и развития, личностной самореализации.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП ОБЩЕСТВА, см. *тип общества культурно-исторический*.

ЛИЧНОСТЬ, особенное в человеке, выражающееся в результатах его общественно полезной социальной и профессиональной деятельности.

ЛОКАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, см. *цивилизация локальная*.

МЕНТАЛИТЕТ, образ мышления, душевно-духовной настроенности людей, социальных групп, общества в целом.

МЕРА, единство количественных и качественных определенностей предметов, явлений, процессов.

МЕРНОСТЬ, обладание свойством измерения и соизмерения.

МИР ВИРТУАЛЬНЫЙ, мир возможный, являющийся плодом сознания, фантазии оператора (наблюдателя), выраженный в информационных образах и расчетах.

МОДЕРНИЗМ, *стилевой способ индустриальной стадии цивилизации*, направленный на рациональное отражение реальной действительности, выявление чистых индивидуализированных форм познания и деятельности людей.

МОДЕРНИЗАЦИЯ, процесс качественного обновления всех сфер жизнедеятельности общества, перехода его от традиционного (аграрного) к индустриальному и от него к постиндустриальному способу воспроизводства и развития.

НЕЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ, стихийное действие и мера разрушения человеческих основ жизнедеятельности людей во имя получения эгоистических выгод и благ.

НАЦИЯ, историческая форма этноса, обладающая своими культурными ценнос-

тиями и традициями, языком, территорией и государственностью.

ОБРАЗ ЖИЗНИ, исторически конкретный способ реализации жизненных условий семейно-бытовой и общественной жизнедеятельности людей, выражающийся в определенных ценностных ориентациях и традициях бытия этих людей.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БОГАТСТВО, см. *богатство общественное*.

ПЕРИОДЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГЛОБАЛЬНЫЕ, этапы становления человечества. В качестве П.Ч.И.Г. Л.Морган выделяет *дикость, варварство и цивилизацию*.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ, см. *стадия цивилизации постиндустриальная*.

ПОСТМОДЕРНИЗМ, *стилевой способ постиндустриальной стадии цивилизации*, направленный против модернизма и здравого смысла на утверждение иррациональных форм виртуального многообразия свободы дезориентации и инакового эклектизма в познании и деятельности людей.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО, организация гражданского общества на правовых и нравственных началах, разделения законодательной, судебной и исполнительной ветвей власти.

ПРАВОСЛАВИЕ, одно из основных направлений христианства, состоящее из пятнадцати самостоятельных православных церквей. На Руси возникло в конце X века и сформировалось в православную церковь в середине XV века.

ПРИБЫЛЬ, превышение дохода над расходами.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА, эффективность труда в процессе производства, измеряемая количеством времени, затраченного на создание единицы продукции или количеством продукции, произведенной в единицу времени.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, принятие и реализация управленческих решений, наиболее разумных и целесообразных для данной ситуации, организации производственно-экономических и общественных дел.

РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ, восстановление отброшенной ранее идеологии, процесс, обратный по отношению к деидеологизации.

СВОБОДА, относительная независимость человека от других людей, общества, выражающая возможность его мыслить и поступать в соответствии со своими представлениями и желаниями, путем свободного выбора.

СЕБЕСТОИМОСТЬ, денежное выражение издержек и расходов на производство и реализацию продукции.

СЕРВИЛИЗМ, психология раболепия, преклонения перед властью имущими и агрессивное чванство перед нижестоящими.

СИЛЫ СУЩНОСТНЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, созидательно-творческие (или разрушительные) способности, умения и навыки индивидов, а также опредмеченные формы реализации условий жизнедеятельности общества, его исторического развития.

СОБОРНОСТЬ, черта коллективизма русского народа, славянства.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ — процесс приобщения человека к социуму, к общественному целому.

СОЦИАЛЬНОЕ, общественное начало в жизни и развитии людей, форма их объединения в процессе создания и совершенствования производственно-технических, экономических, политических и духовно-культурных условий своей жизнедеятельности.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА, см. *инфраструктура социальная*.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО, см. *государство социальное*.

СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ СТИЛЕВОЙ, процесс создания условий жизни и творчества людей, определяемый уровнем развития орудий труда и характером отношений собственности. В качестве С.О.Р.Д.Л.С. различают: *традиционализм*, применяемый в *аграрную стадию цивилизации*; *модернизм*, соответствующий *индустриальной стадии цивилизации* и *постмодернизм*, используемый в *постиндустриальную стадию цивилизации*.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, один из основных человеческих принципов, предполагающих соответствие между практической ролью различных индивидов, социальных групп в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами людей и их общественным признанием.

СТАДИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ступени развития общества в рамках *цивилизации* как *глобального периода человеческой истории*, имеющие особые исторические черты. Различают аграрную (обусловленную примитивными орудиями земледельческого труда), индустриальную (отличающуюся большим объемом производства товаров, механическими орудиями

труда) и постиндустриальную (характеризующуюся превращением знаний, информации в орудие труда и жизни индивида и общества) стадии.

СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ, степень развития *цивилизации*, базирующаяся на сверхиндустриальном способе компьютерно-информационных технологий воспроизводства и развития индивидуальных и общественных условий жизнедеятельности людей.

СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНАЯ, степень развития *цивилизации*, отличающаяся большим объемом производства товаров, механическими орудиями труда.

СТАДИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ АГРАРНАЯ, степень развития *цивилизации*, опирающаяся на примитивные орудия земледельческого труда и сословно-правовое деление людей.

СТИЛЕВОЙ СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ, см. *способ отображения реальной действительности и деятельности людей стилевой*.

ТВОРЧЕСТВО, деятельность, порождающая нечто качественно новое, отличающееся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью.

ТИП ОБЩЕСТВА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ (по Н.Я.Данилевскому), совокупность этнографических, хозяйственных, религиозных и государственно-политических черт жизнедеятельности определенного народа в определенное историческое время. Ход истории выражается в смене вытесняющих друг друга К.И.Т. переживающих стадии возмужания, расцвета, дряхления и упадка. Выделяют К.И.Т.: египетский, китайский, индийский, ассирийско-авиловский, иранский, арабский, германо-романский, мексиканский, перуанский, славянский.

ТОТАЛИТАРИЗМ, государственный строй, осуществляющий абсолютный контроль над всеми областями общественной жизни людей.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ, стилевой способ *аграрной стадии цивилизации*, направленный на закрепление, исполнение и пе-

редачу из поколения в поколение определенных обычаев и ценностей жизни людей, их места и функций в обществе.

ЦЕННОСТИ, характеристики объектов и процессов мира, имеющие положительное или отрицательное значение для жизни и развития человека, то, что люди признают стоящими над всем и к чему можно и нужно стремиться, форма оценки вещей и явлений и критерий их значимости.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ, специфическая социальная форма организации общества, объединения людей с целью более полного воспроизводства и развития условий их материальной и духовной жизни, приумножения общественного богатства, раскрытия способностей каждого индивида как личности; (по Л.Моргану) *глобальный период человеческой истории*, подразделяющийся на соответствующие *стадии цивилизации*.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЛОКАЛЬНАЯ, культурно-исторический тип общества.

«ЦИВИЛИЗОВАННОЕ ВАРВАРСТВО», целенаправленное и изощренное насилие над жизнью и личностью человека с использованием достижений науки и техники, приобретений прогресса цивилизации.

ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ, атрибут цивилизации и мера (способ, границы) гуманистической благотворности индивидов, общества, ее вклада в развитие всех субъектов и носителей данной цивилизации.

ЦИКЛ, круговой временной отрезок возникновения, развития и упадка определенных общественных явлений, типа общества в целом или отдельных его структур и субъектов.

ЧЕЛОВЕК, биосоциальное существо, одновременно принадлежащее миру природы и общества, представляющее собой единство тела, души и духа.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СУЩНОСТНЫЕ СИЛЫ, см. *силы сущностные человеческие*.

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ, тайный, скрытый, предназначенный исключительно для посвященных.

ЭТНОС, социокультурно-этнографическая общность людей, обладающая собственной территорией, самоназванием, типическими этнопсихическими чертами, единством образа жизни, языка, культуры и исторической судьбы.

ОБ АВТОРЕ

МЕЛЬНИК ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ. Доцент кафедры философии Уральского государственного технического университета (УГТУ-УПИ). Автор 35 публикаций, в том числе четырех монографий.

Научные интересы: методология социального и цивилизационного познания, теория и история цивилизации, проблемы цивилизованности и нецивилизованности индивида и общества.

ANNOTATION

This monograph is devoted to the nature of civility as a measure of the development of individuals, society, civilization, of the potential of their humanistic salutariness, of counteracting non-civilization. The criteria of measuring and evaluating the civility of the individuals, the society and the main spheres of their functioning are revealed from anthropological and sociocultural points of view. The indications of civility of the postindustrial society are concretized, the problems and the reserves of the development of civility in modern Russia are brought to light.

This monograph is intended for lecturers, post-graduate students, and students of all forms of education.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5

Глава I

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ

Понятие цивилизации	8
Единство и многообразие цивилизации	20
Цивилизованность как определяющий атрибут цивилизации	28

Глава II

МЕРНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Цивилизованность как мера гуманистической благодетельности людей	41
Цивилизованность как мера нецивилизованности	49
Развитие индивидуальности человека как мера его цивилизованности	60
Мера цивилизованности общества, его сфер жизни и развития	69

Глава III

ПРИЗНАКИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ

Компьютеризация и информатизация труда и жизни людей	81
Социализация системы управления экономикой и обществом	90
Деидеологизация общественного сознания и культуры	100
Обновление потенциалов и контуров региональных цивилизаций	106

Глава IV

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗОВАННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Истоки самобытной цивилизованности России	113
Резервы развития российской экономики	118
Требования правовой государственности	125
Необходимость гуманизации духовного саморазвития индивидов	132

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143
-------------------------	------------

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ	146
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	151
ЦИТАТЫ, АФОРИЗМЫ, ВЫСКАЗЫВАНИЯ	156
СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ	159
ОБ АВТОРЕ	163
ANNOTATION	164

CONTENTS

PREFACE	3
INTRODUCTION	5
Chapter I	
CIVILIZATION AND CIVILITU	
The Conception of Civilization	8
The Unity and the variety of Civilization	20
Civilitu as a determinant Attribute of the Civilization	28
Chapter II	
MEASURING VALUES OF CIVILITU	
Civilitu as a Measure of People's Humanistic Salutarines	41
Civilitu as a Measure of non-civilitu	49
The Development of Human Individuality as a Measure of his Civilitu	60
The Measure of the Society's Civilitu, its Vital Activities and Development	69
Chapter III	
THE INDICATIONS OF MODERN CIVILIZING	
The Computerization and Informatization of People's Labour and life	81
Socialization of the Economical and social Management Systems	90
Deideologization of Social Mentality and Culture	100
Renewal of the Potentials and Contours of Regional Civilizations	106
Chapter IV	
THE DEVELOPMENT PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN CIVILIZING	
The Sources of the Original Russian Civilitu	113
The Development Reserves of Russian Economics	118
The Requirements of the Legal State System	125
The Necessity of Humanization of Persons' Spiritual Self-development	132
CONCLUSION	143
BIBLIOGRAPHIC REFERENCES	146
BIBLIOGRAPHY	151
QUATATIONS, APHORISMS, OPINIONS	156
GLOSSARY OF BASIC TERMS	159
INFORMATION ABOUT THE AUTHOR	163
ANNOTATION	164

Научное издание

СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»
Выпуск 11

МЕЛЬНИК ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ

**ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ
КАК МЕРА РАЗВИТИЯ
ИНДИВИДА И ОБЩЕСТВА**

Художник *И.В.Коношенко*
Корректор *Н.А.Зайцева*
Компьютерная верстка *В.Д.Толмачева*
Печать *И.В.Зыкина*

Изд. лиц. № 071278 от 25.08.96 Подписано в печать 25.10.99
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага «Union Print».
Гарнитура «Times New Roman Cyr». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 10,12. Тираж 300 экз. Заказ № 11. Отп. в изд-ве.
Банк культурной информации. 620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс: + 7/3432/22–15–46.

**В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ СЕРИИ
«ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»:**

В.И.ГЛАДЫШЕВ

**КОМПЕНСАТОРНОЕ ОБЩЕНИЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

В монографии осуществлен социально-философский анализ компенсаторного общения как своеобразного способа гармонизации коммуникативного мира личности, предупреждения и смягчения одиночества.

На основе анализа, различных проявлений компенсаторного общения автор предостерегает против увлечения его негативными формами и дает конкретные рекомендации по благоприятному использованию компенсаторного общения для развития *личности*.

Книга адресована преподавателям гуманитарных дисциплин, специалистам в области философии и социальной психологии, практическим работникам образования и всем, кто интересуется проблемами общения.

**О.А.ПОКОТИЛО
ЖИЗНЬ МУЗЫКИ**

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
КАК ЦЕЛОСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

В книге рассматриваются содержание музыкального процесса, его особенности, соотношение музыкального образа и действительности, а также характеризуются роли композитора, исполнителя, слушателя и музыковеда в структуре музыкального процесса.

Книга адресована всем, кто интересуется проблемами музыкального творчества, философией музыки. Она будет полезна как музыкантам-профессионалам, музыковедам, эстетикам, культурологам, философам, так и широкому кругу читателей.

